

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ
РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ АНТИКОВЕДОВ

Закон и обычай гостеприимства в античном мире

Доклады конференции

Москва, 1999

Редколлегия:
д.и.н. Л.П.Маринович
д.и.н. И.Л.Маяк-
к.и.н. Н.А.Чаплыгина
Л.Л.Селиванова

рецензенты
д.и.н. М.К.Трофимова (ИВИ РАН)
д.и.н. Г.Т.Залюбовина (М ПГУ)

- 3 Закон и обычай гостеприимства в античном мире. Доклады конференции - М., ИВИ РАН. - 196 с.

Предлагаемая вниманию читателей книга представляет собой сборник, посвященный памяти крупнейшего ученого-антиковеда, Елены Сергеевны Голубцовой.

В основу сборника положены материалы последней конференции, проведенной Е.С.Голубцовой: "Закон и обычай гостеприимства в античном мире", которая прошла в Москве в Институте всеобщей истории РАН 27-28 мая 1998 г.

В первой части содержатся воспоминания коллег и учеников Елены Сергеевны Голубцовой, приведен список ее научных работ. Доклады, сделанные на конференции, представлены во второй части сборника.

0503010000-1

3 — без объявл.
45ж(03)-99

ISBN 5-201-00513-6

ПАМЯТИ ЕЛЕНА СЕРГЕЕВНЫ ГОЛУБЦОВОЙ (1921-1998)

Наш сборник посвящен памяти Елены Сергеевны Голубцовой не только потому, что она — увы! — ушла от нас навсегда, но и потому, что 2-я часть его подготавливалась ею. Она провела последнюю в своей жизни конференцию Российской ассоциации антиковедов, которой бессменно руководила 10 лет, и собрала для издания статьи, основанные на представленных на конференции докладах.

В 1-й же части помещены воспоминания ее коллег и друзей, которые помогут сохранить в памяти тех, кто ее знал, и воссоздать для тех, кому не довелось ее узнать, светлый образ Елены Сергеевны.

Елена Сергеевна родилась в Москве 8 мая 1921 г. После окончания школы поступила в 1939 г. на Исторический факультет МГУ. Во время Великой Отечественной войны уехала с матерью и братом в эвакуацию, где продолжила учебу на Историческом факультете Государственного педагогического института им. К. Либкнехта (впоследствии — им. В.И. Ленина). В 1943 г. вернулась с семьей в Москву и восстановилась на Истфаке МГУ, который в 1945 г. закончила с отличием. Специализировалась Елена Сергеевна на кафедре Древнего мира. Руководил кафедрой тогда молодой еще, но уже авторитетный проф. Н.А. Машкин, весь профессорско-преподавательский состав был очень сильным. История Древнего Востока была представлена проф. В.И. Авдиевым и доцентами Д.Г. Редером и И.С. Кацнельсоном, историю Древней Греции и эпоху эллинизма преподавали проф. А.Б. Ранович, доц. К.К. Зельин, ставший со временем ученым мирового класса, начинавшие в то время доц. Н.Н. Пикус и О.И. Савостьянова. Специализацию по Риму вели проф. Машкин, недолгое время вплоть до смерти — проф. С.И. Протасова, блистательный лектор А.Г. Бокшанин. Принимал участие в работе кафедры проф. А.В. Мишулин. Был организован великолепно укомплектованный книгами и журналами Кабинет, возглавляемый широко образованной Т.М. Шепуновой. В этот научный коллектив, группировавший вокруг себя лучшие силы специалистов по истории Древнего мира, античной философии и филологов классиков, трудившихся в ВУЗах, академических институтах и музеях Москвы, и вошла Елена Сергеевна в качестве аспирантки Н.А. Машкина.

Аспирантские годы на кафедре Древнего мира МГУ сыграли большую роль в становлении Е.С. Голубцовой как ученого и человека. Она не только овладела серьезной программой подготовки специалистов-античников, выработанной кафедрой, но и не порывала связей с учеными Исторического факультета, ее бывшими наставниками, руководившими общими семинарами для студентов, особенно по Всеобщей истории. Так она сохраняла всегда дружбу с проф. Фаиной Абрамов-

© Коллектив авторов, 1998
© Институт всеобщей истории РАН, 1998
© Российская Ассоциация антиковедов, 1998

ной Коган-Бернштейн. Неразрывные узы со своими наставниками студенческой поры, глубокое уважение к учителям были прекрасной традицией университетской жизни, которую впитала в себя Елена Сергеевна и передала ее по эстафете следующим за ней. Одновременно усилиями заведующего и помогавшей ему в этом Т.М. Шепуновой сплачивались на общей помощи кабинету и на основе общественных дел кафедры и факультета специализировавшиеся по античности студенты и аспиранты кафедры, особенно ученики Н.А. Машкина. Это сознание сопричастности к любимому делу — изучению и исследованию античности, необходимой ответственности за него, Елена Сергеевна пронесла через всю свою жизнь.

В 1948 г. Елена Сергеевна начала работать в Институте истории АН СССР и была секретарем академика Р.Ю. Виппера вплоть до его смерти в 1955 г. После этого она осталась в Институте, где проработала до конца дней. Сначала она была младшим научным сотрудником сектора Древней истории, а потом и старшим научным сотрудником того же сектора, хотя Институт в 1968 г. был поделен на Институт истории СССР и Институт всеобщей истории, в состав которого и вошел сектор. С 1990 по январь 1998 г. Елена Сергеевна трудилась в звании ведущего научного сотрудника и с 1998 г. — в должности научного консультанта. Работая в секторе, Елена Сергеевна защитила в 1949 г. кандидатскую, а в 1971 г., — докторскую диссертацию.

За время пребывания в Академии Елене Сергеевне довелось пройти по стезе организационно-административной деятельности. И здесь в полной мере развернулся ее талант. С 1976 г. по 1988 г. она являлась заведующей сектором Древней истории Института всеобщей истории (ИВИ), параллельно с 1977 по 1998 г. была членом редколлегии журнала ВДИ, с 1973 по 1985 г. состояла членом Экспертного совета ВАК СССР, а с 1988 возглавляла Всесоюзную, а с 1992 — Российскую ассоциацию антиковедов. Одно только перечисление занимаемых ею постов показывает, какой груз труда и ответственности она несла на себе. Если же добавить к этому ее участие в общественной жизни академического института, станет ясным, насколько разносторонней и неординарной была ее трудовая жизнь.

Область научных интересов Елены Сергеевны сначала локализовалась в Северном Причерноморье. Ее кандидатская диссертация, вышедшая в 1951 г. в качестве монографии в серии "Причерноморье в античную эпоху" называлась "Северное Причерноморье и Рим на рубеже нашей эры" (М., 1951). В центре внимания автора — Ольвия, Херсонес и Боспор, где столкнулись интересы греческих городов, скифских и сарматских племен и Рима. Севернопричерноморские районы рассматриваются в книге как разного вида объекты римской внешней восточной политики. Работа построена преимущественно на античной традиции с учетом археологических данных и на эпиграфи-

ческих и нумизматических материалах. Именно с этой книги ведет начало особая приверженность Елены Сергеевны к эпиграфике. Все ее последующие труды в качестве главного источника имеют надписи, а объектом ее исследования становится Малая Азия и сельские общины на ее территории. Этому посвящена ее монография¹. В ней выделены сельские общины на городской земле и на государственной, которые именуются "независимыми", проанализированы экономические, социальные и политические условия ее развития. Дальнейшее изучение сельской общины Малой Азии со стороны Елены Сергеевны было успешно продолжено. В 1972 г. вышла ее книга "Сельская община Малой Азии (III в. до н.э.-III в. н.э.)". Здесь особое внимание было уделено уже сельской общине на городской земле, показана ее специфика по сравнению с общинами на земле государственной (независимыми), отмечены более интенсивное развитие частнособственнических отношений, рост значения индивидуальной семьи и рабовладения. Вместе с тем, были выявлены имущественная и социальная дифференциация крестьян и влияние полисной организации на эти процессы.

В первой половине 70-х годов под руководством тогдашнего заведующего сектором Древней истории ИВИ, СЛ. Утченко прошло расширенное заседание антиковедов, на котором Елена Сергеевна выступила с тезисом о важнейшем значении общинных отношений в эллинистическую и римскую эпохи. Значимость сельской общины для социально-экономического развития Рима подчеркнул В.И. Кузищин. Мне довелось обратить внимание участников ученого собрания на общинный характер городских структур в античности, тесно связанных с сельской округой, что было поддержано СЛ. Утченко. Выявилась неоднозначность понимания нашими учеными термина "община" в античное время. Таким образом, поднятый Еленой Сергеевной вопрос об общине, фактически в ее сельском (соседском) варианте, перерос в проблему античной общины вообще. Это нашло отражение в совместном докладе Е.С. Голубцовой, В.И. Кузищина и Е.М. Штаерман на XIV Международном конгрессе исторических наук в Сан-Франциско, опубликованном в 1975 г. под названием "Община в античном мире", а также во множестве публикаций 70-х — 80-х годов², в которых выяснилась полисемантность термина "община", подчеркивалось наличие общин как производственных объединений и общин социально-политического характера, исследовалось соотношение соседских, сель-

¹ *Голубцова Е.С.* Очерки социально-политической истории Малой Азии в I-III вв. Независимая сельская община. М., 1962.

² *Штаерман Е.М.* Еще раз к вопросу о римской сельской общине//ВДИ, 1978, № 2; *Она же.* Древний Рим. Проблемы экономического развития. М., 1978; *Кошеленко Г.А.* Греческий полис на эллинистическом Востоке. М., 1979; *Античный полис.* Л., 1979; *Маяк И.Л.* Рим первых царей. М., 1983 и др.

ских общин и гражданских общин (полисов, civitates). Таким образом, Елена Сергеевна дала толчок интенсивному развитию исследовательской мысли многих ученых, обогативших нашу историографию и конкретными выводами и выводами теоретического характера.

Уже в названных выше монографиях, а также статьях и докладах у нас в стране и за рубежом Елена Сергеевна касалась культуры крестьянства, проживавшего на разной принадлежности землях в Малой Азии. В 1977 г. вышла ее монография "Идеология и культура сельского населения Малой Азии I—III вв.". Она наполнена богатейшим и очень живым эпиграфическим и изобразительным материалом, воспроизведением археологических памятников, иллюстрирующих и уточняющих свидетельства письменных источников. В книге рассмотрен круг местных божеств-покровителей, обеспечивавших благоденствие населения и на уровне сельских общин и на уровне государства в эллинистическое и римское время. В ней показано значение и удельный вес греческих, римских и христианских влияний на сакральную жизнь и мировоззрение общинников.

Весь блок названных монографий позволяет сказать, что Елена Сергеевна внесла свой вклад в разработку вопроса о сельской общине, чем объективно помогла продвинуть исследование проблемы полисных структур, и, одновременно, существенным образом обогатить региональную историю античности, т.е. историю Малой Азии эллинистической эпохи и в составе комплекса римских провинций.

Широта научных интересов Елены Сергеевны засвидетельствована и в находящейся в печати ее монографии, посвященной взаимоотношениям государства с окружающим его миром общин. Она содержит разбор античных терминов, обозначающих такие понятия, как народ, племя, род, община, что приводит Елену Сергеевну к неправомерности отказа от них современными этнологами, применительно к античности. К сожалению, автор не увидит этого своего труда.

Обширные знания, широта интересов и исключительное трудолюбие сыграли весьма положительную роль в то время, когда она руководила работой сектора (потом отдела) Древней истории ИВИ, включая работу с аспирантами. Она стимулировала научное творчество учеников и сотрудников, осуществляла редакторскую работу фундаментальных изданий, выходивших под эгидой РАН, в большинстве которых участвовала и в качестве автора глав. Она была ответственным редактором двухтомной "Культуры Рима" (М., 1985); I тома "Истории Европы" (М., 1988), и уже не возглавляя отдел, — книг "Эллинизм. Экономика, политика, культура." (М., 1990); "Эллинизм. Восток и Запад" (М., 1992), а также совместно с Л.П. Маринович книги Е.М. Штаерман "История крестьянства в древнем Риме" (М., 1996). Елена Сергеевна дала добро в качестве титульного рецензента сборникам "Женщина в античном мире" (М., 1995) и "Человек и общество в античности" (М.,

1998). Немало усилий приложила она для организации напечатания монографии В.И. Исаевой "Античная Греция в зеркале риторики. Исократ." (М., 1994).

Елене Сергеевне обязаны мы изданием и переизданием переводов текстов античных авторов, что тоже осуществлялось при ее участии в роли ответственного редактора. В 1989 г. вышел I, в 1991 г. — II и в 1993 г. — III том сочинения Тита Ливия; в 1994 г. — I и II тома, в 1996 — III том речей Демосфена и в 1998 г. — исторических произведений Аппиана.

Эрудиция, трудоспособность и организаторский дар, который выделял Елену Сергеевну среди ученых, сказались во всей полноте в руководстве ею Ассоциацией антиковедов (СССР, потом России). Ее деятельность на этом поприще следует выделить особо. С распадом СССР разрывались органические узы, связывавшие ученых академий и ВУЗов страны. Научные работники и преподаватели были обречены на то, чтобы вариться в собственном соку, в пределах бывших союзных республик, ставших независимыми государствами, они лишались возможности обменяться опытом, проверить свои выводы на обсуждении в широком кругу античников разных специальностей, наконец, напечатать результаты своих исследовательских опытов. В этих тяжелых условиях Елена Сергеевна попыталась объединить людей, вселить в них уверенность в необходимости их труда, в возможности двигаться вперед. И действительно, на ежегодные конференции и заседания круглых столов съезжались антиковеды не только из дальних районов России или далеких от Москвы городов, как Казань, Свердловск, Омск, но и с Украины, Азербайджана, Белоруссии, Казахстана, преодолевая все возраставшие материальные трудности. На таких встречах все получали заряд бодрости, стимуляцию к труду. Особое значение для этого имело издание сборников Ассоциации, редактируемых Еленой Сергеевной. Но этого мало. Участие Елены Сергеевны в их создании не ограничивалось написанием статей, редактированием и организацией их напечатания. Настало время открыть то, что Елена Сергеевна держала в секрете: ведь она сама субсидировала публикацию сборников, далеко не вес потом пускала в продажу, а значительную часть просто раздавала. В этом она видела свой долг перед антиковедческим сообществом и перед институтом, в котором трудилась на разных постах до конца своих дней.

Такое поведение было выражением ее натуры, результата воспитания в семье подлинных русских интеллигентов и в коллективе кафедры МГУ с ее глубокими традициями любви к науке и ответственности в отношении коллег. Сказывался, разумеется, и ее длительный опыт общественной работы в качестве председателя Месткома и секретаря Парткома крупного академического института, когда ей приходилось заботиться и о бытовой и об идейной и производственной стороне и

коллектива и отдельных людей. Здесь она была вполне искренна, без тени фальши и формализма.

Елена Сергеевна была цельной натурой, преданной идее материалистического взгляда на историю и коллективизма в политической и быденной жизни. Она не изменяла своему "сredo", но с уважением относилась к мнениям и идейным склонностям других, даже и не разделяя этих мнений. Единственный случай ее активного выступления против чуждых ей воззрений — это ее бескомпромиссная борьба с "передовыми" взглядами части наших математиков, безграмотно "опровергавших" хронологические вехи Древней истории, а с ними — и всю историческую науку. Но эта полемика велась Еленой Сергеевной и в устной и в письменной форме корректно, абсолютно академично.

Всегда и во всем — дома, на официальных собраниях и научных конференциях Елена Сергеевна умела вести себя достойно — уважительно, твердо и, вместе с тем, удивительно доброжелательно. Ей был присущ ровный и благожелательный тон, радушный прием гостей дома и в секторе для приехавших на конференцию или пришедших на заседание товарищей. Всегда милая, веселая, нарядно одетая Елена Сергеевна приносила с собой ощущение надежности и душевного комфорта. Ею всегда руководило желание прийти на помощь любому, кто в ней нуждается. Ей хотелось быть полезной, и она такой была.

Известный ученый, организатор науки и администратор, Елена Сергеевна была твердым стержнем, на котором держались семья и дом, и именно она обустроивала домашнюю жизнь — сама все покупала (а, порой, это было непросто!), сама готовила и даже всю семью обшивала. Она любила менять и обновлять туалеты, которые шила себе сама, и с прелестной простотой обсуждала их планы и делилась своими радостями от достигнутых на этом поприще успехов.

Казалось, ей все легко удавалось. Но это не так. На пути Елены Сергеевны встречались недоброжелатели и тяготы. Но она принципиально не фиксировала на дурном свое внимание, не позволяла себе расслабиться и упасть духом. В этом проявлялись житейская мудрость и стойкость Елены Сергеевны, ее уважение к окружающим.

В памяти всех, кто знал ее, Елена Сергеевна останется как светлый пример разностороннего, талантливого, деятельного Человека и красивой, доброй Женщины, которой не коснулась старость.

И.Л.Маяк

ЧАСТЬ I

ЕЛЕНА СЕРГЕЕВНА ГОЛУБЦОВА И РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ АНТИКОВЕДОВ

История ассоциации насчитывает более тридцати лет. У истоков Античной ассоциации стояли крупнейшие отечественные ученые — доктор филологических наук Н.И.Новосадский и доктор искусствоведения В.Д.Блаватский, при котором работа ассоциации активизировалась. Заместителями сопредседателей были такие крупные ученые-антиковеды, как С.Л.Утченко и В.И.Кузищин. 12 мая 1982 года состоялось заседание Античной ассоциации, на котором было избрано Бюро в составе: д. и. н. Е.С.Голубцова, д. и. н. С.С.Аверинцев, д. и. н. Г.А.Кошеленко, д. и. н. В.И.Кузищин и д. фил. н. А.А.Тахо-Годи (отчет об этом заседании см. ВДИ, 1983 № 2. С. 185-186). Но хотя Ассоциация продолжала свою работу, она не являлась законодательно оформленным органом. Датой ее официального признания следует считать 21 апреля 1988 г., когда Отделением истории АН СССР было принято решение о воссоздании Ассоциации антиковедов СССР. 8 июня 1988 г. состоялось организационное заседание Ассоциации, принявшее ее Устав, избравшее Президента и рабочее бюро (отчет об этом заседании см. ВДИ, 1988 № 4. С.218). Президентом Ассоциации антиковедов единогласно была избрана д. и. н. Е.С.Голубцова. Ее кандидатура была одобрена дирекцией Института всеобщей истории и поддержана Отделением истории АН СССР. В своем выступлении директор Института А.О.Чубарьян сказал, что опыт Елены Сергеевны Голубцовой, ее авторитет и знания широко известны и общепризнаны. Он также подчеркнул, что базовая организация Ассоциации — Институт всеобщей истории и Институт будет всемерно содействовать работе Ассоциации. Было избрано Бюро в составе 11 человек. Ученым секретарем Ассоциации стала Е.В.Ляпустина. Принят был также Устав Ассоциации, согласно которому основными целями и задачами провозглашались следующие: всемерное содействие развитию советского антиковедения, привлечение ученых к решению актуальных научных проблем древней истории и культуры; популяризация достижений отечественной науки о древности; оказание научной и методической помощи в постановке преподавания античной истории в высшей и средней школе; осуществление научных связей с зарубежными специалистами. В соответствии с этими задачами предполагалось проводить всесоюзные конференции и научные заседания по актуальным

проблемам антиковедения, привлекая также ученых из-за рубежа, обмениваться литературой, готовить совместные труды, публиковать сообщения о своих мероприятиях на страницах журнала "Вестник древней истории". Членами Ассоциации могли быть как отдельные лица, так и коллективы — вузы, институты, музеи, библиотеки, а также их подразделения, содействующие развитию деятельности Ассоциации.

С этого времени начался новый плодотворный этап в работе Ассоциации. В начале 1989 г. Ассоциация античников СССР вступила в Международную Ассоциацию классических исследований (ФИЭК), членами которой являлись Ассоциации всех стран.

Ассоциация была зарегистрирована Исполкомом райсовета Октябрьского района г. Москвы в апреле 1991 г. как Всесоюзная Ассоциация Антиковедов при Отделении истории Академии Наук СССР.

После распада СССР Всесоюзная Ассоциация Антиковедов была преобразована во Всероссийскую Ассоциацию Антиковедов с передачей ей прав Всесоюзной. 3 июня 1992 г. на общем собрании членов Ассоциации было избрано Бюро в составе 14 человек и утвержден Устав Ассоциации. Вице-президентами были избраны д.и.н. Г.С.Кнабе и д.и.н. Э.Д.Фролов, ответственным секретарем Н.А.Чаплыгина.

Впоследствии Всероссийская Ассоциация Антиковедов была переименована в Российскую Ассоциацию Антиковедов, бессменным Президентом которой Е.С.Голубцова оставалась до конца своих дней. 25 января 1993 года общественное объединение "Российская Ассоциация Антиковедов" и его Устав были зарегистрированы в Министерстве юстиции Российской Федерации за № 1494. И хотя Ассоциация носит название Российской, ее членами по-прежнему являются ученые всего нашего отечества, как бы оно ни называлось — СССР или СНГ. Хорошие связи у Ассоциации с античниками Беларуси, Украины, Молдовы, Казахстана. "Авторитет Ассоциации у нас очень высок. Вы нужны нам" — таков лейтмотив многих писем из Ближнего Зарубежья... Сейчас в Российской Ассоциации Антиковедов более 200 членов.

За время пребывания на посту Президента Ассоциации Елена Сергеевна провела 9 "круглых столов" и 9 конференций. По сложившейся традиции "круглые столы" проходили зимой, обычно в начале года, конференции — в конце мая — начале июня.

Самый первый "круглый стол" состоялся в апреле 1989 г. и был посвящен теме: *"Цивилизация: общество, личность"*. Весной 1990 г. прошло заседание "круглого стола" *"Античный город: среда обитания"*. Тема третьего "круглого стола", состоявшегося 29 января 1992 г., — *"Устная традиция и письменный источник"*. *"Правовая норма и реальная жизнь в античном мире"* — тема заседания 29 января 1993 г. Большой резонанс вызвала тема пятого "круглого стола", прошедшего 31 января 1994 г. — *"Античное наследие в культуре после-*

дующих веков". Широта тематического охвата, выход за рамки собственно антиковедения, обращение к другим историческим эпохам и культурным традициям привлекли к себе большое внимание не только историков-антиковедов, медиевистов, славяноведов, специалистов по истории древней Руси, Византии, Западной Европы, России и Америки, но и археологов, нумизматов, искусствоведов, музейных и библиотечных работников, а также журналистов. Вот названия только некоторых докладов: "О наследии античной эпохи в культуре современной Болгарии", "Античность в фондах королевского замка (Беларусь)", "Античный сюжет в русской монетной типологии (Химера на деньге московского великого князя Василия Темного)", "Биографии античных политических деятелей в российской общественной жизни конца XIX — начала XX", "Аполлоновское и дионисийское в поэзии А.С.Пушкина", "Женщины в политической жизни позднеархаических Афин: истоки матриархата или матримониальная традиция?", "Рабство и свобода: антиковедение США и социальный опыт американского общества"... Яркие, живые доклады и обсуждения стали основанием для продолжения этой темы в следующей конференции. Шестой "круглый стол" был посвящен более узкой, профессиональной, но очень актуальной для специалистов теме: *"Значение публикации источников за последние 5 лет для изучения древней истории"* (1 февраля 1995 г.). Во время заседания "круглого стола" 31 января 1996 г. *"Город Рим (различные аспекты его бытия в античную эпоху)"* было показано много интересных слайдов, иллюстрирующих историю и архитектуру "вечного города". Тема восьмого заседания — *"Торговец и торговля в античном мире"* (29 января 1997 г.). Материалы этого "круглого стола" вышли отдельным изданием.

Очень актуальной и удачной оказалась тема последнего, девятого "круглого стола" — *"О состоянии учебников и учебных пособий по истории древнего мира для средней школы"* (28 января 1998 г.). В его работе приняли участие учителя средних школ, гимназий, лицеев, преподаватели вузов, методисты, авторы учебников и учебных пособий и их рецензенты, представитель министерства образования, студенты, аспиранты и журналисты. Выступающие говорили о наболевших проблемах образования, в частности, связанных с учебными программами и нехваткой учебно-методической литературы. С большим интересом ознакомились учителя с разверстой выставкой учебников, пособий, рабочих тетрадей, карт, популярных книг для чтения по истории, культуре и религии древнего мира. С особым вниманием был заслушан доклад голландского ученого А. ван Хоофа о преподавании древней истории в его стране (доклад сопровождался показом слайдов). Подробная хроника "круглого стола" опубликована в газете для учителей "Первое сентября". Интересные мнения, обмен опытом, желание сотрудничества со всеми, кто связан с процессом образования, побудили

Елену Сергеевну на следующем же заседании Бюро выступить с предложением о создании в рамках Ассоциации отделения, которое бы осуществляло связь и оказывало реальную помощь представителям всех уровней просвещения в целях интеграции науки и образования. Этот проект Елена Сергеевна не успела осуществить...

Самая первая конференция Ассоциации Антиковедов состоялась 30 октября — 2 ноября 1989 г. и называлась **"Античность и современность"**. Материалы этой, как и всех последующих конференций, выходили отдельной книжкой, в сборнике Ассоциации. В июне 1991 г. совместно с ВДИ прошла конференция **"Человек. Личность. Общество"**. 1-3 июня 1992 г. состоялась конференция на тему: **"Социальные структуры и социальная психология"**. Тема четвертой конференции — **"Методология и методика изучения античной истории"** (31 мая — 2 июня 1993 г.). Пятая конференция **"Формации и цивилизации"** состоялась 2-3 июня 1994, отчет о ее работе опубликован в ВДИ 1995 № 3. С. 247-250. 31 мая — 2 июня 1995 г. прошла уже упоминавшаяся выше конференция **"Античный мир и его судьбы в последующие века"**, отчет о которой публиковался в ВДИ 1996 № 1. С. 204-205. Тема седьмой конференции — **"Власть и общество в античном мире"** (29-31 мая 1996 г.) вызвала такой большой поток заявок и повышенный интерес, что была продолжена и расширена на следующей конференции, проходившей 26-27 мая 1997 г. под названием **"Власть — человек — общество"**.

Последняя, девятая конференция, прошедшая 27-28 мая 1998 г., была посвящена теме: **"Закон и обычай гостеприимства в античном мире"**. Материалы ее публикуются в настоящем издании.

В трудные времена, которые переживает страна, а вместе с ней наука и образование, Елена Сергеевна, человек, шепетильный до крайности, не сочла себя вправе обременять родной институт и взяла на себя целиком и полностью нелегкий груз проблем, связанных с изданием материалов конференций и "круглых столов" Ассоциации. Она никого не подпускала к этой работе, сама звонила в издательства, готовила необходимые документы, лично ездила в типографию проверять качество и сроки работ и даже хлопотала насчет бумаги, "выбывая" лучшую. Лишь на последнем этапе, когда тираж нужно было привезти из типографии, к делу подключались сотрудники. Но и здесь Елена Сергеевна считала своей обязанностью обеспечить их транспортом. Докладчики, принимавшие участие в конференции, получали авторские экземпляры бесплатно, несколько экземпляров Елена Сергеевна дарила библиотекам (в частности, РГБ, ГПИБ, ИНИОН). Остальная часть тиража продавалась всем желающим в дни работы конференций и "круглых столов". При этом цена сборников была ниже себестоимости, так что о какой-то прибыли нечего и говорить. Но так-то была твердая позиция Президента Ассоциации: книги по специ-

альности должны быть доступны всем, тем более в условиях настоящего книжного голода, который особенно остро ощущается на периферии. Мало кто знал об этой стороне издательской деятельности Елены Сергеевны, а сама она не любила себя выделять, являя тем самым пример истинного подвижничества, личной скромности и бескорыстного служения науке. Поэтому все считали естественным, привычным, само собой разумеющимся своевременный и качественный выход в свет сборников Ассоциации. В последнее время к этому, правда, прибавилось удивление: как удается так быстро и без проблем выпускать эти материалы, когда даже в крупных издательствах "зависают" давно принятые к печати книги? Человек широкой души, Елена Сергеевна щедро дарила сборники Ассоциации всем желающим. Мало того, она откликалась на любую просьбу о пересылке по почте сборников как отдельным лицам, так и организациям (особенно, если это были провинциальные вузы и библиотеки). Тесные и теплые отношения связывали Елену Сергеевну с Казахской ассоциацией антиковедов. "... несмотря на весь драматизм состояния науки и культуры в это тяжелое и беспокойное время, — писала Елене Сергеевне Президент этой ассоциации К.П.Коржева, — есть еще люди, верные своим идеалам, есть еще надежды на лучшее будущее... Вашими сборниками... пользуются преподаватели при подготовке лекций, студенты в процессе написания дипломных работ и выступлений... Хорошую службу служат эти небольшие книжечки, особенно сейчас, в период дефицита литературы по специальности вообще и учебно-методической, в частности".

Последний такой подарок Елена Сергеевна сделала активнейшему члену Ассоциации Брониславе Борисовне Виц, послав несколько сборников в Израиль.

Все работающие с Еленой Сергеевной секретари (Елена Валерьевна Ляпустина, Нелли Александровна Чаплыгина, а также пишущая эти строки) отмечали в ней необыкновенные трудоспособность и трудолюбие, преданность делу, высокую требовательность к себе и терпимость к другим. Интеллигент до мозга костей, "кто служит делу, а не лицам", Елена Сергеевна была по-настоящему незлобива, не помнила обид и по-прежнему продолжала помогать словом и делом даже тем людям, кто по отношению к ней проявил элементарную черную неблагодарность. Никогда личное у Елены Сергеевны не превалировало над общественным, а интересы Ассоциации и отдела, неразрывно друг с другом связанные, были для нее превыше всего.

Прекрасный организатор и опытный руководитель Елена Сергеевна не допускала в работе Ассоциации авралов и штурмовщины, во всем руководствуясь несколько сейчас подзабытым словом "план". При этом она не терпела казенщины и бюрократизма и всегда была чужда ненужной мелочности и буквредства. И потому при большом количестве разного рода бумаг, которые неизбежны в любой организации, не

было места ни волоките, ни канцелярской рутине. Она могла строго спросить за промахи в работе, но делала это всегда в такой корректной и необидной форме, что хотелось как можно скорее исправить ошибку и **подтянуться**, только бы не огорчать, не подвести этого светлого человека, уровню которого просто необходимо было соответствовать. И поэтому работать в тандеме с Еленой Сергеевной было всегда легко и приятно, казалось, все делается само собой, быстро, дружно, весело, даже играючи. После многочасовой работы оставалось ощущение приятной усталости от честно выполненного долга и радости от общения и обучения.

В процессе общения с Еленой Сергеевной пишущей эти строки нередко приходил в голову образ кариатиды, несущей на своей пышных кудрях большой и тяжелый груз легко, красиво, по-эллински изящно, с высоко поднятой головой.

Многих, впервые видевших Елену Сергеевну на конференциях, а также наших зарубежных коллег поражало, как легко и спокойно умела проводить заседания эта строгая элегантная дама, с царственной осанкой восседающая в Президиуме. Никогда не возникало каких-либо обид у выступающих по поводу регламента, но и регламент не нарушался. Никакого излишнего накала страстей. Ни одна, даже самая бурная дискуссия не выходила за рамки объективности и корректного научного обсуждения. Многие робели при Елене Сергеевне, видя в председательствующем некоторую суровость и отчасти холодность крупного ученого. Но каково же было восхищение этих людей, когда они убеждались в том, насколько проста, доступна, без всякого намека на снобизм была Елена Сергеевна для всех без исключения в живом человеческом общении. Особый восторг выражали наши иностранные коллеги, когда строгая "Madame le President", только что свободно обсуждавшая с ними научные проблемы по-французски, превращалась в радушную хозяйку, с истинно русским гостеприимством потчует всех на так называемых "фуршетах", коими неизменно заканчивались все наши конференции. Однако не "иностранное" направление было основным в деятельности Ассоциации. В центре внимания всегда была забота об отечественной науке, поддержка всеми силами ученых России и Ближнего Зарубежья. Сейчас, когда очень многим нашим коллегам стало весьма затруднительно предпринимать поездки в связи с отсутствием средств на командировки и проживание в гостиницах, их стремление попасть на конференции, даже и за свой счет — это, пожалуй, единственная возможность как-то заявить о себе в Москве, опубликовать свою статью в сборнике Ассоциации, привезти для себя и своих коллег новую литературу по специальности, которую всегда можно приобрести в дни работы конференций и "круглых столов". Практически всегда у гостеприимного Президента Ассоциации кто-нибудь да был на постое во время работы конференций. А уж угостить

чайком на секторе попавших с корабля на бал перед началом заседания Елена Сергеевна считала своей святой обязанностью! Всегда и во всем приезжим обеспечивался приоритет перед нами, москвичами. Касалось ли это регламента, переноса дня и часа выступления, принятия ли в сборник текстов докладов, включения ли докладов вне повестки дня и т.п. Даже тексты выступлений, порой не оформленные должным образом, иногда просто рукописные, имеющие все основания для формального отказа в приеме, Елена Сергеевна не разрешала отклонять. Общими усилиями эти проблемы решались. Чаще всего в дело включалась секретарь отдела античной истории Надежда Евгеньевна Землянская, которая самоотверженно расшифровывала и перепечатывала присланные рукописи, совмещая эту помощь со своими непосредственными служебными обязанностями.

А кто не помнит "фуршеты", завершающие конференции?! Огромные в цветах торты, что приносила на эти чаепития Елена Сергеевна?! Это был традиционный ритуал. И вот в теплой, домашней обстановке вчерашние оппоненты мило обсуждают научные проблемы, шутят, смеются — конференция продолжается! Казалось бы, до этого ли теперь, так ли уж это нужно? Необходимо! — считала Елена Сергеевна. И кроме того многие тут же отправлялись на поезд, как же можно отпустить людей после напряженного рабочего дня голодными?! Этого Елена Сергеевна не могла допустить. Многочисленные письма, открытки, звонки подтверждают, с каким теплом и благодарностью всем вспоминаются дни, проведенные в Москве на конференции. И даже зарубежные коллеги (как будто их можно чем-нибудь удивить!) с восхищением благодарят Президента за оказанный им теплый прием.

Каждый, кто хоть раз видел Елену Сергеевну, ощущал исходящую от нее большую внутреннюю силу, силу созидания, и спокойную уверенность Правды. Находясь рядом с ней, любой чувствовал себя спокойно и защищенно. Чувство справедливости в любой ситуации и с любыми людьми, принципиальность сочетались у нее с чувством коллективизма и товарищества. Не раз Елена Сергеевна говорила, что сектор для нее — это ее большая семья. Человек высоких моральных принципов и сильно развитого чувства долга, Елена Сергеевна особенно ценила в людях честность, порядочность, верность, надежность и преданность делу. И хотя срабатываться умела со всеми, предпочитала работать с теми, кто этими качествами обладал. Благородство и редкая душевная щедрость у Елены Сергеевны проявлялись и в том, что она, подобно птице, защищающей своих птенцов, закрывала крыльями не только тех, кто нуждался в помощи и поддержке, но и всех нас, заслоняя от всяческих житейских напастей и дурного настроения. "Друзья!" — часто говорила она — "Все будет хорошо!" "Друзья!" — только так она обращалась ко всем независимо от пола, возраста и должности. Всегда подтянутая, собранная, уверенная в себе

и в близких людях (в число которых входили и ее коллеги), большая оптимистка, Елена Сергеевна умела найти нужное слово, подбодрить тех, кто в этом так порой нуждался. И даже когда у самых больших пессимистов от безысходности никли плечи и повисали руки, она говорила: "Друзья! Давайте жить не замечая трудностей, так, как будто их нет!" Эти слова, как напутствие вспоминаются сейчас особенно часто.

В последний день рождения Елены Сергеевны сотрудники, памятуя об ее научных интересах, связанных с Малой Азией и ее божествами, подарили ей греческое блюдо, изображающее Артемиду с ланью, сопроводив подарок надписью:

*Стрелолубивая здесь, луком гордящаясь Феба.
В дар же меня принесли все, кто вокруг собрались,
В частности, племя мужей, что живет в материнской общине...
Где-то за Фракией он, сей народ I, что счастливым зовется,
Матерь ему предстоит, мне же и брату — сестра!*

Так уж случилось, что строки стали в некотором смысле пророческими. "Нам не дано предугадать, как слово наше отзовется..." Елена Сергеевна ушла из жизни внезапно, на взлете, нестерпимо рано. Но в памяти она навсегда останется такой, какой ее запомнили все: жизнерадостной, молодой, красивой, "рыжекудрой Тиндаридой", полной творческих планов и радужных надежд. Наш долг перед светлой памятью Елены Сергеевны — сохранить тот живой дух совместного творчества, те традиции, тот стиль и направление работы, который был заложен первым Президентом Ассоциации антиковедов, так, чтобы деятельность Ассоциации была во всем достойна имени Елены Сергеевны Голубцовой.

ЕЛЕНА СЕРГЕЕВНА ГОЛУБЦОВА А — УЧЕНЫЙ И ОРГАНИЗАТОР НАУКИ

Елене Сергеевне посчастливилось родиться и жить в среде научных работников преимущественно гуманитарной ориентации: ее отец С.А. Голубцов умер рано, когда она была 8-летней девочкой, а мать Л.В.Крестова-Голубцова была известным литературоведом, профессором пединститута, дядя по отцу И.А.Голубцов — сотрудником Института истории АН СССР; крестным отцом Елены Сергеевны был академик Н.М.Дружинин (о чем она неоднократно упоминала). И это, очевидно, определило выбор профессии и наложило отпечаток на ее жизненный путь.

В 1939 г. по окончании десятилетки Е.С.Голубцова поступила на исторический факультет МГУ, но осенью 1941 г. они с матерью вынуждены были эвакуироваться вместе с Пединститутом им. К.Либкнехта (где работала Л.В. Крестова-Голубцова) в Горно-Алтайск, там она продолжала учебу и лишь в октябре 1943 г. вернулась на истфак МГУ и закончила его по кафедре истории древнего мира в июне 1945 г.

Осенью того же года Е.С.Голубцова поступила в аспирантуру по той же кафедре, ее руководителем стал зав. кафедрой проф. Н.А.Машкин. В эти годы и на кафедре древней истории МГУ и в других научных учреждениях считались наиболее важными и были популярны темы исследований, связанных с изучением истории Причерноморья в древности¹. И естественно проф. Н.А. Машкин дал своей любимой со студенческих лет ученице такую перспективную тему как «Римская политика в Северном Причерноморье в конце республики — начале империи». По окончании аспирантуры в 1948 г. Е.С. Голубцова была направлена в Институт истории АН СССР и по письму академика Р.Ю. Виппера стала работать его референтом (с сентября 1948 г. и до его кончины в 1954 г.). В июне 1949 г. Елена Сергеевна успешно защитила в МГУ кандидатскую диссертацию и эта ее работа сразу же была включена в издательский план Института истории (Н.А.Машкин в это время одновременно заведовал и кафедрой древней истории в МГУ и сектором древней истории в ИИ АН СССР), а в 1951 г. она была опубликована под названием «Северное Причерноморье и Рим на рубеже

¹ Исследование истории Причерноморья активизировалось еще в предвоенные годы, в конце 1940-х гг. появляются монографии В.Ф. Гайдукевича, Д.П.Каллистова, проходит защита докторских и кандидатских диссертаций (Д.П.Каллистова, С.А. Семенова-Зусера, Т.Д. Златковской, М.М.Слонимского и других.

¹ "Община, племя, народность в античную эпоху" — название последней книги Е.С.Голубцовой. Монография выходит в свет в издательстве "Наука" в конце этого года.

нашей эры» как первый выпуск серии «Причерноморье в античную эпоху» под редакцией проф. В. Н. Дьякова.

Автору было тогда всего 30 лет! И эта ее работа была встречена весьма прохладно специалистами уже много лет занимавшимися исследованиями истории Причерноморья. Д.П. Каллистов в своей рецензии на книгу Е.С.Голубцовой, одобряя основные позиции автора изучать взаимоотношения Рима и Северного Причерноморья на фоне восточной римской политики в целом, учитывая специфику экономического, социального и политического развития причерноморского региона, отмечает ряд существенных недостатков² этой работы: слабое знакомство автора с археологическим материалом и соответствующими исследованиями, упрекает в небрежном цитировании источников и литературы. Такое жесткое отношение специалистов³ к первому опыту Елены Сергеевны в изучении Северного Причерноморья⁴ заставило ее, никогда не увлекавшуюся археологией, сменить область своих исследовательских интересов. С конца 1950-х гг. она погрузилась в изучение эпиграфических памятников Малой Азии и до конца своих дней неустанно исследовала историю сельского населения в этом регионе в эллинистический и римский периоды.

Почему Елена Сергеевна переключилась на изучение истории именно Малой Азии, мне не совсем ясно. Возможно, это ей порекомендовала О.И. Савостьянова, работавшая в 50-х гг. над историей образования Понтийского царства и ставшая ответственным редактором ее новой книги. Но более вероятным представляется влияние Е.М.Штаерман: прекрасно ориентируясь в эпиграфических памятниках она могла посоветовать молодому античнику заняться изучением малоазийской эпиграфики (в частности *Monumenta Asiae Minoris Antiqua*) в направлении казавшемся ей наиболее перспективным — исследованием роли сельского населения и сельской общины в истории восточных провинций Римской империи⁵. Такое предположение под-

² Главным недостатком (в соответствии с тенденциями того времени) рецензент считает то, что в книге не использованы методологические положения из книги И.В.Сталина «Марксизм и вопросы языкознания».

Рецензия Д.П.Каллистова была опубликована в ВДИ, 1952, №3, когда главным редактором журнала уже был С.В.Киселев, один из авторитетнейших археологов.

⁴ Не знаю, стоит ли упоминать, что Елена Сергеевна сделала еще одну попытку написать монографию по истории Причерноморья, но рукопись не была одобрена сектором. Очевидно, фрагментом этой монографии была ее статья «Некоторые вопросы политической истории Боспора в I-II вв. н.э.» (ВДИ, 1960, №1).

⁵ Сама Е.М.Штаерман в 1950-х гг. написала две проблемные статьи по этой тематике — «Крестьянство в западных провинциях Римской империи» (ВДИ,

тверждается рецензиями Е.М.Штаерман на все монографии Елены Сергеевны, посвященные Малой Азии.

Первая книга Е.С.Голубцовой «Очерки социально-политической истории Малой Азии в I-III вв. Независимая сельская община.» появилась уже в 1962 г. Оценивая ее Е.М.Штаерман пишет, что хотя автор сузил свою задачу исследованием независимых сельских общин, т.е. находящихся на государственных землях (за рамками остались общины на городских, императорских и частных землях), но в результате сопоставления двух форм — комы и катойкии — удалось более отчетливо показать «соотношение между сельской и городской общиной и пути превращения первой во вторую»⁶, что важно в теоретическом плане. Высказанное в конце рецензии пожелание дать исследование других категорий малоазийских общин было осуществлено Еленой Сергеевной в следующей монографии «Сельская община в Малой Азии в III в. до н. э. — III в. н. э.», вышедшей в 1972 г.

Это была докторская диссертация Е.С.Голубцовой, защищенная в 1970 г. Используя материал, накопленный при работе над первой книгой, Елена Сергеевна дополнила его документами, относящимися к общинам на городской и императорской землях, и сохранившимися в источниках сведениями о сельском населении Малой Азии в эллинистическую эпоху. Таким образом, она представила обзор истории сельских общин Малой Азии на протяжении шести веков. Это был существенный вклад в изучение роли сельского населения в эллинистических государствах и в восточных провинциях Римской империи. Книга получила весьма положительную оценку в рецензии Е.М.Штаерман⁷, хотя рецензент и некоторые другие античники были не согласны с рядом частных выводов автора.

Следующую свою работу «Идеология и культура сельского населения Малой Азии I-III вв.», изданную в 1977 г., Елена Сергеевна посвятила изучению религиозных и этических представлений жителей сельских общин, опираясь на эпиграфические и иконографические памятники. На основании этих документов она выявляет культы божеств местного пантеона (богов — покровителей общины), проследживает трансформацию греческих и римских культов применительно к интересам сельского населения и отмечает демократичность и коллективистичность религиозных и этических представлений сельского населения. Эта книга также получила положительную оценку в рецензии Е.М.Штаерман⁸, при этом рецензент, сопоставляя собранный в книге

1952, №2) и «Община в западных провинциях Римской империи» (*Klio* Bd. 38, 1960).

⁶ ВДИ, 1963, №3, С. 157.

⁷ ВДИ, 1973, №4, С. 153-159.

⁸ ВДИ, 1979, №1, С. 182-186.

материал с наблюдениями, касающимися западных провинций, подчеркивает его значение для понимания идеологических процессов в Римской империи.

Одновременно с работой над своими книгами Елена Сергеевна принимала участие в коллективном труде сектора древней истории «Исследованиях по истории рабства в античном мире», ею написаны разделы «Рабство и зависимость в эллинистической Малой Азии» и «Формы рабства и зависимости в Малой Азии»¹⁰. В обоих разделах значительное место отводится формам зависимости сельского населения.

Все названные работы монографического характера написаны Еленой Сергеевной до 1977 г., т.е. до назначения ее после смерти СЛ. Утченко заведующей сектором Древней истории. А затем, в течении многих лет почти все ее силы и время были направлены на организационную и представительскую работу. Да, она очень часто выступала с докладами на международных конгрессах и конференциях (на XV и XVI Международных конгрессах исторических наук, на VII конгрессе ФИЭК, на Международных фракологических конгрессах, на XVI, XVII, XVIII конференциях «Эйрене» и других совещаниях) и на внутрисюзовных конференциях и симпозиумах (в Москве, Ереване, Тбилиси, Цхалтубо и др. городах), многие доклады печатались, но в основе большинства из них лежала прежняя исследовательская работа, проделанная при подготовке монографий; ее статьи, публиковавшиеся в эти годы в периодике, носили преимущественно информационный характер".

В организации научно-исследовательской работы сектора Древней истории Е.С.Голубцова во многом осуществила намеченные СЛ. Утченко долгосрочные планы, продолжалась подготовка задуманных им коллективных научных трудов, предназначавшихся широкому кругу читателей: было завершено написание и в 1983 г. издан двухтомник «Античная Греция», одновременно готовился двухтомник «Культура древнего Рима», вышедший из печати в 1985 г. (где Е.С.Голубцовой принадлежит глава «Мировоззрение горожанина и крестьянина Малой Азии в I-III вв.»). По инициативе Елены Сергеевны был подготовлен и

⁹ Блаватская Т.В., Голубцова Е.С., Павловская А.И. Рабство в эллинистических государствах в III-I вв. до н.э. М., 1969.

¹⁰ Маринович Л.П., Голубцова Е.С., Шифман И.Ш., Павловская А.И. Рабство в восточных провинциях Римской империи в III-I вв. М., 1977.

¹¹ См., например, ее статьи: Изучение истории древнего Рима в советской историографии 1960 — 1970-х гг. ВДИ, 1977, №4; Планирование и основные направления исследований в области истории древнего мира. ВДИ, 1979, №4; Советские античники к XXVI съезду КПСС. ВДИ, 1981, №1; Об исследовании истории античного мира в 1981-1985 гг. ВДИ, 1986, №2.

издан в 1990 г. двухтомник «Эллинизм: экономика, политика, культура», куда вошла написанная ею глава «Полис и монархия в эпоху Селевкидов». Кроме того, Елена Сергеевна организовала создание силами сотрудников сектора и других научных учреждений первого тома «История Европы» (М., 1988), запланированной дирекцией ИВИ РАН как многотомной. По традиции во всех этих изданиях она брала на себя функции ответственного редактора.

Многие связывают с именем Е.С.Голубцовой создание «Российской ассоциации антиковедов». Но необходимо напомнить, что эта организация была задумана В.Д.Блаватским и СЛ.Утченко в начале 1970-х гг. На одном из первых заседаний «Ассоциации антиковедов» ее председателем был избран проф. В.Д.Блаватский¹², заседания проводились эпизодически, объединяя историков, археологов и филологов. СЛ.Утченко долго и настойчиво добивался официального признания этой организации в Отделении истории АН СССР. С уходом из жизни основателей Ассоциации, она распалась. Несомненной заслугой Елены Сергеевны следует считать то, что она возродила Ассоциацию антиковедов¹³, сделала ее регулярно действующей и, что особенно важно, стали выходить сборники тезисов или докладов, заслушанных на ее конференциях.

В последние годы несколько освободившись от организационной работы Елена Сергеевна подготовила свою последнюю монографию «Община, племя, народность в античную эпоху». Эта работа, как сказано во «Введении», написана на тему «смежную для двух наук — антиковедения и этнологии». В ней, опираясь на свой богатый источниковедческий опыт, Елена Сергеевна полемизирует с современными этнологами и отстаивает традиционное понимание терминов этнос, племя, община, показывая историческое место племен и общин в структуре Римской империи¹⁴.

Думается, что издание этой монографии подводит итоги научной исследовательской работы Елены Сергеевны Голубцовой и фиксирует ее место в историографии античности.

А.И.Павловская.

¹² Кузищин В.И. Собрание Античной ассоциации при Отделении исторических наук АН СССР. ВДИ, 1975, №4.

¹³ Голубцова Е.С. Ассоциация антиковедов СССР и ее задачи. ВДИ, 1988, №4.

¹⁴ К сожалению, мне не удалось как следует познакомиться с книгой, так как она в настоящее время находится в издательстве, а рукопись я не видела.

*ПАМЯТИ Е. С. ГОЛУБЦОВОЙ—ПРЕКРАСНОГО ЧЕЛОВЕКА
И ТАЛАНТЛИВОГО ОРГАНИЗАТОРА*

Сообщение о смерти Елены Сергеевны потрясло всех ее коллег, друзей и поклонников. Всем казалось, что она была бессмертна. Никто никогда не допускал мысли, что жизнь ее может внезапно оборваться. Ведь Елена Сергеевна никогда не болела, выглядела молодой, подтянутой, изысканно одетой, красивой. Она была душой коллектива, доброй, умной, все понимающей, во всем разбирающейся, радушной и хлебосольной, готовой всегда помочь, выслушать и посоветовать, как следует поступить. Никто не думал, что, прийдя в Институт, можно не встретить ее, не найти ее, чтобы поговорить о каком-то важном для себя деле. За добрым советом к Елене Сергеевне шли все и всегда: касалось ли это личной, научной или общественной жизни. Никто не уходил от нее, не получив одобрения, помощи и решения важного для себя вопроса. Елена Сергеевна была не просто другом, старшим и опытным товарищем, она была настоящей матерью, которая может и пожуришь, если ты неправильно поступаешь, ободрить, если ты впал в уныние, поддержать, если ты попал в беду.

Впервые я познакомилась с Еленой Сергеевной в мае 1961 г. во время туристической поездки в Грецию, которую она организовала с тем, чтобы участники тура лучше узнали историю и культуру изучаемой ими страны. Цель была достигнута. Все были покорены величиим и грандиозностью исторических памятников древней и средневековой Греции. Были в восторге, увидев воочию все то, с чем до сих пор они могли познакомиться только по книгам. Это вдохновило Елену Сергеевну. С огромной энергией она постаралась организовать новые поездки в Египет, Югославию, Турцию, Алжир, Тунис, т.е. в провинции, принадлежавшие в далеком прошлом Древнему Риму. Любя античность и преклоняясь перед ее культурными достижениями, она стремилась, чтобы все члены туристической группы могли почерпнуть новые сведения и новые данные по штудлируемым ими проблемам. Поэтому при разработке маршрутов Елена Сергеевна учитывала профессиональные интересы каждого участника. Маршруты поездок, составленные Еленой Сергеевной с участием З.В.Удальцовой, С.Л.Утченко, А.П.Каждана, Г.Г.Литаврина, Л.П.Маринович, К.А.Осиповой, охватывали все достопримечательности стран, изучением истории которых занимались члены туристической группы. Участники поездок были признательны и благодарны Е.С.Голубцовой за возможность прикоснуться к памятникам культуры, которые произвели на всех неизгладимое впечатление. Во время поездок Елена Сергеевна заботливо и внимательно относилась ко всем членам группы.

Большую помощь Елена Сергеевна оказала мне после моего избрания на пост председателя Месткома Института всеобщей истории АН СССР в 1974 г. Она делилась со мной своим громадным опытом организационной деятельности сначала в качестве председателя Месткома, а затем в качестве секретаря партбюро Института истории АН СССР, учила меня работать прежде всего с людьми и для людей: защищать их, быть объективной и принципиальной, какой она сама была, несмотря на свои симпатии и антипатии, отстаивать свою точку зрения при решении самых сложных и острых вопросов, учитывая в первую очередь интересы коллектива Института. Так было, когда пришлось добиваться выделения трехкомнатной квартиры семье Черновых, старейших сотрудников Института. Елена Сергеевна вместе со мной ходила по всем инстанциям, нам удалось убедить вышестоящие органы, и Черновы получили квартиру.

Много сделала Елена Сергеевна и в решении моего квартирного вопроса. Она сумела добиться от начальника жилищно-коммунального отдела АН СССР благоприятного для меня исхода дела. В 1982 г. мне была предоставлена однокомнатная квартира в г. Люберцы Московской области.

Много сил и энергии было отдано Еленой Сергеевной работе в качестве руководителя сектора Древнего мира, секторам средних веков и византиноведения во второй половине 80-х годов, вместе с зав. которых она стремилась превратить эти подразделения Института в научно-исследовательские и координационные центры в нашей стране, отстаивала интересы названных секторов: при выделении листажа для публикации подготовительных работ и при решении вопроса о переводе сотрудников на более высокую должность.

Особенно действительной была ее поддержка и помощь нашему сектору византиноведения сразу после смерти члена-корреспондента АН СССР З.В.Удальцовой, когда мы остались без заведующего, а Институт без директора, до прихода академика Г.Г.Литаврина на пост научного руководителя нашего подразделения. Не перечислишь всего доброго и полезного, сделанного Еленой Сергеевной для коллектива Института. Все, кому посчастливилось работать с Еленой Сергеевной, восприняли ее смерть как тяжелую, невозполнимую утрату — утрату человека, глубоко преданного науке, трудолюбивого, эрудированного, энергичного, требовательного к себе и окружающим, душевного, доброго и мудрого, всегда готового помочь людям, подлинного патриота, беззаветно любившего свою родину и свой народ; и всегда с глубокой благодарностью и сердечной признательностью будут помнить Елену Сергеевну, талантливого, прекрасного и обаятельного человека.

З.Г.Самодурова

*ПАМЯТИ МОЕЙ КОЛЛЕГИ,
ЕЛЕНА СЕРГЕЕВНА ГОЛУБЦОВОЙ*

Трудно и горько писать о человеке, которого уже нет среди нас — о Елене Сергеевне Голубцовой, с которой и я сама, и большинство моих коллег почти полвека проработали вместе в одном и том же секторе Древней истории, в одном и том же журнале "Вестник древней истории". Но неумолимые Парки делают свое дело. И вот теперь мне хочется сказать несколько слов о Елене Сергеевне, вспоминая те далекие годы и поездки на международные конгрессы и симпозиумы. В этих поездках особенно проявились ее необычайные организаторские способности, чувство большой ответственности за страну и за коллектив, которые она представляла сама и едущие с ней ее коллеги. Елена Сергеевна опекала нас вместе и каждого в отдельности. Она стремилась непременно помочь и сделать что-то доброе своим коллегам.

Мне вспоминается одна из поездок на конгресс в Австрию, в Вену, летом 1980 г. Третий фракологический конгресс был организован Австрийской академией наук при деятельном участии Института фракологии Болгарской академии наук. В составе нашей делегации были Е.С.Голубцова, Т.Д.Златковская, Л.А.Гиндин, О.Д.Лордкипанидзе и я, пишушая эти строки сейчас. Участниками конгресса были такие известные ученые, как Ф.Шахермайр, Христо Данов, А.Фол, М.Тачева, Горана Танчева, В.Велков, М.Кандлер, Г.Таллер-Штиглиц и многие другие. Следует отметить большое внимание болгарских ученых к нашей делегации, особенно А.Фола, стараниями которого были улажены наши проблемы с гостиницей. Самой Еленой Сергеевной было проявлено много такта и старания в установлении научных контактов с западными учеными, занимающимися фракийской тематикой. Тогда проблемы фракологии сильно волновали румынских, болгарских и греческих историков и лингвистов. Члены нашей делегации делали свои доклады, одни по-немецки, другие — по-французски. Доклад Елены Сергеевны, сделанный ею по-французски, касался фракийской тематики применительно к сюжетам Малой Азии. Он вызвал большой интерес научной аудитории.

В свободное от заседаний время (а его было очень мало) мы — Елена Сергеевна, Татьяна Давыдовна и я, много ходили по Вене. Осматривали Венский музей изящных искусств в Хофбурге, в центре Вены, в прежней резиденции австрийских императоров, были на вилле Бельведер, в готическом соборе святого Стефана, гуляли по парку, где вечерами играла музыка Штрауса и где поставлен ему памятник, были у памятника, поставленного в честь Советской армии, освободившей Вену во время второй мировой войны. Какой это прекрасный город —

Вена на голубом Дунае. Многих моих спутников в этой поездке, увы, уже нет, и вот теперь не стало Елены Сергеевны.

Устроителями конгресса было предусмотрено посещение раскопок Вены римского времени. Вена — это Виндобона, римский город и крепость на Дунае, западный рубеж Паннонии. Мы ехали по лимесу, римской политической и военной границе вдоль Дуная. На другом, левом его берегу лежал варварский мир, отчетливо видимый невооруженным глазом, откуда Римской империи угрожали враги-варвары. Мы видели остатки легионного лагеря, возникшего при Траяне, где стоял легион XIV Gemina и позднее X Gemina. Раньше здесь размещались вспомогательные конные части, например, ala I milliaria Brittanica; остатки римского города, латинские надписи и памятники материальной культуры.

Устроители конгресса, в частности Институт фракологии Болгарской академии наук, подарили каждому участнику книгу известного австрийского ученого-фраколога В.Томашека (Wilhelm Thomaschek. Die alten Thraker. Wien, 1980), которая представляет собой перепечатку его изданий, публиковавшихся в томах Австрийской академии наук в конце прошлого века. Была какая-то дружеская атмосфера на протяжении всего этого конгресса. Нам было предложено прислать свои доклады в качестве статей, которые будут напечатаны Австрийской академией наук, я поленилась, а Елена Сергеевна, возможно, послала.

Вспоминая теперь о добрых и светлых днях, которые я провела вместе с Еленой Сергеевной в Вене, перед моими глазами встает образ женщины-ученого, человека очень деятельного и организованного. Мы были с ней почти ровесники, но я воспринимаю Елену Сергеевну как человека молодого, легко подвижного, доброжелательного, заботливо относящегося к людям.

Ю.К.Колосовская

"Мне так же трудно до сих пор
Вообразить тебя умершей
Как скопидомкой миллионершей
Средь голодающих сестер".

Б. Пастернак

Как-то архиепископ Сан-Францисский Иоанн (Шаховской) заметил: "Истинное милосердие деловито. Оно соединяет в себе небо и землю, и помогает не только в чувствах и намерениях, но — сейчас же тут, на этой сухой, пыльной земле...". Наверное с этих слов стоит начать воспоминания о Елене Сергеевне Голубцовой. Она была замечательным русским учёным. Но, по свидетельству очень многих людей, именно её человеческие качества в огромной степени усиливали её большие интеллектуальные таланты.

Мы ещё не были представлены, но я уже знал, что в Институте, в котором она проработала 50 лет, между собой её часто называют "мамой". Елену Сергеевну отличало почти редкое теперь качество: умение видеть другого человека целиком, а не только как подчинённого (она за свою жизнь занимала множество ответственных постов), коллегу или аспиранта. Рядом с ней было как-то легко, потому что она никогда не боялась разделить заботу или даже горе человека. Выслушав тебя, она принимала твоё бремя на себя и, если видела (почти всегда видела!) возможность помочь, она помогала с такой теплотой, с такой самоотдачей, как будто ты был ей близким и родным человеком. Если с ней не боялись делиться в горе, то с каким удовольствием ей рассказывали о радостях, даже о маленьких. Ей в принципе был интересен человек и она с удивительным постоянством и скромностью несла ему свою любовь.

Все единодушно отмечали терпимость Елены Сергеевны по отношению к другим взглядам, касались ли они мировоззрения, политики или науки. Это тем более примечательно потому, что она обладала чрезвычайно активной натурой и имела, как мне всегда казалось, глубоко продуманные принципы и как человек, и как гражданин, и как учёный. Трудно сказать, происходило ли это качество от того, что она умела принимать людей целиком, как они есть, или от глубочайшей внутренней культуры и интеллигентности, но благодаря ему она располагала к себе сердца часто совершенно разных людей, умела объединить их и, может быть, поэтому добивалась успеха как руководитель.

Для меня особо дорогая тема — это отношения Елены Сергеевны со своими учениками. Она невероятно терпеливо и мягко, но в тоже время с неизменной настойчивостью, помогала раскрыться своему

ученику и как личности и как ученому, помогала обрести ему свой индивидуальный почерк исследователя. Она никогда не навязывала свой опыт, свою позицию, но с тем, кто хотел, щедро делилась своими знаниями. На первое место она ставила работу с источником и никогда не боялась и своих учеников учила не бояться, что выводы, сделанные на основании источников придут в противоречие с общепринятыми взглядами. Елена Сергеевна всегда была для своих учеников твёрдой защитницей и почти по матерински заботилась о них. Её отношения с нами отличались полным бескорыстием и доверием. Эта вера не только окрыляла, но и учила относиться к себе и своей работе максимально требовательно.

Я всегда вспоминаю Елену Сергеевну с особой теплотой и радостью. Она являлась для меня наследницей больших, сложившихся ещё до революции традиций русской профессуры, чья высокая образованность соединялась с твёрдыми нравственными принципами и человечностью.

Предки Елены Сергеевны по отцовской линии были профессорами Духовной академии, её отец — замечательным историком, её мать — известным филологом, подругой Ахматовой. Сама Елена Сергеевна кроме исторического факультета МГУ, окончила четыре курса Московской консерватории, блестяще знала несколько европейских и древних языков. Была глубоким и плодотворным учёным. Её ценили и знали на родине и за рубежом.

Среди множества воспоминаний, я бы выделил два случая. При том глубоком пиетете, который я испытывал к Елене Сергеевне, они имели очень большое значение для моего восприятия её личности.

Однажды, когда я был ещё её аспирантом, в довольно трудный для меня период, она очень просто и решительно сказала мне: "Переезжайте ко мне жить. Вы будете писать диссертацию, а я буду кормить Вас борщом". Я до сих пор жалею, что не воспользовался тогда приглашением Елены Сергеевны, потому что возможность ежедневного общения с таким человеком это дар замечательный и редкий.

И другой случай. Уже после защиты, в момент моего острого безденежья, она позвонила мне. И в своей слегка даже чопорной манере пригласила меня к себе на дачу собирать яблоки. В те несколько поездок она рассказывала мне о своей жизни, о своём отношении к вере. Никогда потом у нас уже не было случая так откровенно говорить об этом. Я тогда понял, как ей было непросто сохранять и приумножать тот свет, который согревал сердца знавших её людей. И в тоже время передо мной открылся необычайно живой, ищущий и ничуть не закостеневший в своём восприятии мира, несмотря на свои более, чем 70 лет, человек.

Елена Сергеевна хотела и умела быть нужной и полезной людям, без этого жизнь оставалась для неё неполной и бедной. Иногда кажет-

ся, что это невероятно трудно и даже едва ли возможно стольким людям помочь, столько выслушать, поддерживать других своим спокойствием и улыбкой. Ведь это сколько часов надо оторвать от себя, от своей любимой работы и семьи. А Елена Сергеевна делала это внешне очень легко и естественно, как будто это составляло просто черту характера и не требовало почти никакого усилия. Это естественное делание добра является уникальной чертой личности Елены Сергеевны и не даёт нам усомниться, в том, как глубок может быть ЧЕЛОВЕК и как высоко его призвание. Имеющий любовь прикоснулся к вечности, и в этом наша общая надежда. Вечная Вам память и Царствие Небесное Елена Сергеевна.

О.А.Шалимов

QUOD PROBE NOTANDUM

Французский философ Гельвеций однажды сказал, что люди не рождаются, а становятся теми, кто они есть. Окружение человека в детстве и юности, семейные традиции закладывают те возвышенные мысли и поступки, которые впоследствии делают его известным. Кто помогал Елене Сергеевне на протяжении всей жизни, кто вызывал её на спор о смысле жизни, кто оказывал дружескую помощь, кто способствовал умственным упражнениям и выбору жизненного пути? Поздно иногда мы задаём себе вопросы, ответы на которые зачастую звучали в сердечных беседах за чашкой ароматного чая после долгих обсуждений научных работ за уютным кухонным столом у Елены Сергеевны. Казалось, что эта женщина с голубыми васильковыми глазами, с золотистыми пышными волосами и сердечной улыбкой будет жить вечно, что мне успеется всё и записать и дополнить. Широта её замыслов и творческое горение, необычайная целеустремлённость в достижении цели и высокая культура общения делали её молодой и Человеком вне возраста.

Среди архивных документов Елены Сергеевны я обнаружила несколько фотографий 1966 года, на которых она запечатлена в обществе замечательных учёных, академиков Н.М. Дружинина, С.Д. Сказкина, И.И. Минца, М.В. Нечкиной, Б.Н. Пономарёва, В.М. Хвостова. Случайный ли этот снимок, официальный, или несущий иную информацию? Так неожиданно я окунулась в почти вековую историю интересов, дружеских связей и переплетения судеб семьи Голубцовых. В одной из папок Елены Сергеевны бережно хранился пригласительный билет на торжественное заседание посвященное столетию со дня рождения академика Николая Михайловича Дружинина, состоявшееся 14 января 1986 года в актовом зале Института истории АН СССР. В этот день работавшие рядом с учёным коллеги единодушно говорили об атмосфере порядочности и непоказной интеллигентности, присущей его жизненному и трудовому пути. Один только список трудов академика насчитывал более 30 страниц. В фонд российской историографии вошли работы по проблемам развития капитализма в России и истории крестьянства, книги, посвященные декабристу Муравьеву и революционерам-демократам, о деятельности которых Николай Михайлович знал не понаслышке, а по личному участию в событиях 1905 года и знакомству с В. Фигнер, И. Арманд, Н. Шмидтом. Ещё в начале XX века Николай Михайлович завёл дневник - "летопись своим внешним и внутренним переживаниям", которые выборочно опубликовал в книге "Воспоминания и мысли историка", хранящейся в библиотеке Елены Сергеевны с дарственной надписью, обращенной к её матери "Дорогой Людмиле Васильевне в знак давней дружеской связи от автора". Знакомство и дружба двух семей были действительно давними...

Слева направо: Н.М.Дружинин, В.М.Хвостов, М.В.Нечкина, С.Д.Сказкин, Б.Н.Пономарев, Е.С.Голубцова, И.И.Милиц

1911-1916 годы. Николай Михайлович обучался тогда на историческом отделении историко-филологического факультета, где лекционные курсы вели известные историки Р.Ю. Виппер и М.М. Богословский, крупнейший архивист С.К. Богоявленский. "Мне и моему сокурснику С.А. Голубцову выпала задача критиковать реферат на тему "Учение Ланге об уголовном праве по Русской правде"; мы противопоставили выводам автора своё понимание вопроса, исходя из сопоставления различных списков и из сравнения Русской правды с аналогичными памятниками - древнегерманскими Пrawdami, Литовским статутом и т.д. Давая оценку нашим выступлениям, М.М. Богословский особенно предостерегал нас против подкупающей логической прямолинейности юридического мышления Ланге. Подводя итоги учебного года, М.М. Богословский выразил удовлетворение, что его просеминарий был "оркестром без дирижера"¹

Богословский Михаил Михайлович (1867-1929), ставший в 1921 г. академиком АН СССР, сыграл немалую роль в судьбах как Николая Дружинина, так и Ивана, Сергея и Марии Голубцовых. Мария Александровна с 1906-1911 годы прослушала курсы на историко-философском факультете Московских высших Женских Курсов и участвовала в работе семинаров, проводимых М.М. Богословским по истории реформ Петра Великого и царствования Екатерины II, подготовив рефераты: "Школа при Петре Великом" и "Народное просвещение при Екатерине II", изданных в 1908 и 1909 годах. М.М. Богословский выражал желание руководить её дальнейшей научной работой и был даже уязвлён, когда Мария Александровна избрала темой своих интересов русскую литературу и кандидатскую тему "К вопросу об источниках древнерусских Хождений во святую Землю", которую защищала у М.Н. Сперанского. В письме к матери от 28 апреля 1912 г. она подчёркивает: " Была в четверг у М.М. Богословского, они звали обедать... М.М., вероятно, немножко обиделся, что я писала работу у Сперанского, а не у него... Сперанский относится ко мне хорошо и на него можно положиться. Серёжа держал экзамен у Богословского, теперь готовится к colloquim'у Виппера"².

Михаил Михайлович Богословский (по линии бабушки), как и Сергей Константинович Богоявленский (старшая дочь С.К.Смирнова Варвара была его матерью, да и супруга Мария была родной сестрой Богословского) являлись родственниками Ольги Сергеевны Смирновой

¹ Дружинин Н.М. Воспоминания и мысли историка. М., 1967. С. 23-24.

² Фрагменты писем и документов из архива семьи, относящиеся к жизненному пути родственников Елены Сергеевны, любезно предоставлены её сыном В.К. Бороздиным.

(1867-1920), в замужестве Голубцовой, родной матери Ивана, Марии и Сергея, младшей дочери ректора Московской духовной Академии Сергея Константиновича Смирнова (1818-1889), член-корреспондента Академии наук. Супруг Ольги Смирновой, Александр Петрович Голубцов (1867-1911) был профессором духовной Академии, крупным специалистом в области истории христианства и церковной археологии, учеником и любимцем В.О. Ключевского, Е.Е. Голубинского, А.П. Лебедева. В словаре Брокгауза и Ефрона о нём можно прочесть такие строки: " Голубцов занимал в Академии исключительное место как могучая моральная величина. Человек идеальной чистоты, пламенный защитник правды, друг всех обиженных, стойкий консерватор по взглядам, но недруг всех реакционеров и враг мракобесия и насилия, Голубцов давал суровые уроки всем начальствующим в академии в последние годы, молчаливо учил и воспитывал товарищей по службе и студентов. Когда начался разгром академии в 1906-07 гг., Голубцов вёл себя с редким мужеством. За непосильную борьбу против вытеснения из академии Ключевского Голубцов получил вместе с другими немногочисленными единомышленниками порицание от Св. Синода. Строгий в отношении к другим, Голубцов ещё строже был к себе. Это сказалось и на его учёных работах. Осторожный в выводах, прекрасный знаток рукописного материала своей науки, он брал для изучения и освещения скромные темы, но доводил работу над ними до истощающих пределов"³. Детство его детей проходило под влиянием известных историков, бывавших у Голубцовых , - Е.Е. Голубинского (академика Петербургской Академии наук), Н.Ф. Каптерева (член-корреспондента АН, мужа Веры Смирновой), П.Н. Милюкова (профессора Московского университета, в 1917 г. министра иностранных дел Временного правительства, мужа Анны Смирновой) и особенно В.О. Ключевского, который был близко знаком ещё с отцом Ольги Голубцовой. Об этом свидетельствует в своей книге воспоминаний, описывая встречу с будущей женой, Милюков: " Она только что окончила курсы (профессора Герье) и готовила работу на указанную Ключевским тему. В.О. знал её ещё девочкой по своим отношениям к её отцу, учёному-протоиерею Сергею Константиновичу Смирнову, ректору Троицко-Сергиевской академии, автору книг по истории Академии - Славяно-Греко-Латинской и Троицко-Сергиевской. В этой последней В.О. Ключевский был профессором и каждую неделю ездил на два дня читать лекции. Там он чувствовал себя в родной духовной среде и был принят как свой

человек, остроумный собеседник и мастер и поболтать по душе, запросто, и выпить в компании. Он был дружен и с семьёй ректора, состоявшей из одного сына и шести дочерей" ⁴.

Отрочество младших Голубцовых проходило в семье, богатой духовными и научными интересами. Неудивительно, что трое из них старший сын Иван, Мария и Сергей - поступили на историко-филологический факультет, где с 1914 года обучалась и Людмила Крестова, подруга Марии, впоследствии жена Сергея. Все Голубцовы получили дипломы 1-й степени и приглашение остаться на кафедрах для подготовки к профессорскому званию.

На историко-филологическом факультете в то время существовали определённые правила подготовки к магистратским экзаменам, которые были необходимым условием для защиты первой диссертации - на степень магистра исторических наук. Каждый оставленный при университете должен был представить на утверждение руководителя разработанную программу подготовки, состоявшую из 10 крупных вопросов по избранной специальности. Сергей Голубцов и Николай Дружинин выработали программы, которые М.М. Богословский утвердил, дав им полную свободу действий в организации занятий. Иван Голубцов после смерти отца в 1911 г. вынужден был искать дополнительный заработок; он преподаёт на Высших женских юридических курсах Полторацкой в Москве и работает внештатным сотрудником Московского главного архива МИД. Дружинин, не получив стипендии, продолжил трудовую деятельность в должности архивариуса в Московском отделении Государственного архивного фонда под руководством С.К. Богоявленского. Сергей Голубцов был оставлен при университете для приготовления к профессорскому званию по кафедре Русской истории и 8 июля 1919 года стал магистрантом, но и он с июня 1918 года для поддержания молодой семьи работал старшим архивистом в Государственном архиве РСФСР. Друзья не порывали своих связей, продолжали посещать заседания исторических обществ, обсуждали вопросы методологии истории вместе с близкими товарищами - Владимиром Михайловичем Лавровским (1891-1971 гг., д-р истор. наук, проф., занимавшийся историей Английской буржуазной революции) и Сергеем Даниловичем Сказкиным (1890-1973 гг., академик АН СССР, исследовавший проблемы средневековой истории)⁵. С окончанием гражданской войны поле деятельности друзей расширилось, они читали лекции в рабочих клубах, на общеобразовательных курсах и среди красноармейцев. В 1924 году Сергей Александрович Голубцов публикует письма молодого Ключевского к товарищу своих юных лет П.П.

³ Христианство. Энциклопедический словарь в 2-х томах Т 1 С 421 (перепечатка из энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона).

⁴ Милюков П.Н. Воспоминания. М., 1991. С. 100.

⁵ Дружинин. Ук. соч. С. 33.

Гвоздеву, тем самым продолжив семейную традицию, отдающую дань уважения крупному учёному, ведь и Мария Александровна Голубцова в 1914 г. опубликовала свои воспоминания о Василии Осиповиче Ключевском в книге "У Троицы в Академии. 1814-1914"⁶. В 1924 г. она готовила биографию А.О. Россет-Смирновой, будучи уже тяжело больной, спешно собирая материал, но смерть от туберкулёза настигла её в январе 1925 года. По настоянию академика М.Н. Сперанского книга была закончена Людмилой Васильевной Голубцовой. В 1930 г. ушёл из жизни отец Елены Сергеевны. Не стало рядом человека умного, честного, преданного, тонкого. Тяжела была горечь невосполнимой утраты. Но необходимо было жить дальше, воспитывать детей, да и не иссякала радость контактов с интересными людьми, творческого и неустанного труда, искренней поддержки родителей и друзей..

В 30-е годы Людмила Васильевна Крестова была сотрудницей сборников "Звенья", ей принадлежал целый ряд литературных работ по исследованию творчества Герцена, Гоголя, Тургенева, Пушкина. Директор Литературного музея Владимир Бонч-Бруевич несмотря на занятость оказал содействие в решении сложного жилищного вопроса семье своего друга и коллеги, написав письмо в прокуратуру Союза: *"Позвольте обратить Ваше внимание на совершенно невозможное жилищное положение предъявительнице сего... Комната, которую она занимает по Садовой-Спасской ул. дом 27/1 совершенно разрушена вследствие прохода под этим ветхим домом метро... в комнате стоит 18 столбов, поддерживающих потолок... Её маленькие дети с ней не живут, они рассованы по знакомым и она находясь в своей комнате, всё время подвергается опасности быть погребённой под развалинами этого утлого дома..."*. Елена Сергеевна часто вспоминала дом своего детства с трещинами в стенах в 25 см, со вздыбленными полами, дом, в котором родился М.Ю. Лермонтов и где помещалась библиотека-читальня им. Лермонтова. Здесь семья была полной, мама, папа, брат, друзья родителей, как Н.М. Дружинин - крестный отец маленькой Ляли и верный друг Голубцовых.

С 1934 года Николай Михайлович работал на историческом факультете Московского университета на кафедре истории СССР. "Для ведения практических занятий кафедра организовала подбор документов, которые печатались в виде тематических сборников... Для чтения лекций и проработки курсов студентами было начато черчение исторических карт, которые с большим знанием дела подготавливал И.А. Голубцов"⁷. Около 15 лет посвятил Иван Алексан-

дрович картографическим работам, ему принадлежат несколько сот исторических карт для атласов, учебников, монографий, охватывающих периоды от древнейшего археологического прошлого СССР и вплоть до современности⁸. После войны И.А. Голубцов стал научным сотрудником, к.и.н. Института истории АН СССР.

Дедушка, папа, мама, тетя, дядя, родственники и друзья родителей - круг потомственной московской интеллигенции, та "мирская чаша" в которой было всё - душа, образ мыслей и поведения, давший свободу выбора для будущего Елены и Вадима Голубцовых и позволивший определить им личный жизненный путь, связанный с историей.

В 1939 году, сразу после окончания школы, Леночка Голубцова поступила на 1-й курс исторического факультета МГУ, однако уже в декабре 1941 г. уехала в эвакуацию в город Ойрот-Тура с педагогическим институтом им. К. Либкнехта, в котором тогда работала Людмила Васильевна. Лена и Вадим поступили на истфак и стали стипендиантами. Семья получила возможность помочь деньгами дедушке и бабушке оставшимися в Москве. Энергия молодости искала творческого выхода, и Леночка помимо учёбы постоянно ходила на лыжах зимой, а летом работала в огороде, выделенном семье. Каждый день, к вечеру, она ходила в институт, чтобы поиграть на рояле, ибо музыка была для неё отдыхом и отрадой. Более того! Лена решила поступить на второй - физико-математический факультет, считая, что это поможет ей логически мыслить. Она начала повторять алгебру, геометрию, тригонометрию, "чтобы не осрамиться при поступлении". Письма от дедушки Василия Константиновича Крестова, человека неординарного, питомца Московского воспитательного дома, где он и получил имя и фамилию, но далее только собственными силами жадно овладевал знаниями и дослужился до инспектора высшего начального городского училища, будили Леночкину деятельность. Прислушиваясь к советам деда, она усиленно учила языки - французский, английский, латынь. Брат Вадим был призван в 1942 г. в ряды Советской армии, что вызывало постоянную тревогу о его судьбе. Вдруг весточка-телеграмма от верного друга семьи Н.М. Дружинина: "Говорят со Сказкиным и Гудзием о вызове в Университет точка Леночка восстанавливается студенткой пусть телеграфирует на факультет и укажет московский адрес." Октябрь 1943 года, Москва, университет! Быстро летят годы, проведённые среди популярных своими знаниями и лекциями наставников и преподавателей Московского университета - Н.А. Машкина, А.Г. Бокшанина, Д.Г. Редера, К.К. Зельина, М.О. Косвена, С.Д. Сказкина. За плечами оста-

6 Письма В.О. Ключевского к П.П. Гвоздеву (1861 - 1870). Вступительная статья С.А. Голубцова. М., 1924; У Троицы в Академии. 1814 - 1914 М. 1914
7 Дружинин. Ук. соч. С. 52.

⁸ Голубцов С. Из жизни Ивана Александровича Голубцова (1887 - 1966)// Московский журнал. № 11/12. М., 1992.

лись аспирантура и блестящая защита кандидатской диссертации на тему: " Северное Причерноморье и Рим на рубеже нашей эры".

С 1949 года Елена Сергеевна Голубцова стала младшим научным сотрудником Института истории АН, фактически являясь секретарём одной из ярких фигур русской исторической науки конца XIX - первой половины XX века – Роберта Юрьевича Виппера. " Р.Ю. Виппер бесспорно был самым выдающимся профессором историко-филологического факультета 1911-1916 гг.: он соединял в себе обширные и разносторонние знания, способность самостоятельно и тонко мыслить; при этом у него была спокойная увлекающая форма изложения... Курсы Р.Ю. Виппера по истории античного мира, новейшего времени, социальных идей, методологии исторической науки открывали перед нами широкие перспективы, возбуждали работу мысли, воспитывали навыки научно-исторического анализа"⁹. Эти слова принадлежат Николаю Михайловичу Дружинину, их могли повторить и Сергей, и Мария, и Иван, и Людмила, и... Елена Голубцовы. Передо мной фотография Роберта Юрьевича от 1948 года с дарственной надписью "Дорогой ученице моей Елене Сергеевне Голубцовой от любящего её Р. Виппера". Елена Сергеевна помогала Роберту Юрьевичу в подготовке, написании и издании его последней работы "Рим и раннее христианство". Совместно они изучали и анализировали зарубежные труды по истории раннего христианства и зарождения колониальных отношений, переводили греческие и латинские источники. Раз в неделю, в четверг, у Виппера дома проводились своего рода семинары, на которые он приглашал по 10-15 человек, интересующихся предложенной проблемой. Бывали на "четвергах" антиковеды - Н.А. Машкин, А.Г. Бокшанин, О.И. Севастьянова, А.К. Бергер, К.К. Зельин, являвшийся учеником Роберта Юрьевича по университету. Регулярно посещали семинары С.Д. Сказкин и Н.М. Дружинин, также ученики Виппера¹⁰. Какая прекрасная школа умения ставить оригинальные вопросы и верно вести дискуссию по ним, умения отстаивать собственную точку зрения, основанную на тщательном изучении источников! Это была ещё и прекрасная школа жизни. Часто Елена Сергеевна в беседах вспоминала случаи когда Роберт Юрьевич, воспитанный на высоких моральных принципах не посчитал нужным подать руку подлецу и отказал ему от дома. После окончания работы над книгой Р.Ю. Виппера Елена Сергеевна по ходатайству учёного вернулась в Институт истории на должность старшего научного сотрудника. В характеристике, представленной в институт,

⁹ Дружинин. Указ. соч. С. 22-23.

¹⁰ Материал взят из неопубликованной статьи Е.С. Голубцовой, посвященной памяти Р.Ю. Виппера.

Роберт Юрьевич отмечал её широкую образованность, опирающуюся на отличное знание двух древних и четырёх новых языков, её внимательное и критическое отношение к источникам и способность к оригинальному научному творчеству. Как неожиданно тесно переплелись судьбы "отцов и детей", выбор их научных интересов, преклонение перед талантом учителей и последовательность поступков, преданность дружбе!

Вадим Сергеевич Голубцов, пройдя трудные дороги страшной войны, вернулся в 1946 г. домой и поступил на исторический факультет МГУ, который закончил с отличием. Всю свою научную и педагогическую жизнь он провёл на кафедре источниковедения истории советского общества МГУ, где защитил кандидатскую диссертацию и выпустил несколько монографий.

Это небольшое путешествие в прошлое одной из потомственных интеллигентных семей Москвы, страницы которого написаны то стихами, то прозой, в нем есть и горечь потерь, и одиночество, и богатство творческой одаренности и верность общечеловеческим ценностям. Голубцовы не были простыми специалистами, а оставались интеллигентами и объединяло их подвижничество и человечность, душевная теплота, доброжелательное и отзывчивое отношение к людям, потребность прийти на помощь к нуждающимся. Эти слова кажутся холодными и официальными, если не применяются к конкретному человеку, отсутствие которого лишает внутренний мир гармонии. Никто как Елена Сергеевна не взмахнет уже приветливо рукой со словами: "Как дела? Разве это проблемы? Чепуха! Завтра разрешим. Ну а сейчас примемся за пироги!" И вроде бы не стало горестей и обид, осталась только вера в лучшее, ведь рядом Елена Сергеевна Голубцова, наставник, учитель и, прежде всего друг!

Н.А. Чаплыгина

НЕОТПРАВЛЕННОЕ ПИСЬМО

Как же редки и мимолетны были наши встречи, Леночка! — позволю по давней привычке тебя так назвать и сейчас. Если сложить их вместе, едва ли наберется один день. Но он был таким же светлым и безоблачным, как ты осталась в моей памяти. Ты всегда излучала энергию и доброжелательность. Я никогда не видел тебя удрученной и озабоченной. Не мог же я подойти со своей неуверенностью в самом себе и внешними бедами! Не мог же я поведать о том, какую борьбу приходится вести с материалом, над которым мы порознь работали многие годы. Он был то вязким и всасывающим, как топль, то жестким, как кремнь. Если что-то получалось, это тебе, словно давая отчет. Помнишь, я принес "Веллея Патеркула" с посвящением Николаю Александровичу, нашему общему учителю. Он тоже всегда дарил нам свои книги. А ведь как редки и мимолетны были мои с ним встречи! Если сложить их вместе, не наберется и часа. Ты у меня в памяти сливаешься с ним.

А помнишь тот единственный случай, когда ты подписала для меня официальное письмо. Оно было написано, по моей просьбе, нашим общим другом и казалось мне вершиной эпистолографии, которую нам иногда приходится вести с властями. Речь шла о том, чтобы в глазах чиновников, которых прельстило наше жилье, я выглядел не просто пенсионером. Оставалось поставить подпись, но ты решила переписать все заново. И новое письмо создавало впечатление, будто я связан с Институтом всеобщей истории едва ли не всю жизнь, хотя прямо об этом не говорилось, а формально я был его сотрудником всего лишь полгода. Я ждал, что когда-нибудь ты меня посетишь на отвоеванной квартире и взглянешь на мою библиотеку, как я любовался твоим собранием где-то в Черемушках. Я почему-то не запомнил ни улицы, ни дома. Но вот первый дом, дом твоей юности помню так же, как дом нашего учителя. Я много раз проходил мимо него то ли по пути на почтамт, то ли к дому А.Д.Черткова, создателя исторической библиотеки и первого русского этрусколога. О как же тесно и неразрывно связано, Леночка, наше близкое и отдаленное прошлое и как странно оно переплетается с кратким настоящим, из которого всем нам должно уйти.

Мне почему-то кажется что ты любишь Марка Аврелия с его доброй памятью об учителях, с его мыслями о жизни и смерти. Помнишь — "деду Веру я обязан сердечностью, незлобивостью...матери — благочестием, щедростью, воздержанием не только от дурных дел, но и от

дурных помыслов...богам — тем, что у меня хорошие родители, хорошая сестра, хорошие учителя..." Меня с тобой объединяет все то, что в нашей нелегкой жизни было хорошего. Не было и не могло быть никакой ссоры, никакой обиды. Ты никогда никого не могла обидеть, ибо, помимо всех прочих достоинств, ты была далека от всякого тщеславия. Последняя наша встреча была всеюдною. Ты посадила меня в президиум рядом с собой, и я, как никогда ощущал твою человеческую близость. И я гордился тобою, — ты сумела собрать вокруг себя и нашей науки в такое время столько людей. И я не могу себе представить, что тебя сможет на этом посту заменить кто-нибудь другой.

Наши встречи были редки и мимолетны... Иногда одна от другой отделялись пятью и более годами. И поэтому мне кажется, что я тебя не потерял, что я снова смогу с тобой встретиться, что твоя доброта подерживает меня на расстоянии и что уйдет она от меня лишь вместе со мной.

А.И.Немировский

СПИСОК ПЕЧАТНЫХ ТРУДОВ Е.С. ГОЛУБЦОВОЙ

1. Римская политика в Северном Причерноморье: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1949.
2. Внешнеполитическое положение Боспорского царства на рубеже н. э. // ВДИ. 1949. № 4.
3. Северное Причерноморье и Рим на рубеже н.э. М., 1951.
4. Рец. на кн.: Ковалев С.И. История древнего Рима. Л., 1948 // ВДИ. 1952. № 4.
5. Хрестоматия по истории Древнего Рима для вузов (в соавт. с Н.А. Машкиным) // М., 1953.
6. Ст.: Тацит; Итальянские племена; Пуническая война; Парфия; Карфаген; Плебеи; Патриции; Сецессии // БСЭ.
7. История Рима // Хрестоматия по истории древнего мира (совм. с С.Л. Утченко). М., 1957.
8. Некоторые вопросы политической истории Боспора в I—II вв. н.э.// ВДИ. 1960. № 1.
9. Очерки социально-политической истории Малой Азии в I—III вв. н.э. М., 1962.
10. Рабство и зависимость сельского населения Малой Азии в I—III вв. // ВДИ. 1967. № 1.
11. Формы зависимости сельского населения Малой Азии III—I вв. до н.э.// ВДИ. 1967. № 3.
12. Специфика социальных отношений в сельских общинах на городской земле (Малая Азия I—III вв. н.э.) // ВДИ. 1969. № 1.
13. Рабство в эллинистических государствах III—I вв. до н.э. М., 1969 (автор ряда глав).
14. Сельская община Малой Азии (III в. до н.э. - III в. н.э.). М., 1972.
15. Община в античном мире: Докл. на XIV Международн. конгр. в Сан-Франциско (совм. с Е.М. Штаерман и В.И. Кузишиным). М., 1975. Отд. оттиск.
16. Types of Community in the Ancient World. San-Francisco, 1976.
17. О работе секции античной истории на XIV Международном конгрессе исторических наук (Сан-Франциско, 1975) // ВДИ. 1976. № 4.
18. Les relations entre polis d'Asie Mineure et leur population rurale locale // Travaux du VI Congres internationale d'Etudes classique. P., 1976.
19. Em des classiques // Sciences sociales. 1976. N 3.
20. Типы общин в античном мире: Отд. оттиск. М., 1976 (совм. с Е.М. Штаерман и В.И. Кузишиным).
21. Идеологическая жизнь сельского населения Малой Азии // XIV Международная конференция Eirene. Ереван, 1976.
22. Значение сельской территории для экономики городов Восточного Средиземноморья // Материалы XIV конференции "Эйрене". София, 1976.
23. Идеология и культура сельского населения Малой Азии в I—III вв. н.э. М., 1977.
24. Общество античников Eirene // Общественные науки. 1977. № 1.
25. Рабство и зависимость в Малой Азии I—III вв. // Рабство в восточных провинциях Римской империи I—III вв. М., 1977.
26. XIV Международная конференция "Эйрене" (совм. с Д.Б. Шеловым) // ВДИ. 1977. № 1.
27. Изучение истории Древнего Рима в советской историографии 60-70-х годов // ВДИ. 1977. № 4.
28. Die Internationale Eirene-Konferenz // Eirene. 1978. Bd. XVI.
29. Рец. на кн.: Из истории античного общества. Горький, 1976. Вып. 1 // ВДИ. 1978. № 3.
30. Изучение античного мира // Общественные науки и современность. 1979. № 3.
31. Идеологическая жизнь сельского населения Малой Азии в I—III вв. н.э. // Проблемы античной истории и культуры. Ереван, 1979.
32. Планирование и основные направления исследований в области истории древнего мира // ВДИ. 1979. № 4.
33. Изучение античного мира в 1975-1980 гг. // Историческая наука между XIV-XV конгрессами. М., 1980.
34. Взаимодействие греческого и местного элементов в Причерноморье: Отд. оттиск (совм. с Г.А. Кошеленко). М., 1980.
35. Племенные образования на территории юга СССР в античную эпоху // Акты конф. "2050-летие Румынии". Бухарест, 1980.
36. Le VII Congres de la Federation internationale (FIEC) // Sciences Sociales. 1980. N 3.
37. La communauté Thrace en Asie Mineure // Dritter internationaler Thrakologischer Kongress. Wien, 1980.
38. Colloquium of Soviet and Japanese Historians // Social Sciences. 1980. N 2.
39. L'antiquité vue par la Science // La science historique en Union Soviétique: Nouvelles recherches. Moscou, 1980.
40. Rapports reciproques des elements grec et autochtones sur les cotes de la Mer Noir (con G.A. Kochelenko) // Rapports du XV Congres internationale des sciences historique. Bucarest, 1980. T. II.
41. Советские античники к XXVI съезду КПСС // ВДИ. 1981. № 1.

42. О попытке применения "новых методик статистического анализа" к материалу древней истории (совм. с В.М. Смирным) // ВДИ. 1982. № 1.
43. Что дают исторической науке "новые методики" статистического анализа? // ВДИ. 1982. № 8.
44. Восприятие греческой религии сельскими жителями Малой Азии // *Concilium Eirene XVI*. Prague, 1982. Vol. 1.
45. Маркс о роли общины в древнем мире // ВДИ. 1983. № 3.
46. Еще раз о "новых методиках" и хронологии древнего мира // ВДИ. 1983. № 12.
47. Унікальна пам'ятка (на укр. яз.) // *Літературна Україна*. 1983. № 42.
48. Le droit de possession et de propriété de la terre (dans les inscriptions d'Asie Mineure hellénistique) // *Acta antiqua Academiae scientiarum hungaricae*. Budapest, 1983.
49. La commune thracique en Asie Mineure // *III Internationaler thrakologischer Kongress zu Ehren W. Tomascheks*. Sofia, 1984. Bd. II.
50. Формы эксплуатации сельского населения юго-восточной Европы // *Античная балканистика*. М., 1984. Т. III.
51. Новое в изучении античного мира // *Новое в исторической науке*. М., 1984.
52. Ведущие проблемы истории эллинизма // *Эллинизм и Восток: Материалы конф.* Ереван, 1984.
53. Мировоззрение горожанина и крестьянина Малой Азии в I—III вв. // *Культура Древнего Рима*. М., 1985. Т. П.
54. Историческая наука об античности к XVI конгрессу МКИН // *Историческая наука к XVI конгрессу МКИН*. М., 1985.
55. Государство и религия в древних обществах - сравнительное изучение Востока и античного мира // XVI Конгресс МКИН. Материалы: отд. оттиск. М., 1985.
56. История античности к XXVII съезду КПСС (Об исследовании истории античного мира в 1981-1985 гг.) // ВДИ. 1986. № 2.
57. Le forme di dipendenza della popolazione rurale in Asia Minore nei secoli III-I a.c. // *Schiavitù e produzione nella Roma repubblicana*. Roma, 1986.
58. Племена и народности Малой Азии в III в. до. н.э. - III в. н.э. М., 1987.
59. Проблемы античной истории XVII Международной конференции "Эйрени", Берлин, август, 1986. // ВДИ. 1987. № 1.
60. La Systeme de polis - chora // Материалы XVII конференции Eirene. 1987.

61. Вклад советских историков в науку об античности. М., 1988.
62. Языческие и христианские мотивы в идеологии сельских жителей Малой Азии // *Культура и общественная мысль*. М., 1988.
63. Ассоциация антиковедов СССР и ее задачи // ВДИ. 1988. № 4.
64. Введение (совм. с Г.А. Кошеленко) // *История Европы*. М., 1989.
65. "Белые пятна" в изучении сельской общины // "Белые пятна" истории: дискуссии, новые подходы. М., 1989. Вып. 2.
66. Всесоюзная ассоциация антиковедов: цели и задачи // *Вестн. АН СССР*. 1989. № 9.
67. Les monuments sociaux en Asie Mineure et leur reflet dans l'oeuvre de Plin le Jeune // *Index Quaderni*. Napoli, 1989. N 17.
68. Die Neugegründete Vereinigung der Altertumsforscher in der UdSSR und Ihre Aufgaben // *Eirene: Separatum*. Pr., 1990. Bd. XXVII.
69. Polis et monarchie à l'époque de Séleucides // *Acta antiqua*. Budapest, 1990-1992.
70. Полис и монархия в эпоху Селевкидов // *Эллинизм: восток и запад*. М., 1992.
71. Роль социальной среды в жизни крестьянина // *Среда, личность, общество: Докл. Всеросс. ассоц. антиковедов*. М., 1992.
72. Отношение крестьянина к структурам власти города и государства (I-III вв.) // *Социальные структуры и социальная психология античного мира: Докл. конф. Всеросс. ассоц. антиковедов*. М., 1993.
73. Отношение крестьянина и раба к труду на земле // *Организация труда и трудовая этика*. М., 1993.
74. Проблемы методологии изучения античного мира (в соавт.) // *Методология и методика изучения античного мира: Докл. конф. Всеросс. ассоц. антиковедов*. М., 1994.
75. Проблемы методологии изучения античного мира // ВДИ. 1994. № 1.
76. Этика в труде // *Этика труда: Сб. ст.* М., 1995.
77. Народ венетов в свидетельствах древних авторов // *Античный мир, Византия: К 70-летию проф. В.И. Кадышева*. Харьков, 1997.
78. Сельская ярмарка // *Торговец и торговля в древнем мире: Докл. круглого стола*. М., 1997.
79. Человек труда в сельском хозяйстве и ремесле Малой Азии I—III веков // *Человек и общество в античном мире*. М., 1998.

Научная работа

1. Взаимоотношения между полисами Малой Азии и их местным населением: Докл. Мадрид, 1974.

2. Система **полис - хора** (к постановке вопроса). Докл. на советско-французском симпозиуме. М., 1978.
3. С. Сергеев и современные задачи науки об античности: Докл. в МГУ им. М.В. Ломоносова. М., 1979.
4. Некоторые проблемы переходного периода от язычества к христианству: Докл. Тбилиси, 1980.
5. Фракийская община Малой Азии: Докл. Вена, 1980.
6. Илотия в Спарте и вопрос об азиатском" способе производства: Докл. М., 1981.
7. Роль христианской идеологии в жизни сельской общины: Докл Рим, 1982.
8. К вопросу о характере царской власти в эпоху эллинизма: Докл. Цхалтубо, 1982.
9. Племена Малой Азии в I—III вв. (к постановке вопроса)- Докл М 1984.
10. Роль христианства в идеологической жизни племен Малой Азии: Докл. М., 1984.
11. Система **полис-хора** в культуре Малой Азии: Докл. М., 1985.
12. Основные проблемы истории рабовладельческой формации- Докл М., 1986.
13. Проблема **племя-этнос** во Фракии: Докл. Пловдив, 1986.
14. Роль племен в системе римской государственности: Докл. М., 1987.
15. Социальные движения в Малой Азии по данным Плиния Младшего: Докл. Варшава, 1987.
16. Народности Малой Азии в эпоху римского господства: Докл М 1987.

ЧАСТЬ II

Ю.К.Колосовская

ГОСТЕПРИИМСТВО КАК ПРАВО НАРОДОВ ДРЕВНЕГО РИМА

Гостеприимство принадлежит к древнейшему правовому институту, в котором осуществлялись связи племен и народов. Его возникновение восходит к глубокой древности. Как правовой институт оно присутствует уже во время Троянской войны: Гомер рассказывает о связях гостеприимства между троянцами (Антенором и Энеем) и ахейцами (Менелаем и Одиссеем). Гостеприимство отличало и римскую общину, занимая большое место в истории ее политических и военных соглашений. В сущности, можно прямо сказать, что писаная история древнего Рима начинается с института гостеприимства. Уже древние связывали его происхождение с правом народов (*jus gentium*) или с естественным правом (*jus naturale*), возникшем позднее под влиянием философской мысли греков. И здесь гостеприимство, как мы постараемся это показать, было первым шагом на пути возникновения международного права вообще.

Обо всех этих сюжетах в западной историографии было написано немало работ¹. И тем не менее мы возвращаемся к вопросу о гостеприимстве: в отечественной науке, насколько нам известно, нет исследования о гостеприимстве, хотя имеется несколько общих и специальных работ по римскому праву вообще².

Этимология слова — "гостеприимство" (*hospitium*) восходит к общеевропейскому корню и связана с родственными понятиями — *hospes/hostis*, когда этим словом обозначали не только "врага", "неприятеля", но и вообще "чужого человека", "чужака", "чужеземца,

¹ См. критику литературы и источников по этой теме в кн. Catalano P. *Linee del sistema sovranazionale romano*. Torino, 1965. P. 65ss.

² Напр., Муромцев С.А. *Гражданское право древних римлян*. М., 1883. С. 170 сл. Краткий обзор современных работ о *jus gentium* дан в работе Кашеева В.И. *Эллинистический мир и Рим. Война, мир и дипломатия в 200-146 гг. до н.э.* М., 1993. С. 13 слл. См. также: Майорова Н.Г. *Фециалы: религия и дипломатия в древнейшем Риме (VII в. до н.э.)* // *Религия и община в древнем Риме*. М., 1994. С. 98 слл.

нарушающего границы"³. Это слово присутствует и в германских языках, и в славянских. Оно наличествует в немецком языке как *der Gast*, в готском языке — как *gasts*. В верхненемецком языке воспроизводится как *gast*, в средневековом русском языке, а также в церковных текстах славянских языков оно обозначает "гостя"⁴. Ближайшей аналогией латинскому языку *hospes/hostis* в греческом языке является слово *ξένος* (гость, чужеземец). В Греции это слово было известно уже Гомеру, когда словом *ξενί'α* обозначали гостеприимство⁵. Институт гостеприимства в греческих государствах равен по своему значению латинскому — *hospitium*.

Этимология слова — *hospitium* примечательна и в том отношении, что она показывает развитие мышления человека древности, когда окружающий мир мыслился как разделенный на два противоположных мира — на мир чужой и мир свой. Древнегреческий язык является здесь лучшим свидетельством, показывая языковую связь латинского языка — *aliud* ("другой", "чужой") с греческими словами того же значения. Так, для понятия "чужая речь", чужой человек (*ἄλλοτριος φῶς*), "чужая", "неприятельская страна" (*ἄλλοτρι'α*) служили многие слова-синонимы со значением "враждебный", "вражеский", "неприятельский" (*πο'λεμος*, *ἐχθρος ἄλλοτριος*)⁶. Многозначность слов для определения чужого человека, враждебного нам, наличествует и у римлян. Однако она сопряжена еще и с изменением значения слов. Так, Варрон упоминает, что слово "враг" (*hostis*) в древности обозначало лишь иностранца, т.е. того, кого во времена Варрона уже называли словом "пегрегин". Согласно Варрону, это слово обозначает свободного человека, который пользуется своими собственными законами (*peregrinus, qui suis legibus uteretur*) (Varro. *De ling. lat.* V.1.). Также и Цицерон пишет, что "предки наши словом *hostis* называли **Пегрегринов**" (Cic. *de off.* 1.37). Фест говорит, что словом *hostis* у древних назывался чужеземец, а тот, кто ныне называется "враг" (*hostis*), назывался

³ Mommsen Th. *Das römische Gastrecht und die römischen Clientel*//*Römische Forschungen*. I. Berlin, 1864. S. 326 f. 338.

⁴ Иеринг Р. *Дух римского права на различных ступенях его развития*. Спб., 1875. С. 195, прим. 126; Ihering R. *Geist des römischen Rechts auf den verschiedenen Stufe seiner Entwicklung*. I-III. 1871; 1873; 1874. Leipzig. В средневековой Москве "гостями" называли богатейших купцов, ведущих заморскую торговлю. (Вернадский Г. В. *Россия в средние века*. Москва-Тверь. 1997. С. 14).

⁵ Латышев В. В. *Очерк греческих древностей*. 4.1. Спб., 1888. (2-е изд.). С. 298-300.

⁶ Vanicek Al. *Griechisch-Lateinisches Etymologisches Wörterbuch*/2 Auf/. I. Leipzig, 1877. S. 65-66; Leohnard R. *Hospitium*. // *RE.Hbbd*. XVI. Stuttgart, 1913. Sp. 2494.

*perduellis*⁷. Точно так же и по словам Гая, "...тех, кого мы сегодня называем врагами (*hostes*), в древности назывались *perduelles*, обозначая этим словом людей, с которыми ведется война"⁸.

Родство слов подобного значения, а также наличие общинноевропейского *hostis* в латинском, германских и славянских языках является следствием того, что в древности гостеприимство представляло собой институт международный. Перемена в сознании людей произошла вследствие их длительного общения друг с другом, когда чужеземец не был больше врагом, но воспринимался как лицо, прибывающее из-за **границы**. Вместо слова *hostis* появилось слово **пегрегины** (*peregrini*), понимаемое как "чужеземцы", как люди "из-за поля". Это изменение в праве произошло в середине III в. до н.э., когда в 242 г. до н.э. в Риме была учреждена должность **второго** претора (*praetor peregrinus*). В его ведении находились дела, которые он вел между **Пегрегинами**, а также между римскими гражданами и **Пегрегинами** (*inter peregrinus, inter cives et peregrinus*). Правовое положение пегрегринов зависело от их гражданского статуса, т.е. становились ли они гражданами Рима или оставались гражданами своей общины. Слово *hostis* осталось в словаре римлян, ибо вся история Рима, как известно, была наполнена войнами. Для Италии вплоть до начала I в. до н.э., а для ее провинций и позднее свободное население получило название — **пегрегины**. В качестве пегрегинских общин это население осталось существовать на своем обычном праве вплоть до конституции Каракаллы, когда право римского гражданства было распространено на все свободное население Империи. Это население меняло свое название и свой правовой статус от **общин** Ранней империи (*civitates peregrinarum*) до общин гентилей и летов Поздней империи. Но этот экскурс мы оставляем в стороне и обратимся непосредственно к общинам Италии времени Республики, где гостеприимство было связано с италийскими племенами и возникло оно на определенной стадии развития древнеримского общества. Гостеприимство представляло собой связи добровольные, взятые на себя одной общиной, более сильной и влиятельной, как покровительство над другой.

Вначале несколько слов о правах и обязанностях "гостя" и "гостеприимна", как они вырисовываются исходя из свидетельств ис-

⁷ Законы XII таблиц. Составление и перевод Л.Л.Кофанова. М., 1996. С. 80-83.

⁸ Dig. 50. 16. 234; Quos nos hostas appellamus, eos veteres "perduelles" appellabant, per eam adiectionem indicantes cum quibus bellum esset.

⁹ Напр., Бартошек М. *Римское право: понятия, термины, определения*. М., 1989. С. 242; Пухта Г.Ф. *Общественное гражданское право в древнем Риме* // *Юридический вестник*. Т. XI. Кн. III-IV. М., 1892. С. 380 сл., 390; Боголепов Н.П. *Учебник истории римского права*. М., 1900. С. 357.

точников¹⁰. Обязанности "гостя" и "гостеприимца" состояли в соблюдении условий договора, о котором договорились обе стороны, вступающие в отношения гостеприимства. Гостеприимство заключалось между частными лицами одной общины и другой, и тогда оно было личным (*hospitium privatum*). Гостеприимство заключалось между несколькими общинами, и оно могло быть общественным или государственным (*hospitium publicum*). При гостеприимстве общественном вступал в соглашение весь римский народ, от имени которого сенат заключал договорные отношения с представителями другой общины. Привилегии гостя, прибывающего в чужую страну, состояли в бесплатном жилье, бесплатном питании (*lautia*), гостевом подарке (*xeniolum*). "Гость" имел также право участвовать в жертвоприношениях, быть приглашенным на торжественный обед, устраиваемый сенатом, смотреть на зрелища и в качестве посла находиться на особом помосте форума, так называемом фекостасисе. Гостю дарили подарки — золотые или серебряные в зависимости от статуса лица, прибывающего в общину. В случае, если гость заболел, в обязанности гостеприимца входило оказание ему медицинской помощи, в случае смерти — обязанность погребения. К гостю был прикомандирован специальный раб для услуг (*servus ab hospitiiis*). При гостеприимстве личном права гостя приобретали вполне характер семейных связей. Гость имел право на участие в ужине со всеми членами семьи; при его прибытии готовилась ванна; он участвовал в жертвоприношении домашним богам — очагу Весты, а также — Ларам и Пенатам, т.е. приобщался к святыням дома. В доме, где размещался гость, имелись специальные комнаты, так называемые домики (*domuncula*). Двери дома, где принимали гостя, были открыты для его друзей и друзей хозяина дома. Это связывало гостя с интересами той общины, куда он прибыл и одновременно способствовало упрочению связей между обеими общинами — родной и чужой.

Дом, в котором он останавливался, считался домом священным. Его не позволено было разрушать даже во время военных действий или политических неурядиц. Так, во время Троянской войны на дверях дома, где жил Антенор, была повешена леопардовая шкура в знак того, что этот дом является домом гостеприимца и в нем принимали Менелая и Одиссея (Ном. II. III.203; Paus. X.26.7; 27.2; Strabo XIII. 1.53). В Риме во время проскрипций Суллы святость гостеприимства была

¹⁰ Здесь я следую за Моммзеном и Марквардтом в описании нрав гостя (Mommson Th. Op. cit. S. 326 ff.; Marquardt J. Das Privatleben der Römer (2. Aufl. A. Mau). Leipzig, 1886. S. 195 ff.; См. также: Phillipson C. The international Law and Custom of ancient Greece and Rome. I-II. L., 1911; Ziegler K H Das Völkerrecht der römischen Republik//ANRW. 1972. Bd. 1. 2. S. 68-144. Кашеев В.И. Указ. соч. С. 35 слл.

нарушена, когда "не были пощажены ни храмы богов, ни очаг гостеприимства, ни отчий дом" (Plut. Sulla. XXXI; перев. В.Смирин).

Сам гость не был связан никакими правовыми нормами с римской общиной, ибо его право было правом другой общины". Но римский гражданин, обычно патриций, принимающий гостя в своем доме, обязывался защищать его интересы и интересы общины, которую он представлял, оказывать ему поддержку в судебных и экономических делах. Права, которые гость приобретал посредством своего римского друга, т.е. гостеприимца, делали его участником в делах римской общины. Авл Геллий, ссылаясь на правоведа Сабина, пишет, что Мазурий Сабин поставил даже раньше обязанности в отношении гостя, чем обязанности в отношении клиента. "У предков (*apud maiores*) было установлено так: сначала обязанности должны исполняться в отношении лиц опекаемых, затем обязанности в отношении гостя, после этого — обязанности в отношении клиента, после чего — обязанности в отношении кровных родственников и уже потом — остальных сородичей"¹². Это были обязанности больше морального, чем правового характера — попечительство (*tutela*) и опека (*сига*). Они возлагались на римских граждан, бравших на себя ответственность за дела малолетних, а также за умалишенных (*furiosi*) и за тех, которые проматывали свое состояние (*prodigi*). Предпочтение прав гостя перед правами клиента означало то, что гость в отличие от клиента, который имел ограниченную правами патрона собственность в римской общине, не имел в этой общине никакой собственности, но, как лицо опекаемое, он мог получить право пользоваться доходами с движимой и недвижимой собственности. Как peregrin, гость мог совершать торговые сделки с римскими гражданами, ибо он имел, как исключение, *ius commercii* (*peregrinos, quibus commercium datum est*) (Ulp. Fragm. XIX.4)¹³. Он мог также производить заемные операции, вступать в наследование имуществом, вверенным ему на сохранение по завещанию, так называемое наследование по смерти (*fidei commissa*)¹⁴. При Клавдии дело о помертвенной доверенности было поручено вести не только в Риме, но и в провинциях (Suet. Claud. 23.1), что свидетельствует об уравнивании прав римских граждан и peregrin. Далее, не имея правовой защиты в чужой общине, ибо гость не имел права римского гражданства, он мог

¹¹ Исринг Р. Дух римского права на различных ступенях его развития. Спб., 1875.

¹² Gell. V. 13.5: In officiis apud maiores ita observatum est, primum tutelae, deinde hospiti, deinde clienti, tum cognato, postea affini.

¹³ Памятники римского права (перев. Е.М.Штаерман) / Отв. ред. и составитель Л.Л.Кофанов. М., 1998. С. 190-191.

¹⁴ Gai Inst. 11.40; III.93, 119-120, 133, 179; IV.37; Виллемс П. Римское государственное право. Ч. I. Киев, 1888. С. 141.

испросить для себя попечительство патрона (*applicatio ad patronum*). Как лицо, опекаемое патроном, гость мог приобрести права клиента, т.е. право собственности в той общине, где он был принят. Но такие права, как право торговли, опеки и попечительства, право наследования движимой и недвижимой собственности были принадлежностью римского гражданства. Эти экономические права могли приводить "гостя" к такому положению, когда он становился римским гражданином той общины, куда он прибывал.

Гостеприимство действует и как фактор, регулирующий отношения Рима с италийскими общинами. Его существованию не препятствовали войны, которые вел Рим с италиками. Военные конфликты общин, находившихся в гостеприимстве с Римом, тянулись, как известно, века. Войны прерывались лишь на время заключения перемирия (*indutiae*), и оно не означало окончание войны, но только то, что война приостановлена. Так, об общине вольсков и латинов, входивших в гостеприимство с римлянами, сказано, что римляне воевали с ними 200 лет (*Liv. I. 53.2*). С общиной Цере, которая имела большие заслуги перед Римом и состояла с ним в гостеприимстве (*cum Caeribus hospitium publice fuerit*), было заключено перемирие сроком на 100 лет (*indutiasque in centum annos factas*) (*Liv. V. 50.3*; *Liv. VII. 20.8*). Повидимому, договор не был расторгнут совсем. Он был лишь прерван на время военных действий, и по окончании войны мирные отношения обеих общин были снова возобновлены. Действия договора, как бы мы сказали сейчас, было пролонгировано, поскольку было прервано войной. Поэтому в перемириях римлян с общинами Италии мы находим столь большие сроки самих перемирий.

Особенность гостеприимства состояла также и в том, что оно стремилось превратиться и стало наследственным институтом в римской общине (*hospitium patrum*), что было в интересах Рима и в известной мере является следствием патриархальности общественных отношений в древности вообще. Как наследственный институт, гостеприимство действовало и в Италии, и за ее пределами. Как институт покровительства, гостеприимство становится одним из факторов внешней политики Рима. Об этом свидетельствуют взаимоотношения Рима с эллинистическими государствами Средиземноморья. Так, связи гостеприимства на государственном уровне (*in publicum hospitium*) были заключены с общиной Липарских островов (*Liv. V. 28.4-5*). В гостеприимстве с Римом находился Родос, а также цари провинции Азия (*Liv. XXXVII. 54.5*). Царь Персей, стараясь предотвратить вмешательство римлян в дела Эпира, ссылаясь на наследственное гостеприимство, заключенное его отцом, Филиппом (*amicitiam hospitiumque cum Philippo fuisse*) (*Liv. XLII. 38.8-9*). Во время действий Цезаря в Африке царь Юба ссылаясь на гостеприимство, заключенное Помпеем с его отцом, Гиемпсалом (*patrum hospitium cum Pompeio*) (*Caes. BC. II. 25.4*). Гостеприимство

выступает как средство, охранявшее политическую самостоятельность иноземных царств, когда цари, оказавшиеся в зависимости от Рима, прибегают к гостеприимству, как способу сохранить свою независимость.

Гостеприимство и клиента для времени Империи выступают как патронат и покровительство патрицианских семей над целыми областями Италии и за ее пределами. Покровительство и патронат знатных патрицианских родов существовали в Риме всегда. Помпей, например, набрал в Пицене из своих клиентов три легиона, которые он отправил Сулле. (*Plut. Pomp. VI*). Бонония издавна состояла в клиентеле рода Антониев (*quod in Antoniorum clientela antiquitas erant*) (*Suet. Aug. 17*). Спарта находилась под опекой рода Клавдиев (*quod in tutela Claudiorum erant*) (*Suet. Tib. 6.2*; *Cic. De orat. 1.99*). Веллей Патеркул передает, что во время военных действий в Испании Цезарь держал при себе на правах "гостя" (*usum hospitio*) своего племянника Октавия, будущего императора Августа (*Veil. Pat. II. 59.2*).

Гостеприимство или его пережитки в качестве кровнородственных связей существовали в римской общине всегда. Так, для Тиберия родственные связи были основанием, чтобы выдать замуж Агриппину Младшую (дочь Германика) за Гнея Домиция Агенобарба. Этим актом упрочивались связи трех виднейших патрицианских родов Рима — Клавдиев, Октавиев, Юлиев, из которых в то время и происходили цезари (*vetustate generis propinquum Caesaribus sanguinem delegerat* — *Tac. Ann. IV.75*). На связях гостеприимства основывался и институт усыновления (*adoptatio*), когда лица из знатных родов Рима переходили в другой род путем усыновления, меняя принадлежность к прежнему родовому имени. Здесь в качестве примера можно сослаться на Эмилия Павла, победителя Персея, дети которого перешли из *gens Aemilia* в *gens Cornelia* и *gens Fabia* (*Plut. Aem. V*).

Важнейшей чертой гостеприимства было право гостя в области религиозно-нравственной. Прибывая в другую общину, гость, как лицо бесправное, мог полагаться больше на защиту божеского права, чем человеческого. Существовало твердое понятие о праве гостеприимства (*ius hospitii*), которое нарушить было невозможно вследствие общенравственных законов человеческого общества. Оскорбить гостя у германцев считалось грехом (*hospitium violare fas non putant*) (*Caes. BG. VI. 23.9*; *Tac. Germ. 21*). Нарушение законов гостеприимства, когда оно совершалось за пиршественным столом, осуждалось особо сурово. Существовало понятие о святости стола и стоявшей на нем еде (*sacra mensa*). Нарушить трапезу за столом считалось делом безбожным, ибо приглашенный за стол считался лицом неприкосновенным. Однако, это далеко не всегда исполнялось. Фракийский царь, Рескупорид, убил за пиршественным столом своего брата, Котиса (*sacra regni, eiusdem familias deos et hospitalis mensa*) (*Tac. Ann. 11.65*). Царь квадов, Габиний

(Gabinium regem) был убит, возвращаясь с пиршества, по приказу наместника провинции Валерии (post epulas hospitalis officit sanctitate nefarie violata, trucidari securum fecit — Amm. Marc. XXIX. 6.5). За пиршественным столом Нерона был отравлен Британик (inter sacra mensa) (Тас. Арм. XIII.17). Тацит передает, что заговор против Нерона не удался лишь потому, что главный из заговорщиков, Пизон, считал, что убить Нерона во время пиршества, значит покрыть себя бесчестьем, ибо святость пиршественного стола будет поправа, и боги гостеприимства будут осквернены (sacra mensae dii hospitales) (Тас. Ann. XV.52). Преступление против гостя было поэтому преступлением перед божеством и своей, и чужой общины, и тяжесть совершенного поступка ложилась грехом на всех лиц, приглашенных, за стол.

Институт гостеприимства находился под защитой главного божества римской общины — Юпитера-Гостеприимца (Juppiter Hospitalis). Нарушение гостеприимства было одновременно нарушением клятвы "Верности", которая давалась при вступлении в такой союз. Нарушение такой клятвы каралось римским обществом, так как оно было нарушением божеского права. Это право нужно было свято соблюдать вследствие самой его природы, ибо оно исходит от божества, в то время, как право гражданское было учреждено законами человеческого общества и может быть изменено. Отличие одного права — божеского от права — гражданского состояло в том, что *Fas* — есть право священное. Оно опирается на волю богов и, стало быть, неизменно. *Jus* — есть закон, созданный людьми, и он может быть и отменен и упразднен (*Fas lex divina, jus lex humana est*) (Isidor. Orig. V.2).

При заключении договора о гостеприимстве на первое место выступает доверие, добросовестность соглашения — категория скорее нравственного, чем правового характера. Добросовестность договора связывалась у римлян с религиозным понятием о божественной сущности "Верности" (*Fides*), которая ведет свое происхождение от религиозных обычаев предков (*mos majorum, consuetudo*)¹⁵. Божество, надзиравшее за верностью клятвы, почиталось уже в глубокой древности, когда в качестве права и законов действовали еще и обычаи предков (*iure eam legibus ac moribus de integro condere parat*) (Liv. 1.19.1). Празднество в честь "Верности" было установлено Нумой. Ее жрецы приезжали в крытой повозке. Жертвоприношение совершалось рукой, спеленутой до пальцев в знак того, что верность должно сохранять, что она свята и остается святыней даже в пожатии рук (Liv. 1.21.4). "Верность" выступает как гарант добропорядочного договора.

¹⁵ Dalheim W. *Struktur und Entwicklung des römischen Völkerrechts im dritten und zweiten Jahrhundert v. Chr.* München, 1968. S. 25 ff; Кашеев В.И. Указ. соч. С. 39.

При заключении договора о верности, а это качество более всего отличало гостеприимство, произносилась устная клятва со словами "Обещаешь ли дать?" (*Dari spondes*). Клятва давалась у алтаря, с возлиянием на него вина и молока, следовательно, в древности клятвы о верности были бескровными. Обе стороны давали устное обещание, на словах (*verbis obligatio*), честно и верно исполнять договор. И хотя клятва *Dari spondes* была принадлежностью только римского права, но то, что в ней участвовали и римские граждане и лица peregrinского права (*sive cives Romanos sive peregrinos*) (Gai Inst. III. 92.93.) и что сама она по своему происхождению восходит к древнейшим пластам общенародного права, дает основание считать, что эта клятва была именно той, которой заключался договор о гостеприимстве.

Из всего этого мы можем заключить, что гостеприимство, будучи правовой нормой общения народов, по самой сути этих норм и обязанностей восходит к институтам глубокой архаики. Оно несет на себе отчетливо отпечаток религиозных и нравственных воззрений той эпохи.

Как институт исторический, гостеприимство претерпевает изменения не только юридического свойства, но и по существу. Происходит изменение понятий этого института, поскольку практически в период Империи оно перестает существовать, что отразилось в языке римлян более позднего времени. Так, Плиний Младший в письме к Траяну назвал дом в Прусе, в котором останавливались приезжающие из Рима официальные лица, как *intra hospitium* (Plin. Epist. X.81.1). Светоний, упоминая, что Тиберием был образован военный лагерь в Риме для преторианцев, сказал, что прежде преторианские когорты расписывались по постоям — *per hospitia* (Suet. Tib. 37.1.). И дом для приезжих, и места стоянок легионеров ведут свое происхождение от института гостеприимства.

В правовых текстах Империи гостеприимство часто выступает вместе с термином "дружба" (*amicitia*). Титул "друга Римского народа" даровался сенатом и народом и одному лицу, и общин в целом вследствие обоюдных мирных отношений (Liv. XXXI. 11.16). Это была особая форма связи римских общин; она требует отдельного рассмотрения¹⁶. У юриста II в., Помпония "дружба" поставлена раньше гостеприимства (Dig. 49.15.5). Значит, было отличие статуса "дружбы" от статуса "гостеприимства". Союз, обозначенный как гостеприимство, не был соглашением типа *foedus*, поскольку заключение такого договора было обычно результатом войны. Для заключения союза о гостеприимстве требовалось непременно произнесение клятвенных заверений (*iusiurandum*). Эта клятва давалась не по окончании военных

¹⁶ Braund D. *Rome and the Friendly Kings. The Character of the Client Kingship.* L., 1984. *passim*; Кашеев В.И. Указ. соч. С. 218-219, 227 слл.

действий, но при заключении соглашения сторон, вступающих в гостеприимство вследствие договоренности и в мирных условиях. Гость прибывал в другую общину во время мира, чтобы найти покровительство и защиту интересов той общины, которую он представлял. Преимущество религиозных и нравственных мотивов перед правовыми — несомненно.

Итак, приобретая со временем черты правового института, гостеприимство появляется на заре римской истории как право народов. Оно действует вначале как бы в двойной форме: с одной стороны, гостеприимство принадлежит праву народа (*jus gentium*), с другой — праву римской общины (*jus civile*), ибо само гостеприимство исходит от римской общины и действует в интересах этой общины. Эту особенность гостеприимства, когда оно выступает как право обычное, как право римское, как право между народами дает возможность рассматривать его как вливание чужеземного права в право римское. Это чужеземное право было правом, в сущности, peregrinum, что было отмечено еще в работах Пухты, и выступает оно как международное право, как право народов, вошедших в состав римского государства. Оно явилось основой и для внешней политики Рима как на Западе, так и на Востоке. Гостеприимство было инструментом и для установления отношений Империи с племенами за лимесом, так как в варварской среде отношения племен с Империей часто строились с учетом гостеприимства. Гостеприимство было одним из важнейших правовых институтов, на котором покоилось все здание римского государства.

Г.С.Кнабе

СЦИПИОН В ГОСТЯХ У СИФАКА

В 28 книге "Истории Рима от основания Города" (главы 17, 6-9 и 18, 1-6) Ливии описывает поездку Публия Корнелия Сципиона Африканского к нумидийскому царьку Сифаку, неожиданную встречу его там с командующим враждебной римлянам армии карфагенян Гасдрубалом, и пир, устроенный Сифаком в знак своего гостеприимства для обоих врагов — пир, завершившийся договором Сципиона с нумидийцем. Эпизод этот проливает яркий и во многих отношениях неожиданный свет 1. На роль гостеприимства и пиршества в общественно-политической жизни римлян; 2. На мировоззрение Сципиона, сказавшееся на его поведении во время некоторых событий, которые сыграли ключевую роль как в его карьере, так и в истории Рима его времени; 3. На понимание в Риме взаимодействия правовой нормы и стереотипов народного сознания; 4. На истолковании роли Рима в культурной традиции Европы.

Приведем оба текста — в латинском подлиннике и в (опубликованном) русском переводе.

17, 6-9. Foedus ea tempestate regi cum Carthaginensibus erat. Quod haud gravius ei sanctiusque quam vulgo barbaris, quibus ex fortuna pendet fides, ratus fore, oratorem ad eum C.Laelium cum donis mittit. Quibus barbarus laetus, et quia res tum prosperae ubique Romanis, Poenis in Italia adversae, in Hispania nullae iam erant, amicitiam se Romanorum accipere annuit; firmandae eius fide nec dare nec accipere nisi cum ipso coram duce Romano. Ita Laelius in id modo fide ab rege accepta, tutum adventum fore, ad Scipionem redit.

18, 1-6 <...> et quoniam fors eos sub uno tecto esse atque eosdem penates voluisset, contrahere ad conloquium dirimen-

В то время Сифак был с карфагенянами в союзе. Полагая, что у этого царя святость договоров не в большем почете, чем вообще у варваров, чья верность зависит от удачливости союзника, Сципион послал к Сифаку для переговоров Гая Лелия с подарками. Варвар им обрадовался и так как римлянам тогда всюду везло, а у карфагенян в Италии дела были плохи, в Испании же никаких дел не было, он согласился войти в дружбу с римлянами, но заявил, что скрепит ее клятвой только при личном свидании с их вождем. Лелий получив от царя только заверение, что Сципиону будет обеспечена безопасность, вернулся в Тарракон.

darum simultatium causa est conatus. Scipione abnueute aut privatim sibi ullum cum Poeno odium esse, quod conloquendo finiret, aut de re publica se quicquam cum hoste agere iniussu senatus posse. Illud magno opere tendente rege, ne alter hospitum exclusus mensa videretur, ut in animum induceret ad easdem venire epulas haud abnuat; cenatumque simul apud regem est, et eodem etiam lecto Scipio atque Hasdrubal, quia ita cordi erat regi, accubuerunt.

<...> и так как судьбе было угодно свести их под одним кровом, у одного очага, попытался втянуть их в разговор, которым разрешилось бы их вражда. Сципион заявил, что у него нет никакой личной ненависти к Пунийцу, чтобы о ней говорить, а вести с неприятелем переговоры о делах государственных он без повеления сената не может. Тогда царь стал уговаривать Сципиона хотя бы отобедать у него вместе с другим гостем, чтобы не показалось, что кто-то не допущен к столу. Сципион согласился; они вместе обедали у царя — Сципион и Газдрубал — и даже возлежали на одном ложе, как того хотелось царю.

Горовой В.В.

"ГОСТЕПРИИМНЫЙ БРАК (АЛФЕСИБОЙЯ)" И СТАНОВЛЕНИЕ ПОЛИСА В ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ

Архаический полис как социальная структура представлял собой переход от родо-племенной ополченческой организации и ее стратосного рекомбинирования к общинно-войсковой, фалангической. На пути к монолиту фаланги возникли проблемы со "средними", которые склонны были к несамостоятельности. Исправление положения дел, на наш взгляд, связано прежде всего с появлением практики "брачного гостеприимства" — "алфесибойя". Обычно подобный брак рассматривается как приношение богатства, типа "калыма" в кочевых обществах. Однако в стратосах "алфесибойя" не уходили из полисов, а старались извне привлечь мужчин уже для упрочения и активизации "средних" в строю стратоса, способного не только обороняться на холме, но и нападать, имея строй, неподверженный разрыву посередине.

В эпическом контексте в такую ситуацию чуть не попал Одиссей, выброшенный бурей на остров феаков. Мелически зафиксирован и не совсем ясный сюжет в единственном сохранившемся фрагменте Асия Самосского о приглашении некоего героя, могучего, "жаждущего хлеба, косолапого, имеющего нужду в женах" (As. fr. 1. Diehl). Однако, хотя Асий и упоминается как один из павших в боях в "Илиаде", сюжет приглашения отличается лишь тем, что он наверняка не соотносится с Эвмеем и Долием. Ситуация хоть какой-то связи этого приглашения и связи его с "алфесибойя" не прочитывается.

С быками, причем не только в контексте приношения богатств, связана судьба семьи Геракла. Его мать и отец — Амфитрион и Алкмена — вступили в брак по условию отца Алкмены, по которому надо было вернуть стада, отогнанные телебойями. Амфитрион выкупил, но при возвращении быков убил отца Алкмены Электриона. Однако брак не состоялся до тех пор, пока Амфитрион не отомстил телебойям и за убийство их юношами братьев Алкмены. Историю возвращения Амфитриона, минуя пастухов и дмоев, к Алкмене, и рассказывает в малой поэме "Щит" Гесиод (Scut., 1-56). Интересно, что является туда Амфитрион еще раньше самого себя как принявший его облик Зевс, который по Павсанию вместо быков вручает Алкмене кубок и ожерелье (Paus. V.14). Налицо приближение к проблематике "алфесибойя", но не по линии обогащения, а по противоположной характеристике — отказу значения богатства в виде быков ради появления не кого-либо, а самого знаменитого героя античного мира — Геракла.

В дальнейшем Геракл с быками не расстанется, пока не вырастет: до 18 лет он находится с быками и пастухами. Могучий юноша между

прочим, не удовлетворяется умением ездить на колеснице, чему его научил отец: у одного из Диоскуров он учится и пешему бою — у Кастора (Apolloclod. II.IV.19). Но какого-либо выдающегося копья типа "ясеня" Ахилла у Геракла не появляется (несколько позже его заменой станет дубина из Немейского леса). А пока Геракл интересен тем, что щит ему во второй раз в истории мифологического времени готовит Гефест. Так на определенный историко-мифологический момент мы и получаем Геракла как юношу-бойца в продолжение традиции Амфитриона "вместо быков", но вооруженного божественным оружием лишь в виде щита. В таком виде он нас и интересует как возможный результат брака "алфесибоя" не как сын Зевса, а как возможный героический тип результирующего для полиса или стратоса брака, отраженного в фрагменте Асия Самосского, тем более что Геракл несет не столько щит, сколько мирообозрение греков, следующее по времени происхождения вслед за щитом Ахилла.

В этом контексте надо заметить, что "боевой" вид полиса со щитом мирообозрения Геракла обнаруживает неспособность этого полиса к обороне: он в дуальной оппозиции с таким же полисом терпит поражение. У Гомера "заведует" поражением Эрис-Распря, лишаящая погребения членов обманутых стратосов, забросавших друг друга копьями. Греки под Троей сражаются фалангами, а те, кто любит Распри, оценены Нестором — "правильным" строителем фаланг или их подразделений как 1. Нефраторы; 2. Нетемисты (без обычая); 3. Анаестной (безочажные) (Horn. II.IX.53 ff). Вот дочери Темис, обеспечивающие достоинство "средних" — Мойры — и занимаются оттаскиванием трупов вместо Эрис, предавая их Тьме-Забвению, вместо того, чтобы заниматься тканьем основы жизни. Так что у Гесиода и изображен дефект вида полиса в качестве отсутствия "средних".

Отношение "вместо быков" персонифицированное в держащем щит Геракле конечно же не столь прямолинейно предполагает появление новых "средних". Сюжет с ним, использованный Феспием в качестве "быка-производителя", сведенного им с 50 дочерьми, в детях Геракла развития как раз и не получил: сам отец по достижению ими совершеннолетия отправил их колонией/апоикией в Сардинию. Но здесь Геракл уже определяется как новый "средний" индивидуально: он после состояния выбора признается в мифотрадиции Алкидом. В таком виде Геракл несколько дополняет своим промежуточным обозначением отличие могучего щитоносца — "среднего" по Асию принципиальной чертой в виде негентильности. Негентильность тут помешательство по божественному промыслу не допускается к выживанию. Так соединение вида и облика обретения жизни и характеризует для нас процесс появления слоя новых "средних" вместо прежних "робких" по построению старца Нестора.

Конечно, подвиги Геракла к появлению новых "средних" отношения не имеют. Но именно с такой подачи мифа о Геракле как источника понятнее становится группа характеристик VII в. до н.э., представляемая такими бесспорными авторами, как Драконт и Тиртей. По закону Драконта об обеспечении выкупных замен кровной мести ряд выкупающих представлен слева направо в войске: сначала выкуп обеспечивают левофланговые и оттянутые как можно далее назад дядя и племянники, затем зятья и тесты, и лишь в последнюю очередь — обеспечивающие мощь правого фланга фраторы (SIG. 111). Тиртей же явно в одной из своих элегий видит боевой строй справа налево, помещая в левый фланг обобщенного войска некоторый строй, силящийся с помощью предстоящих легковооруженных и согласным ударом щитов склонить противостоящий фланг противника под копья дорийского центра и правого фланга, сражающегося за долю жен и детей, как в "Илиаде". Можно ли эту компанию новых "Алкидов" обнаружить в мирообозрении щитов Ахилла и Геракла? И там и там есть танцующие юноши с эпитетами родовой принадлежности, но лишь на щите у Геракла появляется новый вид юношей: они не только хорошо ощущают себя в хороводах, но и умеют согласно выступить вперед под флейту (основной инструмент процессии и войска) (Scut. 280 ff). Так греческая фаланга получает активно примыкающий к правому флангу фраторов левый фланг тех, кого условно по прослеженному виду и облику мифологического обретения жизни можно назвать "Алкидами", а по убыванию гентильного значения фило-фратриальной связи, по характеру положения можно так же условно назвать "быками". Впрочем, индивидуального значения они в реальном полисе не имеют: обобществлено их называют "дзюгон" — строй фаланги, умеющий сражаться как упряжка не по-конному, а по-бычьему. Так, с нашей точки зрения, мужи, появившиеся сообразно приглашению по Асию Самосскому из-за нужды в женах, преломленные мифологией через вид и облик Геракла, а также характеристики щитовых образов социальности, заменили левый фланг и активизацией его действий способствовали развитию фалангической тактики предотвращения разрыва фаланг посередине. Так что Солон только учел появление этого строя в полисе Афин. Люди "вместо быков" были и в древнем Милете, где они "затоптали" на гумне детей фило-гентильной знати (Athen. XII. 523 f)- Феогнид Мегарский призывал угнетать простолюдинов именно в войске, хотя и не забывал старой поговорки "лягнуть стрекало" (Find. Puth. II). И даже римляне, далекие от знания о значении "дзюгон" для греков и полиса, считая Геракла наряду с Меркурием/Гермесом покровителем торговли, все же отметили мифологический росчерк Геракла в социальной истории греков, хотя и несколько своеобразно — алтарь Геракла в древнем Риме располагался не где-нибудь, а на рынке скота.

В заключении хотелось бы отметить главенство в проблематике обычая гостеприимства в античной Греции именно фигуры ксена и отношения проксении. Обычай "брачного гостеприимства" ("алфесибойя"), несомненно в данной проблематике менее значащая линия. Однако выявление слабых излучений нейтрино в физике помогло избежать концепции тепловой смерти Вселенной.

П.В.Ковалев

О СТАТУСЕ СТРАННИКОВ И ГОСТЕПРИИМЦЕВ В АРХАИЧЕСКОМ ГРЕЧЕСКОМ МИРЕ

Статья посвящена взаимоотношениям греков, временно находившихся вне своей общины, с теми, кто предоставлял им пищу, кров и средства передвижения. Предстоит выяснить степень заинтересованности сторон и то, как регулировались их права и обязанности (законом, обычаем или целесообразностью). Рассмотрим и случаи, когда изгнанник не покидал свой полис или союз этнически близких полисов, а искал убежища в храме либо в зоне влияния клана, к которому сам не принадлежал. А так как большинство греческих общин связывало море, существует проблема внепланового приема гостей (странник, ввиду гибели судна или его отклонения от курса, оказывался не там, где рассчитывал).

Термин ξένος впервые употребляет Гомер: грек Диомед и ликиец Главк, союзник Трои, перед поединком узнают, что их деды были связаны узами гостеприимства (Il. VI. 224-231)¹. В "Илиаде" ахейцы из союзных общин ни разу не описаны как ξένοι. Больше материала дает "Одиссея". Здесь отмечены и вопиющее нарушение норм гостеприимства киклопом Полифемом, и заинтересованность лотофагов, чтобы путники утратили "желанье назад возвратиться", и радушный прием Одиссея, когда он остался один, у феаков. Одиссей не счел зазорным сообщить их царю Алкиною, как его спутники истребили город киклонов Исмару, куда прибило их суда. Они лишь пощадили Марона "с женою и с сыном, — сан уважая жреца..." (Od. IX. 197-200). Нормы поведения в эпоху Гомера диктовались целесообразностью момента и не зависели от того, были ли странник и гостеприимец греками или нет. Радущие феаков отчасти объяснялось относительной близостью Схерии к Итаке³, а отчасти — пониманием народа моряков, что любой из них может в шторм или грозу оказаться в положении Одиссея. От киклопов, что "...еще кораблей красногрудых не знают" (Od. IX. 125), этого ждать не приходилось. Между этими крайностями стоит "оправданный нечестием" спутников Одиссея отказ бога Эола повторно их приютить (Od. X. 55-76).

¹ Marek Ch. Die proxenie. Frankfurt am Main; Bern; N.Y., 1984. S. 161.

² Constan D. Friendship in the Classical World. Camb., 1997. P. 34.

³ См. дискуссию об отождествлении Керкиды и Схерии в кн.: Андреев Ю.В. Поэзия мифа и проза истории. Л., 1990. С. 140.

Герои Гомера не сталкиваются с языковым барьером. Поэт не высмеивает говора ни диких народов, как например, Аристофан — речь скифа (Thesm. 1001), ни финикийских работоторговцев. Видимо, греки сталкивались тогда с эллинизированными финикийцами и могли стать рабами и на их судне, и в чужой земле.

В VII в. до н.э. ситуация меняется. Тиртей, описывая несчастье тех, кто не отстоял свою общину в бою (fr. 6 Diehl), пугал спартанцев перспективой "побираться, блуждая с родителями и детьми среди враждебных людей..."⁴ Стремление элегика драматизировать судьбу побежденных налицо, но он мог страшить лакедемонян участием поработанных пленников, а не скитальцев. Такой прием был бы менее убедителен в местных условиях: из-за многочисленности илотов иноземец меньше рисковал стать рабом. Спарта, где позже отмечена ксеналасия (Xen. Lak. Pol. 14, 4), в VII в. часто приглашала к себе выходцев из других общин (Ps.-Plut. De mus. 9. 1134a). Здесь "миссии лесбосца Терпандра, гортинца Фалета, афинянина Тиртея... понимались и как очистительные, и как посреднические..."⁵ Очевидно, что их пребывание регулировалось нормами права, а не морали.

Термины "проксен" и "ксен" многозначны. "Ксен" у Феогнида (ст. 733-734), Анакреонта (Anth. Pal. 143.4) и Пиндара (Isthm. I. 51) отделен от сограждан ἀστός, συμπολίτης⁶. Позднее "ксен" (IG I 2. 949. 89; Xen. Anab. I. 1, 10) — наемник. В договоре сибаритов с сердаями (SEG XXII. 36) на бронзовой табличке из Олимпии 530-525 гг. проксены — "Зевс, Аполлон и другие боги, и полис Посейдония". Термин в данном контексте — "поручитель"⁷, а не представитель интересов одной общины в другой. Впервые слово "проксен" появляется в надписи на кенотафе из Керкиры, составленной из гексаметров в 625-600 гг. Эпитафия высечена на стеле ретроградно, на диалекте Коринфа (IG IX 1 817):

hmoῖ Γλασία⁸ ο Μενεκράτεος τόδε σάμα
Οἰανθέος γενεάν, τόδε δαυτοῖ δαμος ἐλοίει
ἐς γὰρ πρόξενος δάμου φίλος- 'ἀλλ' ἐνὶ πόντῳ ff:J].
δλετο, δαμόσιον δὲ κερὸν Ц off—————1
Πραξιμένης δ' αὐτοῖ γ' αἰαῖς ἀπο πατρίδος εὐΟον:
συν δάμιοβι τόδε σάμα κασιγνέτοιο πονέθε:

⁴ Яйленко В.П. Архаическая Греция//Античная Греция. Проблемы развития полиса. М., 1983. С. 161.

⁵ Суриков И.Е. Килонова скверна в истории Афин VII-V вв. до н.э. Дисс. ... кандидат ист. наук. М., 1994. С. 86.

⁶ Constan D. Op. cit. P. 34, no. 19.

⁷ Фролов Э.Д. Греческий полис в отражении древнейших эпиграфических документов // Philologia classica. Вып. 5. МННМЕ ΧΑΡΙΝ. Межвуз. сб. к 100-летию со дня рождения проф. А.И.Доватура. Спб., 1997. С. 220.

Памятник воздвигли керкиряне и Праксимен, соотечественник и сородич погибшего в море Менекрата, сына Тласия, из Занфии в Локриде Озольской⁸. К.Боран, относя эпитафию к середине VII в., видит в Менекрате пирата⁹. Действительно, трудно видеть в уроженце этой отсталой области, вряд ли обладавшей флотом, наварха, или корабельного плотника, или купца, везущего ценный груз для керкирян. Представители этих профессий были теми, чье присутствие в другом полисе вызывалось государственной необходимостью: ср. постройку коринфянином Аминоклом 4 триер на Самосе в конце VIII в. (Thuc. 1. 13, 2-3). В случае войн или их угрозы возникала потребность в приглашении союзников, наемников или послов, а в случае эпидемий и гражданских смут "желательными" иностранцами оказывались посредники-примирители или жрецы-катарты. Примеры — миссия Демонакта из Мантинеи в Аркадии, приглашенного по велению Пифии в Кирену около 570 г. (Nat. IV. 161), и Эпименида из Кносса, очистившего Афины между 596 и 593 гг. (D.L. I. 109-111). В обоих случаях посредниками между двумя общинами выступают Дельфы, а плавание Демонакта в Кирену из не имевшей выхода к морю Мантинеи предполагает использование им порта третьего государства, возможно, Лакедемона или Аргоса. Был и сухопутный транзит: священное посольство из Пелопоннеса в Дельфы, передвигаясь на повозках по Мегариде, подверглось нападению (Plut. Quaest.Graec. 59; ср. Ibid. 18), после свержения тирана Феагена в конце VII в. Напавшие на них мегарцы были наказаны амфиктионами; убитых послов сопровождали жены и дети.

Статус странников, путешествующих "транзитом", не всегда был свободным. Коринфский тиран Периандр "отправил 300 сыновей знатных людей с острова Керкиры в Сарды к Алиатту для оскотления. Когда же коринфяне с этими мальчиками на борту пристали к Самосу, то самосцы... научили детей искать убежища в святилище Артемиды..." (Hdt. III. 48). Те прибегли к гикетии, "моля о защите", а самосцы их кормили и (после отъезда коринфских стражей) отвезли назад на Керкиру. Храм Артемиды¹⁰ был не столь близок территориально к гавани Самоса, как Герайон¹⁰; последний либо не обладал правом асии, либо его жрецы были связаны узами гостеприимства с Периандром. Можно отметить и продажу в досолоновских Афинах несправимых должников в рабство за пределы Аттики и возвращение их на родину Солоном, архонтом в 594/593 г. (Sol. fr. 24 Diehl. ст. 11). Поэт говорит, что он вернул тех, кто забыл аттическую речь. Это указывает на их пребывание скорее в "варварской" стране, чем в греческом полисе. Fr.

⁸ Фролов Э.Д. Указ. соч. С. 219.

⁹ Baurain Cl. Les et la Mediterranee Orientale. Des sides obscures a la fin de l'epoque archaique. Paris, 1997. P. 222.

¹⁰ Мы признательны А.И.Немировскому за данные о храмах Самоса.

115 West Гиппонакта из Эфеса, ранее приписываемый Архилоху¹¹, содержит пожелание недругу оказаться у Салмидесса, в рабстве у "чубатых фракийцев". Видимо, пребывание эллина в Лидии или даже Персии середины VI в., когда творил Гиппонакт, не было сопряжено с таким риском.

Ксения между эллинами и варварами отмечена в эпитафии 625-600 гг. на базе алтаря на Фасосе, вырезанной бустрофедоном, паросскими буквами (C=β; Ω=ο; 0=ω; H=η):

Γλαῦρο εἰ'μὶ μνη
μα το Λεπτινεω ἐ-
θεσαν δέ με οτ βρε'ντ-
εω παίδες (SEG XIV, 565)

Памятник на могиле Главка, вероятно, соратника Архилоха (fr. 15 West), был поставлен сыновьями Брента. «Последнее имя указывает, что заказчики стелы были фракийцами... Неизвестный автор не сумел воспроизвести греческий гекзаметр, не получился у него и гемипес...»¹² Итак, обязанности сторон в позднем VII в. уже не ограничиваются обменом дарами. Они предполагают знание языка партнера или использование услуг толмача. В случае смерти гостя гостеприимен обязан был с почестями его похоронить: на надгробье вырезали имя, этникон и патронимикон покойных. Если те были женщинами, указывалось и имя матери¹³. Порой указывалась и профессия гостя¹⁴. Даже доблестно павшего врага полис мог хоронить на свои средства, как Самос — спартиата Архия. Его сына назвали Самием в 524 г (Hdt., III. 55); ср. появление в одних полисах имен, принятых у знати других греческих общин и даже "варварских" царств. Архонт 598/597 г. в Афинах носит имя Кипсел, вероятно, в честь отца Периандра, чей племянник Псамметих, — тезка египетского фараона; Крез в Аттике, видимо, Алкмеонид, был наречен в память о лидийском царе, "озолотившим" в 580-е гг. Алкмеона (Hdt. VI. 125). В свою очередь, "алкмеонидовских" имен много в Эретрии и Дельфах¹⁵. В Митилеене конца VII в. засвидетельствованы афинские (Мегакл, Драконт) и фракийские (Питтак, Смерд) имена D.L. I. 81; Aristot. Pol. V. 8, 13). Периандр, если верить антииранической пропаганде конца VI в., дважды вопро-

¹¹ Burnett A.P. Three Archie Poets. Archilochus, Alcaeus, Sappho. Camb.(Mass.), 1983. P. 100.

¹² Чистякова Н.А. Античная эпиграмма. Пособие по спецкурсу. М., 1979. С. 15.

¹³ The Foreign Residents of Athens/ An Annex to the Lexicon of Greek Personal Names: Attica, by Osborne M.J. and Byrne S.G. Lovanii, 1966(Stidia Hellenistica 33). P. 49, 67.

¹⁴ The Foreign Residents of Athens... P. 67, 135-136, 158, 280.

¹⁵ Суриков И.Е. Указ. соч. С. 95-96.

шал оракул мертвых на реке Ахеронт в Феспротии о вверенной ему имуществе какого-то гостеприимна (Hdt. V. 92). В начале VI в. богатый милетянин вверил свое имущество спартанцу Главку (Hdt. VI. 86). По Солону, "счастливы тот, у кого любимые дети, однокопытные лошади, охотничьи собаки и гость-чужеземец" (fr. 13).

Иноземцы, чье присутствие объяснялось личной волей царя, династа или тирана, были людьми разных профессий. Присутствие при их дворах зодчих зависело от того, сколько времени требовалось для выполнения конкретной работы. Имело место и их "переманивание": кротонского врача Демокда нанял сначала "город эгинцев... за талант серебра", затем — афиняне за 100 мин, и Поликрат Самосский — за 2 таланта (Hdt. III. 131). Пребывание врача на Эгине заняло 2 года, в Афинах — год (Hdt. III. 131). На Самосе он находился вплоть до гибели Поликрата, как и поэт Ивик из Регия¹⁶, сочинивший в честь тирана поэму (fr. 282 PMG-151 SLG)¹⁷. Захват Самоса персами вызвал бегство оттуда другого придворного поэта, теосца Анакреонта, который с 522 г. до 514 (или 510?) г. жил в Афинах, а затем — в Фарсале, резиденции фессалийских Алевадов. Очевидно, базили даже отсталых общин в конце VI в. обладали материальными возможностями годами содержать придававших блеск их двору иноземцев.

В начале эпохи архаики цари вряд ли могли позволить себе это, приглашая поэтов лишь по случаю свадьбы или похорон. На агон в память царя Халкиды Амфидаманта ездил Гесиод (Hes. Op. et dies. 651-658); возможно, правда, что Амфидамант был гиппоботом¹⁸. Его брат и сыновья якобы присудили победу Гесиоду в споре с Гомером, согласно Лесху (ap. Plut. Mor. 153e-154a)¹⁹. По Гесиоду, "заранее было объявлено немало призов" сыновьями покойного. Сам поэт получил треножник, "гимном победу стяжав", и посвятил его Музам. Участники позднейших агонов (олимпиад, а с раннего VI в. и пифиад, Истмийских, и Немейских игр) посвящали богу десятину из полученной за победу награды, как олимпиионик Клеомброт из Сибариса (SEG XXXV. 1053)"²⁰. Пребывание иноземцев в местах проведения агонов было кратковременным, и они указывали свой этникон, в свете запрета лампсакцам участвовать в конных и гимнических состязаниях в Хер-

¹⁶ Weber G. Poesie und Poeten an den Höfen vorhellenistischer Monarchen// Klio. 1992. Bd. 74. S. 47. Anm. 174.

¹⁷ Page D.L. Ibycus' poem in honour of Polycrates//Aegyptus. 1951. 31. P. 158-172.

¹⁸ Яйленко В.П. Архаическая Греция и Ближний Восток. М., 1990. С. 35 и прим.

42 к гл. 3.

¹⁹ См. дискуссию о данном пассаже: там же. С. 36 и прим. 45-46.

²⁰ Ковалев П.В. О социальной базе тирании Теласа (515-510 гг. до н.э.// Власть, человек, общество в античном мире. Доклады конференций 1996 и 1997 гг. М., 1997. С. 100 и прим. 1.

сонесе Фракийском после смерти Мильтиада, дяди Стесагора. Последнего некий лампсакец убил в пританее (Nat. VI. 38).

Это не означает, что участие в межполисном празднестве или агоне было позволено лишь гражданам этнически близких общин. Фрагменты бронзовых котлов и треножников с беотийскими надписями, идентифицирующими их как призы, найденные на акрополе Афин, показывают, что афиняне участвовали в частных погребальных играх в Беотии²¹. С другой стороны, находки панафинейских амфор в столь отдаленных от Аттики местах, как Пантикапей на Боспоре, Барка в Киренаике или Тарент в Япигии²², — свидетельства того, что участник или гость Панафиней мог свободно вывозить наградной сосуд к себе на родину.

Феогнид, мегарский поэт V в., призывает Кирна:

"Выпей вина, что под сенью высокой Тайгетской
вершины

Мне виноградник принес. Вырастил лозы старик

В горных укронных долинах, любезный бессмертным Фео-
тим,

С Платанистунта-реки влажную водунося"

(ст. 879-882, пер. В.В.Вересаева).

Как видно, даже из такого "замкнувшегося в себе" к этому времени государству, как Лакедемон, "желательный" иностранец мог вывозить вино. В случае с Феогнидом оно скорее дар, чем купленный или обмененный товар: вряд ли сетующий на судьбу поэт из малопродуктивной и потерявшей часть земель Мегариды (ее граница видна с агоры, ст. 826), возил ценные грузы в посещаемые им плодородные страны (Сицилия, Эвбея, Спарта, ст. 783-785). Гостеприимец поэта Феохим мог быть и периэком, и старым, уже как бы не принадлежавшим полису, спартиатом. Но не все вышедшие из боеспособного возраста спартанцы принадлежали себе: 5 ежегодно выходивших из сословия всадников пополняли ряды послов, всегда готовых к отъезду (Nat. I. 67). Один из таких "агатоергов", Лих, раскопал останки Ореста в Тегее, куда он впервые прибыл "легально", во время перемирия, а потом — якобы в качестве изгнанника. В обоих случаях его гостеприимцем был кузнец, а не магистрат (Nat. I. 68): власти Тегеи не приветствовали, хотя и не запрещали, въезд Лиха.

²¹ Bather A.G. The Bronze Fragments from the Acropolis//JHS. 1892-1893. Vol. 13. Nos. 62-64 on P. 129 and Pl. VII.

²² Kyle D.G. Gifts and Glory. Panathenaic and other Greek Athletic Prizes//Worshipping Athena. Panathenaia and Parthenon. Ed. by Neils J. Madison, 1966 (Wisconsin Studies in Classics). P. 122, no. 109; Hamilton R. Panathenaic Amphoras. The Other side//Ibid. P. 142, nos. 40-41.

Иногда проксения предполагала заинтересованность страны, принимавшей изгнанников или отклонившихся от курса моряков. Критскийловец багрянок Коробий, занесенный бурей к берегам Ливии, заинтересовал ферейцев как знаток удобных для выведения колоний мест, и они снабдили его продовольствием на несколько месяцев на островке Платея (Hdt. IV. 151). А пятьсот знатных сибаритов, припав к алтарям на агоре Кротона, добились невыдачи их Телису, тирану Сибариса, благодаря заступничеству Пифагора (Diod. XII. 9, 2-4). Массовый прием изгнанников приводит и Геродот. Фокейцы, покинув Алалию на Кирне после поражения от тирренов около 535 г., нашли убежище в Регии, пока не основали в Энотрии Гиелу (Элею) по совету какого-то посеидониата (I. 166-167). Гостеприимство регийцев не было бескорыстным: их хора была богата лесом, дававшим смолу (Strab. VI. 1, 9) для скрепления судов, а 20 кораблей фокейцев потеряли боеспособность (Hdt. I. 166). Принятие таких беженцев "окупалось" сторицей, но не всегда было безопасным для хозяев. В Смирне к 688 г., эолийцы, приютив изгнанников из Колофона, сами были изгнаны теми (Hdt. I. 150; Mimn. fr. 12 Diehl).

В крупных полисах локальные особенности не раз провоцировали соперничавшие кланы сделать тот или иной район своей базой. Алкмеониды, после подавления Гиппием в 514 г. заговора Гармодия и Аристогитона, закрепились не в Паралии, где были владения рода, а в Педизе²³, укрепив там местечко Липсидрий, удобное для обороны (Hdt. V. 62). В Митилене некий Мнамон предоставил изгнанному тирану Мирсилу лодку или коня для возвращения туда (Alc. fr. 305 Lobel-Page)²⁴. Алкей укрывался от Мирсила в общелесбосском святилище Геры, Зевса и Диониса (fr. 129 L.-P.). Сапфо употребляет термин ("метек"), (fr. 148 L.-P.)²⁵. Поэт и поэтесса были изгнаны с Лесбоса, но Алкей винит в попрании норм гостеприимства не реальных лиц, а Елену (fr. 283 L.-P.).

Итак, проксения и ксения в эпоху архаики затрагивали не только мобильные группы населения (участники агонев, послы, купцы, паломники к оракулам), но и занесенных в чужую землю силой обстоятельств. Речь не идет о колонистах, менявших место жительства, но сохранявших язык, законы и обычаи метрополии. Это отдельная проблема, но география уз гостеприимства шире географии межполисных празднеств и миграционных потоков.

" Суриков И.Е. Указ. соч. С. 43, 128 (с библиографией).

²⁴ Борухович В.Г. Из истории социально-политической борьбы на Лесбосе (конец VII — начало VI в. до н.э.). Меланхр, Мирсил и Алкей//Проблемы отечественной и всеобщей истории. Вып. 5. Античный полис. Л., 1979. С. 38.

²⁵ Hodot R. Le Dialecte eolien d'Asie. La langue des inscriptions (VII s.a.C. — IV s.p.C). Paris, 1990. P. 143, no. 92.

И.Е.Суриков

ГОСТЕПРИИМСТВО КРЕЗЛ И АФИНИЯНЕ

Последний лидийский царь Крез стал популярным персонажем греческой нарративной традиции. Вошли в поговорку не только баснословные богатства этого малоазийского владыки. Не менее часты у античных авторов упоминания о филэллинстве Креза. Уже Геродот охотно рассказывает о щедрых дарах, которыми царь осыпал дельфийское святилище (I.50-54;92;VIII.35;122) и другие храмы Греции, о знаменитых греческих мудрецах - Бианте, Питтаке, Фалесе и других, — будто бы гостивших при его дворе (I.27;29;75)¹. В нашу задачу здесь не входит анализ достоверности всей этой информации. Во всяком случае, очевидно, что она отражает вполне определенную тенденцию в политике если не персонально Креза, то в целом лидийских Мермнадов.

Предметом данного доклада являются несколько интересных пассажей "отца истории", в которых имя Креза оказывается связанным с известными политическими деятелями архаических Афин. В первую очередь речь идет, конечно, о Солоне. Встреча Креза с афинским мудрецом и законодателем уже в древности стала хрестоматийной. Подробный рассказ о ней Геродота (I.29-33; ср.1.86) лег в основу всех более поздних сообщений. Так, Плутарх (Sol.27-28), хотя и вводящий некоторые новые детали, вряд ли имел в своем распоряжении какой-то независимый от Геродота источник. А такой, например, писатель, как Диоген Лаэртский (I.50-51), даже не считает нужным лишний раз пересказывать рассказ о Солоне и Крезе, указывая, что он известен каждому.

Думается, и нам здесь нет необходимости подробно излагать этот эпизод. Напомним, что Солон, радушно принятый Крезом, осмотрев его сокровищницы, затем прочел царю нравоучение о непрочности человеческого счастья. Свое видение счастливого (δλβιος) человека он подкрепил рядом конкретных примеров (афинянин Телл, аргивяне Клеобис и Битон). Самоуверенный Крез не внял увещаниям афинского мудреца, за что впоследствии жестоко поплатился.

Как правило, встреча Солона и Креза признается вымышленной, никогда не имевшей места в реальной действительности. И дело здесь не в том, что Солон не мог посетить Сарды. Нет, Лидия значительно ближе к Афинам, нежели Кипр или Египет, где Солон безусловно бывал, о чем свидетельствуют фрагменты его собственных элегий (Sol.fr.6-7 Diehl). Не играет роли и новеллистический, даже анекдоти-

ческий характер рассказа, несущего на себе отчетливые следы литературной обработки² (о том, кому принадлежит эта литературная обработка, речь пойдет чуть ниже). Подобного рода новеллистические мотивы часто встречаются у Геродота в повествовании о вполне достоверных событиях.

Главное препятствие, мешающее констатировать историчность встречи Солона и Креза, лежит в сфере хронологии. Хронологическое противоречие в рассказе Геродота было замечено уже в античности (Plut.Sol.27,1). Действительно, оно не может не броситься в глаза. Крез воцарился на лидийском престоле в 560 г. до н.э., а посещение Солонем Сард произошло в ходе его десятилетнего добровольного изгнания из Афин (593-583 гг. до н.э.), то есть на два-три десятилетия раньше³.

Казалось бы, вопрос решается предельно просто: следует признать, что Солон был гостем не Креза, а его отца - предыдущего лидийского царя Алиатта⁴. Судя по всему, так оно и было. Но остается существенная неясность: почему же у Геродота появляется в этом контексте именно Крез. Предположение, что историк попросту перепутал Алиатта с его более знаменитым сыном, вряд ли уместно. Геродоту прекрасно известна хронология правления последних лидийских царей. Собственно, все их датировки в современной исследовательской литературе зиждятся именно на его цифрах. Геродот знает даже время рождения Креза - 595 г. до н.э. (Herod.1.26). Кажется, совсем несложно было сопоставить даты и убедиться в невозможности визита Солона в Сарды в царствование Креза. Но "отец истории" не принимает в расчет совершенно очевидного противоречия.

Судя по всему, у Геродота были резоны связать Солона именно с Крезом. Не имел ли он в своем распоряжении какого-то очень авторитетного источника, в котором эти два имени стояли вместе? Только данные такого источника могли бы заставить историка презреть хронологические соображения. Остается только высказать гипотезу о том, что это был за источник и почему он был столь авторитетен для Геродота.

Невозможно согласиться с суждением Ж.Дефрада, согласно которому Солон геродотовского рассказа не соответствует облику исторического Солона⁵. Достаточно проанализировать сохранившиеся стихотворения Солона, со строк которых, следует полагать, строй мыслей

² Ср.: Pontenrose J. The Delphic Oracle. Berkeley, 1981. P.111; Fornara Ch.W., Samons L.J. Athens from Cleisthenes to Pericles. Berkeley, 1991. P.10.

³ Струве В.В. Хронология VI в. до н.э. в труде Геродота // ВДИ. 1952. №2. С.60-78. Ср. Молчанов А.А., Суриков И.Е. У истоков остракизма // Власть, человек, общество в античном мире. М.,1997. С.257.

⁴ Ср., напр.: Delcourt M. Pericles. P., 1939. P. 18.

⁵ Defradas J. Les themes de la propagande delphique. P., 1954. P.217-223.

¹ Филологический анализ геродотовского логоса о Крезе см.: Hellmann F. L'esposizione del logos di Creso // Aevum antiquum. 1996. V.9. P.14-48.

афинского мудреца встает перед нами в наиболее аутентичном виде. По многим позициям мы находим черты прямого сходства между этими стихотворениями и речью Солона перед Крезом. К числу таковых можно причислить: неуверенность в завтрашнем дне, невозможность предсказать грядущее (Sol.fr. 1,63-70 Diehl; ср. Herod.I.32,4-5;10); непрочность обладания богатством (Sol.fr.4,9-12 Diehl; ср. Herod.I.32,6); сравнение богача с человеком умеренного достатка в пользу последнего (Sol.fr. 14 Diehl; ср. Herod.I.32,6-7); невозможность называться счастливым при жизни (Sol.fr. 15 Diehl; ср. Herod.I.32,8); важность наличия детей для счастья (Sol.fr. 13 Diehl; ср. Herod.I.30,5;32,7); определение срока человеческой жизни в 70 лет (Sol.fr. 19,17-18; ср. Herod.I.32,2)⁶.

Конечно, есть в речи Солона у Геродота некоторые мысли, внесенные самим историком. Такова идея зависти богов (Herod.I.32,2), чуждая Солону, но очень характерная для самого Геродота⁷. Однако в целом Геродот достаточно точно передает взгляды афинского мудреца. В связи с вышесказанным кажется вполне обоснованной мысль, высказанная Л.Джеффри: Геродот мог, строя свой рассказ о Солоне и Крезе, основываться на каком-то не дошедшем до нас стихотворении Солона, обращенном к Крезу⁸. Это стихотворение могло называться, например, Про? Кройбон и заключать в себе те мысли, которые получили отражение в геродотовском логосе.

Именно так, на наш взгляд, следует решать проблему об авторитетном источнике Геродота. Этим источником, очевидно, был сам Солон, подвергший литературной обработке свои впечатления от визита в Сарды. Ясно, что, располагая сообщением самого Солона (куда уж авторитетнее!), Геродот просто не мог не предпочесть его каким бы то ни было хронологическим резонам.

Еще один штрих. Солон у Геродота (I.31) говорит о Клеобисе и Битоне, об их подвиге и смерти, об их статуях, посвященных аргивянами в Дельфы. Эти статуи (кстати, по счастливой случайности дошедшие до нас), созданные аргосским скульптором Полимедом, датируются первой четвертью VI в. до н.э.⁹, то есть именно временем активной деятельности Солона. Вне сомнения Солон, в политической деятельно-

6 Позже, когда Солону исполнилось 70 лет, он изменил свою точку зрения, передвинув предел жизни к 80 годам (Sol.fr.22 Diehl). См.: Доватур А.И. Феогнид и его время. Л., 1989. С. 118-124.

⁷ Отчленение собственно солоновских элементов от геродотовских в речи Солона перед Крезом проводится в работе: Chiasson Ch.C. The Herodotean Solon // GRBS. 1986. V.27. No.3. P.249-262.

⁸ Jeffery L.H. Archaic Greece: The City-States c.700-500 B.C. L.,1978. P.141-142.

⁹ Ibidem; Колпинский Ю.Д. Великое наследие античной Эллады и его значение для современности. 2 изд. М.,1988. С.70.

сти которого Дельфийский храм занимал важное место и который поддерживал с Дельфами тесные контакты, видел там эти статуи и слышал сложившуюся вокруг них храмовую легенду¹⁰. Эту легенду, помимо прочего, он и использовал в своей нравоучительной элегии. В противном случае, если предположить, что речь Солона была сочинена Геродотом или кем-то другим в более позднее время, оказывается непонятным точное совпадение времени установки статуй и упоминания их афинским законодателем.

Сложнее обстоит дело с другим примером, упомянутым в речи Солона у Геродота, — с афинянином Теллом. Плутарх (Popl.24) указывает, что Телл не упоминается в стихотворениях Солона (хотя неизвестно, существовал ли еще во времена Плутарха полный сборник стихотворений Солона). Высказывалось предположение, что рассказ о Телле у Геродота — отзвук надгробной речи (επιτάφιος λόγος?), и стилистика рассказа полностью соответствует такой интерпретации. Введение практики надгробных речей в Афинах оратор IV в. до н.э. Анаксимен (ар.Plut.Popl.9) связывает именно с Солоном, и большинство современных исследователей принимает эту датировку¹². Уж не произнес ли эту речь над могилой Телла сам Солон, положив таким образом начало обычаю? Воспоминание о содержании этого первого эпитафия, как о чем-то новом и необычном, вполне могло дожить до времен Геродота.

Хронологические расчеты не противоречат такому предположению. Время жизни Телла Геродот не сообщает, но говорит, что он погиб в битве с соседями (προς τοὺς ἀστυγέιτονας) при Элевсине. Вряд ли речь здесь идет о присоединении Элевсина к афинскому полису, совершившемся за век до Солона¹³. Под ἀστυγέιτονες почти несомненно подразумеваются мегаряне, которые вели крупную войну с Афинами как раз незадолго до солоновских реформ (и сам Солон, как известно, активно участвовал в войне).

Итак, Солон побывал в Лидии, несомненно, в правление Алиатта. Его визит в Сарды относится к заключительному этапу десятилетнего путешествия (Herod.I.30,1; Plut.Sol.26-27), т.е. ко второй половине 580-

¹⁰ Ср.: Daux G/ Athenes et Delphes // Athenian Studies Presented to W.S.Ferguson. Cambridge Mass., 1940. P.40-41; Parke H.W., Wormell D.E.W. The Delphic Oracle. Oxf.,1956. V.I. P.379.

¹¹ Stupperich R. Staatsbegräbnis und Privatgrabmal im klassischen Athen. Diss. Münster, 1977. S.201-205.

¹² Hammond N.G.L. Studies in Greek History. Oxf.,1973. P.356; Alexiou M. The Ritual Lament in Greek Tradition. L.,1974. P.23; Garland R. The Greek Way of Death. Ithaca, 1985. P.90.

¹³ Ср. Clinton K. The Eleusinian Mysteries and Panhellenism in Democratic Athens // The Archaeology of Athens and Attica under the Democracy. Oxf.,1994. P.161.

х гг. Крез в это время был наследником престола 14, подростком лет 10-12. Ему-то и посвятил Солон стихотворение, о котором здесь идет речь. Стихотворение это могло быть написано как в ходе поездки в Лидию, так и позже, после возвращения Солона в Афины. Оно-то и стало источником традиции о встрече Солона и Креза. Встреча эта, видимо, действительно имела место, но задолго до воцарения Креза.

Другим известным афинянином, согласно Геродоту (VI.125), воспользовавшимся гостеприимством Креза, был современник Солона Алкмеон - один из родоначальников рода Алкмеонидов, первый в Афинах олимпийский победитель в состязаниях колесниц-четверок (592 г. до н.э.)¹⁵. Рассказ Геродота о его встрече с Крезом тоже новеллистичен. Алкмеон, по словам историка, оказал важные услуги лидийским послам в Дельфах, за что был приглашен Крезом в Сарды и там в буквальном смысле слова осыпан золотом, причем при получении царских даров афинянин проявил редкостное корыстолюбие.

Современные исследователи справедливо сходятся на том, что Алкмеон, как и Солон, посетил Лидию в царствование Алиатта, а не Креза 16 (к моменту вступления последнего на престол Алкмеона уже не было в живых). Высказывались даже соображения о конкретной цели этой миссии Алкмеона, ставящие ее в контекст первой Священной войны, которую Афины вели в начале VI в. до н.э. за преобладание в Дельфах¹⁷. Казалось бы, и здесь о Крезе никакой речи быть не может. Однако попытаемся показать, что, как и в случае с Солоном, мы имеем дело не с банальной ошибкой Геродота. Историк имел основание связать имена Алкмеона и Креза.

На базе великолепного аттического кюроса позднеархаической эпохи имеется надпись:

Στήθι καὶ οἶκτιρον Κρούσου παρὰ σήμα θανόντος,
 'Ον ποτ' ἐνὶ προμάχοις ὤλεσε θούρος "Αρης.
 Встань и скорби у могилы павшего Креза - его же
 В битве, в передних рядах буйный Арес погубил.

Иными словами, перед нами надгробие афинянина по имени Крез. Кюрос датируется третьей четвертью VI в. до н.э.¹⁸ Крез, таким образом, должен был родиться около первой четверти того же столетия. Подобное экзотическое имя в Афинах с наибольшей вероятностью мог

¹⁴ Levy E. Notes sur la **Chronologie** athenienne au Vie siecle // Historia. 1978. Bd.27. Ht.4. S.513-521.

¹⁵ Moretti L. Olympionikai. R., 1957. P.68.

¹⁶ Roussel D. Tribu et cite. P., 1976. P.62-63.

¹⁷ Forrest W.G. The First Sacred War // BCH. 1956. V.80. №1. P.33-52; Ellis W.M. Alcibiades. L.-N.Y., 1989. P.1-5.

¹⁸ Eliot C.W.T. Where did the Alkmaionidai live? // Historia. 1967. Bd.16. Ht.3. S.279-286.

носить представитель рода Алкмеонидов, конкретно - один из сыновей того самого Алкмеона, что побывал в Сардах. Справедливо отмечалось, что появление в аттической ономастике чужих имен (в данном случае имя даже не **греческое**) происходило, как правило, через ксении-ческие связи аристократов, когда сыну давалось имя ксена или сына

¹⁹
ксена .

Ф.Буррио высказывал сомнения по поводу принадлежности афинянина Креза к роду Алкмеонидов²⁰. По его мнению, Крез мог быть членом и какой-нибудь другой афинской семьи, имевшей связи с лидийскими царями, например, Филаидом (см. ниже) или потомком Солона. Однако эти возражения недостаточно основательны. У Солона, судя по всему, вообще не было потомства²¹. А представитель рода Филаидов был бы погребен в усыпальнице этого рода, в деме Кела (Herod.VI. 103,4; Plut.Cim.19). Надгробие же Креза происходит из дема Анафлист (в Паралии). По мнению большинства ученых, именно в Анафлисте находилась родовая усыпальница Алкмеонидов. Во всяком случае, в районе этого дема найдено надгробие еще одного представителя этого рода²².

Кроме того, достаточно хорошо известно, что именно Алкмеониды в VI в. до н.э. поддерживали тесные связи с Лидией, что стало одним из основных источников их богатств²³. Итак, нет серьезных оснований сомневаться в том, что Алкмеон после визита к Алиатту дал одному из своих детей имя сына заморского друга и благодетеля. Отсюда, на наш взгляд, объясняется и накладка Геродота. Очевидно, известное историк-у имя Креза - сына Алкмеона - побудило его связать последнего в Сарды с царствованием лидийского Креза, а не его отца, что было бы вернее.

Можно даже попытаться реконструировать исторический контекст поездок Солона и Алкмеона в Лидию. Первым из них в Сарды отправился Алкмеон. Это произошло вскоре после утверждения проафинской группировки в Дельфах в начале первой Священной войны, но до олимпийской победы Алкмеона. По нашим расчетам, лидийская поезд-

¹⁹ Herman G. Patterns of Name Diffusion within the Greek World and Beyond // CQ. 1990. V.40. No.2. P.349-363.

²⁰ Bourriot F. Recherches sur la nature du genos. Lille, 1976. P.811-831.

²¹ Davies J.K. Athenian Propertied Families, 600-300 B.C. Oxf., 1971. P.323-324.

²² Bicknell P.J. Peisianax of IG.I².1022 // Mnemosyne. 1971. V.24. №4. P.392-395.

²³ Davies J.K. Op.cit. P.384; Курбатов А.А. Роль аристократии в экономическом развитии греческого полиса VIII-VI вв. до н.э. // Античная гражданская община. М., 1986. С.29.

ка Алкмеона приходится на 593 г. до н.э. Очевидно, именно его, мягко говоря, не вполне выдержанное поведение при виде сардских богатств и внушило лидийскому царю мысль о врожденном корыстолюбии всех афинян. Поэтому не случайно, что, когда лет десять спустя в Сарды явился Солон, Алиатт ("Крез") первым делом повел его именно в свои сокровищницы, видимо, ожидая аналогичной реакции (в чем, впрочем, царь на сей раз обманулся).

Не исключено, что посредующим звеном между Солоном и лидийским царем выступил именно Алкмеон. Как известно, Алкмеониды в период реформ Солона в Афинах были близки к нему, составляли его "группу поддержки"²⁵. В этой ситуации Алкмеон в ходе своего визита в Сарды вполне мог рекомендовать Алиатту Солона как главного афинского "мудреца".

Наконец, Геродот (VI.37) сообщает о связях Креза еще с одним знатным афинянином - Мильтиадом Старшим из рода Филаидов, дядей Мильтиада, марафонского победителя. Когда Мильтиада, бывшего тираном Херсонеса Фракийского, захватили в плен жители Лампсака, Крез потребовал освободить его, угрожая уничтожить их полис. Лампсакийцам пришлось подчиниться. По этому поводу Геродот указывает, что Мильтиад пользовался симпатией (ἐν γυνότι ὑγεύονός) Креза.

По вопросу о том, каким образом могло сложиться знакомство Мильтиада и Креза, нет совершенно никаких данных, а высказывать здесь не основанные на фактах догадки вряд ли целесообразно. Во всяком случае, ничего удивительного в таком знакомстве нет: владения Мильтиада располагались достаточно близко к греческим городам малоазийского побережья, подчиненным Крезом (Herod.I.6,2;27,1). Необходимо подчеркнуть, что, в отличие от рассмотренных выше пассажей, в случае с Мильтиадом речь идет именно о Крезе, а не об Алиатте: Мильтиад перебрался из Афин на Херсонес вскоре после установления тирании Писистрата (560 г. до н.э.), а именно в этом году в Лидии воцарился Крез.

В заключение нам предстоит попытаться ответить на вопрос: как могли быть оформлены связи афинских аристократов с лидийским царским домом? Нам представляется, что речь должна идти о ксенических отношениях между ними. Строго говоря, неизвестно, как сам Алиатт или Крез рассматривали статус своих гостей из Эллады. Но в пользу того, что эти гости воспринимали свои отношения с Крезом как ксению, можно привести некоторые доводы.

²⁴ Суриков И.Е. Килонова скверна в истории Афин VII-V вв. до н.э. Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1994. С П.

²⁵ Jacoby F. *Atthis*. Oxf., 1949. P.39 ff.; Hignett C. *A History of the Athenian Constitution to the End of the Fifth Century B.C.* Oxf., 1952. P.105 ff.; French A. *Solon's Act of Mediation* // *Antichthon*. 1984. V.18. P.1-12.

Мы уже указывали, что Алкмеон назвал одного из сыновей в честь Креза, а это практиковалось именно при ксенических контактах. Далее, в рассказе Геродота Крез несколько раз называет Солона ксеном (Herod.I.30,3;32,1). Конечно, это слово вовсе не обязательно должно быть здесь употреблено в узком, "техническом" смысле и может обозначать просто чужеземца, равно как и глагол ξεινῖζω (Herod.I.30,2) применительно к Солону и Крезу не обязательно означает "заключать союз гостеприимства". Но в одном из приписываемых Солону писем (ap.Diog.Laert.L67) последний прямо выражает желание стать ξένος Креза. Здесь слово уже явно употреблено в интересующем нас смысле. Конечно, письмо не принадлежит Солону и было, вероятно, составлено в какой-нибудь риторической школе. Но составитель, скорее всего, опирался на известный ему, но не дошедший до нас фактический материал.

Мог ли афинский аристократ состоять в ксенических отношениях с "варварским" царем? В этом нет оснований сомневаться. Еще в конце V в. до н.э. Алкивиад имел в числе своих многочисленных ксенов фракийских царей Севта и Медока (Diod.XIII.105,3-4), а его согражданин Пириламп, похоже, имел ксению с самим персидским царем²⁶! А до греко-персидских войн, во времена Солона и Креза препятствий к таким союзам с "варварами" должно было быть значительно меньше. Тем более это относится к филэллинской династии лидийских Мермнадов, во многих отношениях ориентированной на греческие обычаи. Известно, например, что дельфийцы предоставили "Крезу и лидийцам" промантию, ателию, проэдрию и право получать дельфийское гражданство (Herod.I.54,2; Syll.³ 7)²⁷.

Итак, геродотовский логос о Крезе содержит интересную и вполне достоверную информацию о ранних ксенических контактах представителей афинских аристократических родов архаической эпохи за пределами греческого мира. Эти сведения опираются в ряде случаев на исключительно авторитетные источники (такие, например, как поэзия Солона) и заслуживают самого внимательного к себе отношения. Не можем не подчеркнуть, кроме того, что рассмотренные в докладе данные - еще одно свидетельство в пользу добросовестности и объективности труда Геродота, свидетельство, вносящее лепту в научную "реабилитацию" великого историка.

²⁶ О Пирилампе и его персидских связях см.: Бивар А.Д.Х. Платон и митраизм // ВДИ. 1998. №2. С.4-5.

²⁷ Доватур А.И. Повествовательный и научный стиль Геродота. Л., 1957. С.28; Глускина Л.М. Дельфийский полис в IV в. до н.э. // *Античная Греция*. Т.2. М.Д983.С.47

Маринович Л. П., Кошеленко Г. А.

КУДА И ЗАЧЕМ ПЛАВАЛ ДЕМЕЯ?*

Е. С. Голубцова, памяти которой посвящен данный выпуск трудов Ассоциации антиковедов России, была ученым с широким кругом интересов. Хотя основное внимание она уделяла истории народов Переднего Востока, особенно Малой Азии, ей принадлежит значительное число трудов, в которых глубоко исследовались и иные регионы античного мира. К их числу относится и книга о взаимоотношениях Рима со странами Северного Причерноморья, вышедшая в начале 50-ых годов. Прошло уже почти полстолетия со дня публикации этой работы, но она не потеряла своего научного значения и по-прежнему вызывает интерес специалистов, продолжающих спорить по поводу высказанных в ней идей.

Мы решились посвятить памяти Е. С. Голубцовой статью, в которой рассматривается (хотя и в несравнимо меньших масштабах) та же проблема, которая волновала Е. С. Голубцову в ее первой монографии, — проблема взаимоотношений Средиземноморского мира и Северного Причерноморья.

В. Д. Блаватский² в свое время обращал внимание на то обстоятельство, что современные исследователи истории античного Северного Причерноморья обычно используют только те сведения греческих и римских авторов, которые содержатся в известной хрестоматии, составленной В. В. Латышевым³. Свидетельства, в силу тех или иных причин не попавшие в нее, как правило, оставляются без внимания. Конечно, таких текстов очень немного, однако они имеются.

Кроме сведений, впрочем, весьма малозначащих, которые были случайно пропущены при создании сборника В. В. Латышевым и его сотрудниками, есть также некоторое количество и таких свидетельств, которые просто не могли быть учтены составителями, поскольку тогда их не было. К числу их относятся, в первую очередь, упоминания о Северном Причерноморье в комедиях Менандра.

*** Данная работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 96-01-00158.**

¹ Голубцова Е. С. Северное Причерноморье на рубеже нашей эры. М., 1951.

² Блаватский В. Д. ΒΟΡΥΘΕΝΙΣ // ВДИ, 1968, № 4.

³ Scythica et Caucasia. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Собрал и издал с русским переводом В. В. Латышев. Т. I. Греческие писатели. СПб., 1893-1900; Т. II. Латинские писатели. СПб., 1904. В дальнейшем сноски на данный сборник — SC с указанием тома и страницы.

Как известно, в то время, когда В. В. Латышев создавал свой сборник, о Менандре знали весьма мало. Представление о творчестве самого выдающегося автора новой комедии ученые получали на основании произведений римских комедиографов, переделывавших пьесы Менандра (как и других авторов новой комедии), и ряда цитат из его произведений, сохранных традицией.

По иронии судьбы уже на следующий год после выхода в свет последнего из выпусков труда В. В. Латышева было сделано важнейшее открытие, позволившее изучать подлинного Менандра. Г. Лефевр при раскопках дома нотариуса в античном Афродитополе (Египет) нашел кодекс, датируемый V в. н. э., после расшифровки которого удалось опубликовать крупные отрывки из комедий "Третьей суд", "Самиянка", "Остриженная", начальные страницы текста "Героя". Следующий шаг был сделан в середине 50-ых годов, когда М. Бодмэр на базаре в Александрии приобрел еще один позднеантичный кодекс, который содержал комедии "Брюзга" (целиком), "Самиянка" (текст сохранился на четыре пятых), "Щит" (несколько меньше половины). В 1968 г. были опубликованы фрагменты нескольких комедий, найденные в Оксирихе⁵. Таким образом, в настоящее время создалась принципиально новая картина в изучении творчества Менандра.

Вместе с тем, надо признать, что информация, содержащаяся в текстах Менандра, еще очень мало используется исследователями экономической и социальной истории Греции его времени, то есть самого начала эллинистической эпохи⁷. Нам известны только две работы,

⁴ См., например: "Для общей характеристики "новой комедии" римские пьесы все же продолжают оставаться основным источником" (Тройский И. М. История античной литературы. Л., 1951, с. 216).

⁵ Из новых изданий текстов Менандра см., в частности, Menandri Reliquiae Selectae. Ed. Sandbach F. H. Oxf., 1972, а также издания отдельных комедий. Для нас особенно важны: Menandre. Texte établi et traduit par J.-M. Jacques. Tome I, 1. La Samienne. 2. 6d. revue et corrige. P., 1989; Menandro. Samia. Ed. critica e interpretazione di Fr. Sisti. Roma, 1974.

⁶ Gomme A. W., Sandbach F. H. Menander. A Commentary. Oxf., 1973, p. 39-57; Ярхо В. Н. Менандр — поэт, рожденный заново // Менандр. Комедии. Фрагменты. Издание подготовил В. Н. Ярхо. М., 1982, с. 380-435; Arno W. G. Introduction // Menander. Vol. I. Edited and Translated by W. G. Arnott. Cambr. (Mass.) — L., 1997, p. XXVI-XXX.

⁷ Периода с 321 г. до н. э. (год первой постановки пьесы Менандра) до 291 г. до н. э. (год смерти поэта). См. Arnott W. G. Introduction ... p. XIII-XIV; Gomme A. W., Sandbach F. H. Menander... p. 1-4; Ярхо В. Н. Менандр — поэт... С. 384-388.

специально посвященные этой проблематике⁸, чем Менандр разительно отличается, например, от Аристофана, который неоднократно изучался под этим углом зрения⁹. Но и эти две работы имеют достаточно ограниченное значение. В книге Л. Кассона рассматривается, в сущности, только один вопрос — величина приданного, которое упоминается в пьесах, и на этом основании он приходит к выводу, что основные герои новой комедии принадлежат к "высшим классам" афинского общества. В статье же К. Моссе дается только постановка проблемы и намечаются те темы, которые должны быть исследованы детально. Таким образом, Менандр сейчас практически все еще целиком находится в распоряжении филологов-классиков.

Однако этот автор обладает особой ценностью для решения именно вопросов социальной и экономической истории в силу того, что в его комедиях присутствует достаточно мощная реалистическая струя. Суть отношения всех античных знатоков творчества комедиографа к проблеме реализма Менандра выражена в словах, написанных в свое время грамматиком Аристофаном Византийским: "Менандр и жизнь! Кто из вас кому подражал?"¹⁰. Не менее высоко в этом аспекте оценивал Менандра и Марк Манилий¹¹. Квинтилиан особое внимание обращал на "живые картины жизни" в комедиях Менандра и соответствие происходящего в его пьесах "со всеми предметами, действующими лицами, чувствами", сравнивая же Менандра с другими авторами комедий, Квинтилиан говорит, что "светом своей истинности он погрузил их в темноту"¹².

Очевидно, что для древних реалистичность картин, рисуемых комедиографом, не подлежала сомнению. Ученые нового времени, особен-

⁸ Casson L. *Ancient Trade and Society*. Detroit, 1984, p. 35-69 (глава "The Athenian Upper Class and New Comedy"); Mosse C. I. *La societe athenienne a la fin du IVe siecle. Le temoignage du theatre de Menandre* // *Melanges Pierre Leveque*. 3. *Anthropologie et societe*. P., 1989, p. 255-267.

⁹ См., например, Ehrenberg V. *The People of Aristophanes: A Sociology of Old Attic Comedy*. Cambr., 1951; Vickers M. *Pericles on Stage: Political Comedy in Aristophanes' Early Plays*. Dallas, 1997.

¹⁰ Menander, *Reliquiae*. Edidit A. Koerte. Pars II. Lipsiae, 1959. Testimonia 32. Все свидетельства "Тестимоний" далее приводятся по данному изданию с указанием номера.

¹¹ Testimonia 36 = Manil., *Astron.*, V, 471 sqq.: "Если же дар их более легок, они создают комедии о пылких влюбленных, похищенных любимых, одуряченных старцах и ловких рабах — таким образом обрел вечную жизнь Менандр, превзойдя красноречием свой город, посвятив свое перо жизни и открыв ей жизнь" (Марк Манилий. *Астрономика*. Наука о гороскопах. Перевод, вступительная статья и комментарий Е. М. Штаерман. М., 1993).

¹² Testimonia 38 = Quintil., *Inst. or.*, X, 1, 69.

но после того как произведения Менандра стали известны не только по их переделкам римскими авторами, но и по подлинным текстам, решают проблему реализма Менандра более нюансировано¹³. Для них не подлежит сомнению глубокая реалистичность основных типов, выводимых в комедиях Менандра. Герои Менандра не сводимы к условным маскам античной комедии, они шире и глубже этих масок, приближаясь к реальным типам жителей Афин. Согласно современным авторам и с тем, что Менандром точно описываются реалии афинской жизни. Но видеть в Менандре только реалиста они не считают справедливым, поскольку сама специфика жанра комедии требует определенной гиперболизации некоторых сторон жизни. Если принять исходные послышки менандровских комедий, то получится, что в каждом втором афинском доме девушка-невеста подвергалась насилию, рождала внебрачного ребенка и подкидывала его, чтобы со временем — через год или через восемнадцать лет — узнать в своем собственном муже бывшего насильника, хотя и такие факты случались. Раб, постоянно сыплющий сентенциями из классических трагедий, появляется на сцене только для того, чтобы рассмешить зрителя, хотя, несомненно, и такие рабы имелись среди тысяч подневольных жителей Аттики. Подобные детали явно не входят в основное реалистическое содержание комедий. Наконец, то, как легко ко всеобщей радости разрешаются конфликты в его комедиях, вряд ли можно считать чертой подчеркнута реалистической. Итак, исходя из современного понимания творчества Менандра, следует со значительной долей уверенности считать, что в его произведениях к реалистической составляющей творчества относятся, в первую очередь, основные типы героев, которые не сводятся к театральным маскам, а обладают своими собственными характерными чертами, окружающая обстановка, включая массу деталей, в определенной степени мотивация действий героев¹⁴.

Имея в виду эти особенности творчества великого афинского комедиографа, попытаемся рассмотреть некоторые вопросы, связанные с содержащейся в одной из его комедий информацией о Северном Причерноморье — мы имеем в виду "Самиянку"¹⁵. Не пересказывая ее

¹³ До того как основная часть новонайденных текстов Менандра была опубликована, многие исследователи весьма невысоко оценивали Менандра, особенно с точки зрения отражения у него правды жизни. См., например, Tarn W. *Hellenistic Civilisation*, 3rd ed. revis. by G. T. Griffith. L., 1952, p. 273.

¹⁴ См. Ярхо В. Н. Менандр — поэт...с. 428 сл., 434; Arnott W. G. *Introduction ... p. XXX-XXXI, XXXV-XXXVI*; Webster T. B. L. *An Introduction to Menander*. N. Y., 1974, p. 25-55.

¹⁵ Подробнее: Ярхо В. Н. "Самиянка" Менандра или Еврипид наизнанку // ВДИ, 1977, № 3, с. 35-52. См. также Edmonds J. M. *The Samia of Menander. The Augmented Text with Notes and Verse Translation*. Cambr., 1962; Blume H.-D.

содержание, отметим только, что практически в самом начале нам показана сцена, в которой два из основных героев возвращаются в Афины из Понта: Демей — приемный отец главного героя Мосхиона, и Никерат — сосед Демей и отец Планго, будущей жены Мосхиона. К сожалению, в длинном монологе Мосхиона, своего рода введении к пьесе, объясняющем зрителям ситуацию к моменту начала действия, имеются некоторые лакуны. Видимо, в одной из этих лакун содержалось и объяснение мотивов их путешествия, и причины, заставившие их задержаться там столь длительное — несколько больше года — время. В связи с этим необходимо сказать, что длительное отсутствие обоих героев является основным условием самой интриги, так как за это время две героини успели родить по ребенку: гетера Хрисиды — сожительницы Демей и Планго, дочь Никерата, возвращенная Мосхионом, причем совершенно ясно, что соращение имело место после отъезда Демей и Никерата: если бы оно произошло ранее, то не было бы и интриги пьесы. Отправились же они в путешествие незадолго до дня празднования Адоний — именно во время этого праздника и произошло "падение" Планго, благо, для этого были соответствующие условия. Мосхион красочно описывает праздник:

....в доме их застал,

Собравшихся, чтоб праздновать Адоний

С другими женщинами. И, как водится,

Пошла игра — а я, увы, был зрителем!

Я глаз не мог сомкнуть — шумели, топали,

Цветочные горшки на крышу вынесли,

Всю ночь плясали всласть, гуляли — празднуя,

На все четыре стороны рассыпались (40-46).

Судя по имеющимся данным, время, примерно отвечающее празднованию Адоний, считалось наиболее подходящим для начала больших плаваний¹⁶. Во всяком случае афинский флот отправлялся в злополучную экспедицию в Сицилию в середине лета 415 г. до н. э.¹⁷ — сразу после этого праздника¹⁸. Следовательно, вероятнее всего, Демей

Meanders "Samia". Eine Interpretation. Darmstadt, 1974; Dedoussi V. Ch. The Samia // Menandre (Fondation Hardt. Entretiens. T. XVI). Sept expositions, suivies de discussions par E. W. Handley, W. Ludwig e. a., prepares et presides par E.G. Turner. Vand-oeuvres-Geneve, 26-31 août 1969. Geneve, 1970, p. 157-170.

¹⁶ Обычное время начала навигации — конец апреля — май, когда стихали весенние штормы. Отправление афинской эскадры летом определялось желательностью прибыть в Сицилию тогда, когда созрел урожай зерновых, что должно было обеспечить армию продовольствием.

¹⁷ См. McGregor M. F. The Athenians and Their Empire. Vancouver, 1987, p. 157.

и Никерат отправились в путь в середине лета 19, а возвратились на будущий год в начале осени.

Итак, уже в начале анализа мы можем сделать вывод, что для афинского зрителя длительное путешествие их согражданина в Понт — на срок примерно в год — не казалось чем-то неестественным.

Следующий вопрос — куда именно плавали Демей и Никерат? Дело в том, что переводчики и комментаторы обычно пишут несколько неопределенно о Причерноморье как цели путешествия героев 20. Нам представляется, что Менандр имел в виду более конкретное место. Обратимся к самому тексту комедии. Герои, радуясь своему возвращению в родной город, сравнивают места, где они побывали, с Афинами 21:

готово к отплытию, если бы не дурные знамения: как раз на те дни пришелся праздник Адониса, когда женщины повсюду выставляют изображения, напоминающие трупы покойных, и, подражая похоронным обрядам, бьют себя в грудь и поют погребальные песни". В общем, сходная картина представлена у Аристофана (Aristoph., Lysistr., 389-396). В "Лисистрате" пробул так описывает Адоний: "Знать, буйство женщин жарко разгорелось! / Тимпанов звон, Сабазиевы крики / И но Адонису на кровле плачь / Бывали часто слышны из собрания. / Когда велел напрасно Демострат / В Сицилию отплыть, кричали жены: / "Ай, ай, Адонис!" После Демострат / Велел набрать гоплитов на Закинфе, А те вопили с крыши, окаян: "Адониса оплачем!"

¹⁹ Согласно договору, приведенному в речи XXXV "Корпуса речей Демосфена", при плавании из Афин (с заходом в Менду или Скиону) в Понт время через десять дней после "восхода созвездия Пса" (то есть после 5 августа) считалось уже не подходящим для завершения путешествия и можно было продавать товары, не заходя в Черное море (Demosth., XXXV, 10-13; комментарий см. Маринович Л. П., Морская торговля Афин (по данным "Корпуса речей Демосфена") // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. VI, Москва — Магнитогорск. 1998, с. 10-11). Таким образом, начало плавания в Понт приходилось на середину лета.

²⁰ См., например, Ярхо В. II. Примечания // Менандр, Комедии. Фрагменты... с. 414; он же, "Самиянка"... с. 37; Gomme A. W., Sandbach F. H. Menander... p. 417. Здесь же содержится довольно длинное рассуждение о том, что подразумевал Менандр под этим Понтом. При всех оговорках авторы склоняются к предположению о южном берегу Черного моря, однако их аргументация кажется довольно поверхностной. Не приводя всех аргументов, укажем только на две явные ошибки. Во-первых, попытка связать Понт и Византию (в стихах 98-100) совершенно не удачна: здесь эти два места противопоставляются, и каждое обладает собственной характеристикой. Во-вторых, среди населенных пунктов, расположенных на южном берегу Черного моря, почему-то оказывается Нимфей (ссылка на Aeschin. III, 171 — Νῆμφοιον το ἐν τῷ Πόντῳ), хотя имеется в виду город, расположенный в Керченском проливе.

²¹ Перевод А. Парина // Менандр, Комедии, фрагменты ... с. 61 сл.

Дедея:

Как перемену места не почувствовать?

Как здесь прекрасно, как невыносимо там! (96-97).

Далее Дедея продолжает восхищаться родным городом:

...Афины славные!

Пусть выпадет вам то, чего достойны вы,

Чтоб быть во всем нам самыми счастливыми,

Нам, любящим наш город... (101-104).

Афинам противопоставляется место, откуда прибыли герои.

Никерат:

Да, Понт — сплошная рыба, старцы толстые,

В делах — безрадостность (98-99)²².

К этой характеристике добавляется чуть ниже еще одна подробность.

Никерат:

Что удивляло там меня особенно,

Так то, Дедея, что случалось солнца нам

В иные дни не видеть вовсе в небесах.

Виной — не пелена ль густого воздуха? (106-109).

Отвечая на вопрос, Дедея усугубляет отрицательную характеристику Понта:

Нет! Не на что смотреть там солнцу ясному —

22 Πόντος" παχέϊς, γέροντες, ἰχθὺς ἀφθονοί, / ἀπὸ δὲ τίς πρᾶγματ' ὄντων. Заметим, что в переводе данного места Ж.-М. Жак (Le Pont: vieux richards, poissons a foison, desagrement total) перевод παχέϊς как richards никак, в сущности, не обосновывается. Единственное доказательство — возможность употребления этого слова в подобном значении в некоторых местах комедий Аристофана, однако здесь же Ж.-М. Жак (р. LIV) вынуждена привести ссылку на противное мнение (Taillardat J. Les images d'Aristophane. 2^e fid. P., 1965, параграф 543). Обычное значение слова παχύς (согласно словарю L-S-J) — thick, massive. Отметим, что буквально через 10 строк в тексте комедии появляется выражение αἴρ παχύς, ясно показывающее, в каком смысле употреблял это слово Менандр. Э. В. Гомм и Ф. Сэндбах также "споткнулись" об это слово. Они приводят обычное значение его, никак не комментируя, ссылаются на перевод Ж.-М. Жака и дают третье значение (с большим, кажется, сомнением) — dense, stupid. Но примеры, которые они используют для подтверждения существования подобного значения, не убеждают, поскольку все могут быть поняты в прямом смысле. С нашей точки зрения, проблема с переводом слова παχέϊς возникла из-за того, что исследователи не могли понять, почему для характеристики Понта избран такой именно образ. Объяснение, которое мы предлагаем (см. ниже), дает, как кажется, достаточно логичное обоснование этого словоупотребления, не требуя никакого насилия над словарем.

Оно им светит по необходимости (110-111).

И позднее Никерат еще раз возвращается к сюжету о Понте. Узнав, что Дедея выгнал из дома Хрисиду, он полагает, что тот сошел с ума, и объясняет это его пребыванием в Понте:

Гнилое место Понт, вредит здоровью (ὁ Πόντος* οὐχ ὑγιαίνον ἐστὶ χῶρον) (417).

Как видим, для идентификации места, откуда прибыли Дедея и Никерат, имеется определенная информация — они прибыли из Понта, который характеризуется следующими чертами: 1) там сплошная рыба; 2) наличие старцев толстых, как отличительная особенность места; 3) в иные дни там солнца не видно в небесах, и для объяснения этого явления предлагаются два объяснения, одно из которых, так сказать, естественно-научное (пелена густого воздуха), а другое — этическое: солнцу там не на что смотреть, и оно светит жителям этой страны только по необходимости; 4) нездоровый климат; 5) в делах — безрадостность. При этом можно полагать, что первые четыре характерные черты — постоянные особенности места, а пятая — временная, ибо иначе не понятно, зачем туда отправлялись герои.

Прежде всего, обращает на себя внимание сам термин "Понт". Хотя, как мы только что отметили, очень часто современные исследователи толковали его в расширительном смысле, как обозначение мест вокруг Черного моря, подобное понимание не кажется точным. Для эпохи классики и раннего эллинизма Понт (в смысле территории, а не моря) означает Боспорское царство, точнее — государство, которым управляли Спартокиды²³.

Но это — не единственная информация, полезная для идентификации места. Первый из его признаков — указание на обилие рыбы. Об особом богатстве Боспора Киммерийского рыбой говорят многие древние авторы. Афиней в нескольких местах сообщает о различных видах понтийской рыбы, включая ту, которой восхищался знаменитый гастроном Архестрат и стоимость которой вызывала негодование моралистов (Athen., VI, 275a; 284e; 295c; 301e; 312a; 319a; 326f). О вывозе соленой рыбы из Меотиды свидетельствует Страбон (Strab., VII, 4, 6; XI, 2, 4), он же упоминает о ловле пеламид, размножающихся в Азовском море и уходящих затем в Черное (Strab., VII, 6, 2), а также

23 См. подробнее Завойкин А. А. "Βόσπορος Κιμμέριος" — "Βόσπορος" — Diod., XII, 31, 1 (Опыт источниковедческого анализа) // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. I. Магнитогорск, 1994. Автором показано, что первоначальное название страны, которой управляли Спартокиды, было Понт. В дополнение к его аргументации сошлемся еще на несколько свидетельств древних: Athen., VI, 257c; Polyae., VII, 37; схолии к Демосфену (SC. T. I, p. 369). См. также Молев Е. А. Термин "Боспор" у Диодора // Античный мир. Византия. К 70-летию профессора В. И. Кадеева. Харьков, 1997, с. 141-146.

пишет об очень крупных осетрах в Керченском проливе, почти равных по размерам дельфинам (Strab., VII, 3, 18)²⁴. Многочисленные остеологические²⁵, археологические²⁶ и иные источники²⁷ свидетельствуют об очень большой роли рыболовства в экономике Боспора. Следовательно, обилие рыбы в известной мере (хотя и не безусловно) подтверждает тезис о том, что Демей и Никерат находились на Боспоре.

Далее, весьма любопытное и несколько неожиданное упоминание о "толстых старцах" как характерной черты той страны, из которой прибыли герои. Для ее объяснения необходимо обратиться к произведению Гиппократ "О воздухах, водах и местностях", где указывается, что народы, живущие в различных природных условиях, обладают различной физической конституцией. Автор описывает разные народы Европы и Азии и, в частности, таким образом определяет воздействие природных условий северного берега Черного моря на скифов: "В силу этого по внешнему виду скифы толсты, мясисты, нерасчленены, влажны и слабы" (δια ταύτας τὰς ἀνάγκας τὰ δβεια αὐτῶν παχέα ἐστί καὶ σαρκώδεα καὶ ἀναρθρα καὶ ὑγρά καὶ ἄτονα) (De aere, aquis, locis, 26)²⁸. Подчеркнем, что ни к одному из народов, физическая конституция которых описана в данном произведении, подобная характеристика не применяется, и только жителей районов возле Фависа Гиппократ

²⁴ О рыбах Меотиды см. также Ксенократ (SC. Т. I, р. 508) и Орибасий (SC. Т. I, р. 701), о рыбах Понта — Оппиан (SC. Т. I, р. 581).

²⁵ Лебедев В. Д., Лапин Ю. Е. К вопросу о рыболовстве в Боспорском царстве // Материалы и исследования по археологии Северного Причерноморья. II (МИА № 33). М., 1954, с. 197-214.

²⁶ Блаватский В. Д. Античная археология Северного Причерноморья. М., 1961, с. 43-45; Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство. М. — Л., 1949, с. 109-111; Куликов А. В. Материалы к изучению древних морских промыслов. Функциональная типология рыболовных грузил // Древности Боспора. Т. 1. М., 1998, с. 186-201; Крутикова И. Т. Сельское хозяйство и промыслы // Античные государства Северного Причерноморья. М., 1984, с. 159-161;

²⁷ Куликов А. В. Материалы к изучению древних морских промыслов. Определяющее воздействие природного окружения на народы в это время было одной из важных проблем, активно обсуждаемых наукой. Аристотель подчеркивал влияние естественной среды на формирование морального и умственного облика народов.

²⁸ Гиппократ, Избранные книги. Перевод с греческого В. И. Руднева, редакция, вступительная статья и примечания В. П. Карпова. М., 1994, с. 298-299. Ср. перевод В. В. Латышева: "Вследствие этих причин скифы отличаются толстым, мясистым и немускулистым телом" (SC. Т. I, стр. 61). В связи с тем, что говорилось выше о слове παχέϊ, укажем, что у Гиппократ при характеристике скифов употреблено слово παχέα. Напомним, что и воздух в данном тексте характеризуется тем же словом, что и в упомянутом выше месте комедии Менандра, где о нем говорится παχύν.

определяет похожим образом²⁹. Естественным в связи с этими указаниями источников на особенности телесной конституции скифов будет вопрос — почему они могут быть связаны с Боспором Киммерийским? Для многих греков того времени Боспорское царство (или Понт), несмотря на наличие здесь греческих городов, был частью скифского мира. Не развивая подробно эту тему, приведем только несколько примеров. Скилак, описывая Крымский полуостров, сообщает: "затем опять живут скифы, на (земле которых) следующие эллинские города: Феодосия, Китэя и Нимфэя, Пантикапей, Мирмекий"³⁰. Страбон, со ссылкой на Хрисиппа, помещает боспорских царей, в частности Левкона, в своеобразный контекст, трактующий нравы скифов (Strab., VII, 3, 8). Эсхин обвиняет Демосфена в том, что его мать — скифянка, она была дочерью Гилона, женившегося на знатной и богатой уроженке Боспора. В конце пассажа он называет самого Демосфена скифом-варваром, говорящим по-гречески (Aeschin., III, 171). Таково мнение и древнего биографа Демосфена Зосимы Аскалонского (SC. Т. I, р. 369). Автор другого жизнеописания афинского оратора прямо пишет, что Гилон, бежав из Афин, прибыл в Скифию, уравнивая тем самым Боспорское царство и Скифию (SC. Т. I, р. 369)³¹. Между тем, мать Демосфена имела греческое имя Клеобула и, в общем, нет никаких сомнений в том, что она была гречанкой, дочерью одного из греков, живших на Боспоре.

Не менее важным идентифицирующим признаком является и указание на отсутствие солнца — идея, восходящая к весьма древним представлениям. В "Одиссее" Гомера есть одно место, которое позднее многократно комментировалось: "Закатилось солнце и покрылись тьмою все пути, а судно наше достигло пределов глубокого Океана. Там народ и город людей киммерийских, окутанные мглой и тучами; и никогда сияющее солнце не заглядывает к ним своими лучами, — ни тогда, когда восходит на звездное небо, ни тогда, когда с неба склоняется назад к земле, но непроглядная ночь распростерта над жалкими смертными" (Od., XI, 12-19)³². Описание Гомера вызывало очень

на народы в это время было одной из важных проблем, активно обсуждаемых наукой. Аристотель подчеркивал влияние естественной среды на формирование морального и умственного облика народов.

³⁰ Перевод В. В. Латышева — SC. Т. I, р. 84: Μετα δὲ ταῦτα ἐλαί Σαῦθα πάλιν, πόλει? δὲ Ἑλληνίδες αἰδὲ ἐν αὐτῇ θεωδοσία. Κότσια, καὶ Νυμφαία, Πα>ντάταιον, Μυρμήκαον.

³¹ Плутарх не знал, можно ли верить обвинению Эсхина (Plut., Demosth., 4).

³² Перевод В. В. Латышева. Ср. перевод В. А. Жуковского: "Солнце тем временем село, и все потемнели дороги. / Скоро пришли мы к глубокотекущим водам Океана; / Там киммериян печальная область, покрытая вечно / Влажным

большой интерес древних эрудитов и в той или иной форме продолжало существовать, несмотря на реальные знания древних о районе Киммерийского Боспора³³. Отражения этой идеи (хотя часто и в смягченной форме) мы находим у Геродота (Hegod., IV, 28), Гиппократ (De aere, aquis, locis, 19)³⁴, в сохлках к "Прометею" Эсхила (SC. Т. I, p. 340). Аристотель касался климата Понта с естественно-научной точки зрения, высказывая предположение о том, что величайшие холод и жара здесь определяются густотой воздуха (SC. Т. I, p. 382). Поздние авторы, разрывая связь между реальным регионом мира и литературным образом, нередко буквально воспринимали слова Гомера³⁵. Для нас, однако, важно, что оба элемента этого описания (частичное или полное отсутствие солнца и объяснение данного явления особенностями воздуха) связано именно с Киммерийским Боспором³⁶.

туманом и мглой облаков; никогда не являет / Оку людей там лица лучезарного Гелиос, землю ль / Он покидает, всходя на звездами обильное небо, / С неба ль, звездами обильного, сходит, к земле обращаясь; / Ночь безотрадная там исконно окружает живущих" (Гомер, Одиссея. М., 1958, с. 175).

³³ Отражения дискуссий относительно соотношения реального народа киммерийцев, живших некогда по единодушному мнению древних в районе Киммерийского Боспора, и гомеровских киммерийцев, живших в условиях вечной ночи, мы находим у многих античных авторов. Подробнее всех об этой дискуссии сообщает Страбон, которого вопрос очень интересовал и который, в силу этого, к нему многократно возвращался. Уже во вводной части своего труда он касается его, доказывая, что Гомер знал и киммерийцев и Боспор Киммерийский, и цитирует в сокращенном виде данное место из "Одиссеи" (Strab., I, 1, 10). Затем он говорит о соотношении реального знания и мифов в поэмах Гомера и в связи с этим вновь касается вопроса о киммерийцах (Strab., I, 2, 9; III, 2, 12). Много внимания этому вопросу уделял и Евстафий в своих комментариях на "Одиссею" (SC. Т. I, p. 197). Иронизировал относительно того, что мифическое сказание отняло у киммерийцев солнце, Гимерий (в извлечениях Фотия) (SC. Т. I, p. 683). Подробнее см. Скржинская М. В. Скифия глазами эллинов. СПб., 1998, с. 41 сл.

³⁴ "Густой туман обнимает целый день поля, на которых живут скифы".

³⁵ Например, Максим Тирский (SC. Т. I, p. 592), Фемистий (SC. Т. I, p. 690), Юлиан Апостат (SC. Т. I, p. 705), Григорий Богослов (SC. Т. I, p. 714).

³⁶ Еще одним подтверждением того, что герои комедии плавали на Боспор, является упоминание Византия в качестве, как кажется, важной гавани на пути из Афин к Боспору Киммерийскому (или на обратном пути): "А что в Византии? — / Все горечь, все полынь. Иным имуществом / Там бедный не богат" (99-101). Византии в сочетании с купцами появляется и в комедии "Аррефора, или Флейтистка": "Всегда купцов Визаний поит допьяна" (фр. 38), перевод О. Смыки // Менандр. Комедии. Фрагменты... с. 294. Значение Византия как торгового пункта подчеркивается тем, что он именно в таком качестве вошел в характеристику масок средней и новой комедии. Сошлемся на "типичного"

Таким образом, очевидно, есть весьма серьезные основания для того, чтобы полагать, что Демей и Никерат пробыли длительное время на Боспоре. Каждый из приведенных аргументов может быть в той или иной степени оспорен, но соединение их вместе все-таки дает основание для такого утверждения. В связи с этим необходимо обратить внимание на следующее обстоятельство: Менандр явно обладает определенной начитанностью в литературе и демонстрирует ее, что неудивительно, поскольку он был учеником Феофраста³⁷ и другом Эпикура, который проходил эфебию одновременно с ним³⁸; дружеские отношения связывали комедиографа и с Деметрием Фалерским³⁹. Естественно, основательная подготовка Менандра находила отражение в его творчестве, некоторые исследователи даже считали, что он выступал в роли своего рода рупора учений школы перипатетиков⁴⁰. Правда, более внимательное обращение к материалу показывает, что Менандр (во всяком случае в интересующей нас комедии) не поднимает никаких важных вопросов, требующих научного обсуждения. Он вводит в ткань текста некий набор сведений, которые в той или иной степени были "на слуху" у афинян, и привлечение их имело своей целью напомнить рядовому зрителю о том, что зрителю известно, и тем самым уточнить важные для развития действия обстоятельства — в данном случае показать, что Демей и Никерат были на Боспоре. Это, как нам кажется, связано с завязкой комедии: путешествие на Боспор могло быть длительным и отсутствие в Афинах в течение года вполне объяснимо⁴¹.

Какова была цель посещения Боспора? Прямых указаний на это в тексте нет, но несомненно, что это была поездка не государственная, а частная, во всяком случае, во всем известном нам творчестве Менандра нет ни одного упоминания о герое, который выполнял какие-либо

повара: размышляя, к кому пойдет готовить пир, он решительно отказывается идти к корабельщику, потерпевшему кораблекрушение, но с радостью идет к корабельщику, вернувшемуся из Византия: "А вот другой: приплыл он из Византия / На третий день, с попутным ветром, радостный, / Нажив на каждой mine по двенадцать драхм, / Так и рыгает фрахтами и займами, / Так и берет за грудки девок сводничьих, — / Ему я сразу подмигну на пристани, / Ударю по рукам во имя Зевсова, / Сражу его насквозь своей готовностью". Перевод О. Смыки... с. 375.

³⁷ Testimonia 7 = Diog. Laert., V, 36.

³⁸ Testimonia 6 = Strab., XIV, 638.

³⁹ Testimonia 8 = Diog. Laert., V, 79.

⁴⁰ Barigazzi A. La formazione spirituale di Menandro. Torino, 1965, p. 19 ff. e. а.; Ярхо В. Н. Менандр — поэт ... с. 422 сл.

⁴¹ Укажем для сравнения, что в комедии "Герой" хозяин уезжает по делам на три месяца на Лемнос (сткк. 35-37).

государственные функции⁴², мир героев Менандра — это мир частной жизни. В поисках ответа на поставленный вопрос обратимся к лексике Демеи. Потрясенный неожиданным и, как он считает, несчастным событием, Демей разражается страстным монологом, обрисовывая свое положение в наиболее обычных для него образах — он сравнивает свое положение с состоянием человека, плывущего по морю:

...путем плывущих правильным
Внезапно настигает буря (страшная),
Привыкших плыть погодою безветренной
Она собьет с пути, отбросит в сторону.
Со мной случилось ныне нечто сходное (206-210).

Итак, перед нами человек, для которого естественным является сравнение житейских бурь с штормами на море и который провел на Боспоре целый год. Исходя из всего сказанного, хотелось бы высказать предположение, что Демей — афинский купец, который ездил на Боспор с торговыми целями. Подтверждением этому предположению является и время отправления в плавание — в середине лета (а не в конце апреля — начале мая, когда открывалась навигация). Такое время отплытия совпадает примерно со временем отправления торговых кораблей за уже созревшим и убраным хлебом. Подобная причина вполне реальна — основное, что связывало Афины с Боспорским царством в классическое и раннеэллинистическое время, — торговый обмен. Именно Боспор был основным (или одним из основных) хлебным рынком для Аттики, и вполне логично предположить, что целью поездки были какие-то торговые операции, вероятнее всего — закупка хлеба.

Почему же он оставался там так долго? Думается, что объяснение этому дают два факта, сообщаемых Менандром: во-первых, застой в делах; во-вторых, указание на рыбу. Демей, подобно многим другим, ездил на Боспор за хлебом, но из-за того, что там "в делах застой", пробыл на Боспоре год и вынужден был вернуться, приобретя только рыбу⁴³.

Что еще можно сказать о нашем герое? Демей, явно, достаточно богатый человек, ему принадлежит какой-то участок земли в Аттике (откуда перед праздником Адоний прибыл Мосхион⁴⁴), у него есть рабы — кроме играющего важную роль в развитии действия Парменона, упоминается о нескольких рабах, которые сопровождают Демей на

⁴² См. также Jacques J.-M. Notice // Menandre... p. LIII.

⁴³ В источниках уже был зафиксирован подобный поворот событий, когда прибывший на Боспор купец из Афин не может вести дела из-за того, что в это время шла война между царем Перисадом и скифами (Demosth., XXXIV, 8; 22).

⁴⁴ "Однажды в спешке я вернулся из деревни (ἐξ ἄγροῦ)" (38-39).

пути из Пирея в Афины⁴⁵, еще о служанке-девочке, у него была рабыня-кормилица, позднее освобожденная⁴⁶, — та, слова которой вызвали подозрения Демеи⁴⁷, он содержит гетеру с Самоса Хрисиду, которой делает многочисленные подарки и которая, по его словам, живет у него дома в роскоши⁴⁸, наконец, его приемный сын после достижения совершеннолетия выполняет литургии⁴⁹, приемный отец содержит для него коней и свору гончих⁵⁰, Мосхион служит в качестве филарха⁵¹. Все эти сведения недвусмысленно указывают на высокое имущественное положение Демеи⁵².

Подводя некоторые итоги, очевидно, не будет слишком смелым утверждать, что в образе Демеи перед нами предстает один из обычных типов богатых афинских граждан того времени. Он богат, обладает участком земли, рабами, но вместе с тем занимается предпринимательской деятельностью — совершает плавание с торговой целью на Боспор. На психологическую достоверность образа Демеи уже давно указал Фр. Верли⁵³, открытые же новые части текста пьесы еще больше подтвердили это наблюдение⁵⁴. Современные исследователи особо подчеркивают реализм именно этой комедии Менандра, при этом отмечается, что дан-

⁴⁵ Ремарка между сткк. 95 и 96. Не исключено, что они сопровождали его и во время путешествия в Понт.

⁴⁶ Слова Демеи: "Эта женщина, / Что Мосхиону встарь была кормилицей, / Рабыней мне служила годы долгие, / Затем отпущена" (235-238).

⁴⁷ Слова Демеи: "Вбежавшей в этот миг служанке-девочке / Сказала:..." (250-251).

⁴⁸ Слова Демеи, обращенные к Хрисиде: "Ты роскошь не ценила" (376) и далее: "Поймешь, раскаяешься, / Что по своей вине лишилась роскоши" (396-397).

⁴⁹ Слова Мосхиона: "В хорегии я был щедр" (13-14). О выполнении хорегии как показателе значительного имущества у хорега см. Davies J. K. Athenian Propertied Families. 600-300 B.C. Oxf., 1971, p. XX.

⁵⁰ Слова Мосхиона: "Держал коней и свору гончую он для меня" (14-15). О содержании коня как свидетельстве того, что его хозяин обладал значительным имуществом, см. Davies J. K. Athenian...p. XXV.

⁵¹ Слова Мосхиона: "Филархом был я ревностным" (15). Каждая фила представляла отряд всадников, которым командовал филарх. Естественно, что эти отряды комплектовались из наиболее богатых слоев населения. См. Ducrey P. Guerre et guerriers dans la Grece antique. P., 1985, p. 98; Spence I. G. The Cavalry of Classical Greece. Oxf., 1993, p. 272-286.

⁵² Ярхо В. Н. "Самиянка"... с. 37; Casson L. Ancient Trade... p. 52.

⁵³ Wehrli F. Motivstudien zur griechischen Komödie. Zürich, 1936, S. 63.

⁵⁴ Ярхо В. Н. "Самиянка"... с. 49.

ная пьеса составлена почти полностью из реалистических элементов, отражающих "буржуазный" дух Афин того времени⁵⁵.

Рядом с Демеей — Никерат, который также совершает такое же плавание. Он находится в дружеских отношениях с Демеей, близки и их семьи (сожительница Демеи Хрисиде дружна с женой и дочерью Никерата). Но их имущественное положение различно, обычно считается, что Никерат беден, и резонным основанием для этого умозаключения служит тот факт, что он отдает свою дочь замуж без всякого приданного, обещая, что после смерти все его имущество перейдет к ней⁵⁷.

Насколько можно судить, комедии, в которых в той или иной степени представлены подобного типа герои, не ограничивались одной "Самиянкой". Мы уже называли комедию "Остриженная", главный герой которой — купец Патэк, основу благосостояния которого (подчеркнем это обстоятельство) составлял корабль. Он сам объясняет, какие причины заставили его "выставить" своих детей-близнецов: их мать умерла тут же после рождения детей, а сам он в один день разорился:

Узнал я, что корабль, источник благ моих,

В Эгейском море бурной поглощен волной (808-809)⁵⁸.

Менандр написал и другие комедии, содержание которых совершенно бесспорно связано с морем. К их числу относятся "Кормчие" и "Судовладелец", само название которых весьма красноречиво. От последней дошло очень небольшое число стихов, но и то, что сохранилось, дает любопытную информацию. В частности, описывается эпизод, в котором один из героев сообщает другому, по имени Стратон, что ранее распространившиеся вести о гибели его сына Феофила и его же корабля в море не верны⁵⁹. Судя по следующим далее стихам, Стратон радуется тому, что корабль цел и, кажется, не вспоминает совершенно о сыне⁶⁰. Здесь же высказывается весьма показательная сентенция: человек, промотавший "отчее имение", достоин только того, что-

55 Например, Zagagi N. The Comedy of Menander. Convention, Variation and Originality. L., 1994, p. 113-141. См. также Martina A. Aspetti sociali e giuridici nella Samia di Menandro, AAT, 107, 1972/ 3, p. 853-940.

⁵⁶ Ярхо В. Н. "Самиянка"... с. 37.

⁵⁷ "Ее вручаю при свидетелях тебе, / Чтобы родил детей законных, и в приданное даю / Все, что есть, когда умру я, — дай мне боги вечно жить!" (стк. 726-728).

⁵⁸ Перевод Г. Церетели // Менандр. Комедии. Фрагменты ... с. 163.

⁵⁹ "Стратон, послушай! Феофил вернулся к нам, / "Покинув глубь соленую Эгейскую", / И с радостью я первый говорю тебе, / Что сын твой жив, и судно в невредимости". Перевод О. Смыки // Менандр. Комедии. Фрагменты...с. 305.

⁶⁰ "Неужто мой корабль, Калликлом сделанный, / Где кормчим был Эвфанор, что из Фурии?" Перевод О. Смыки, там же, с. 305.

бы постоянно плавать по морю, не ступая на сушу — это ему будет наказанием за содеянное⁶¹. И в других пьесах Менандра присутствует море. Так, в комедии "Аррефора, или Флейтистка" брак сравнивается с плаванием по морю⁶², в этой же комедии упоминаются купцы, которых "Византии поит допьяна" (фр. 38)⁶³. Есть также комедия "Рыбак".

Как видим, в комедиях Менандра среди его героев довольно заметное место принадлежит людям, связанным с морем и морской торговлей: богатый афинянин-земледелец и рабовладелец, занимающийся одновременно и торговлей с Боспором, его бедный сосед, также вовлеченный в морскую торговлю, коринфянин, все имущество которого составляет торговый корабль, житель неизвестного нам города, тоже судовладелец; наконец, представлена ситуация, когда занятие морской торговлей — результат утраты наследственного земельного участка.

Для нас особенно важен образ Демеи — он находится в разительном противоречии с той картиной, которую пытаются нарисовать сторонники И. Хазебрека: по их мнению торговля была, главным образом, делом метеков, а отнюдь не граждан, граждане же воспринимаются как своего рода "рантье"⁶⁴. Против этого говорят многие источники, среди которых сейчас хотелось бы выделить "Корпус речей Демосфена", содержащий весьма красноречивые сведения⁶⁵. Не претендуя на абсолютную точность, приведем примерную статистику занятий морской торговлей в зависимости от статуса человека: навклеры-граждане — 3 из 10 упомянутых в речах (из остальных 2 — ксена и 3 — граждане других полисов), торговцы-граждане — 13 из 24 (а также 2 — граждане других полисов), 6 из 17 кредиторов (из остальных 1 — гражданин другого полиса). Представляется, что эти данные способны несколько изменить картину: среди афинских граждан имелось, видимо, значительное число таких, которые, оставаясь землевладельцами, в то же время активно участвовали и в торговой деятельности.

⁶¹ Фр. 112 (287). Перевод О. Смыки, там же, с. 305.

⁶² "Пускаешься ты в море неприятностей, / Не то, что в Сицилийское, Ливийское, / Эгейское — ведь там из тридцати судов / Не гибнут три. Женатым нет спасения!" (фр. 36 (59)). Перевод О. Смыки, там же, с. 293.

⁶³ Перевод О. Смыки, там же, с. 294.

⁶⁴ Hasebroek J. Staat und Handel im alten Griechenland. Tübingen, 1928; Griechische Wirtschafts- und Gesellschaftsgeschichte bis zum Perserzeit. Tübingen, 1931. Современные исследователи предпочитают пользоваться английским переводом первой из книг (Hasebroek J., Trade and Politics in Ancient Greece. L. 1933). О дальнейшем развитии этих идей в антиковедческой литературе (вплоть до сегодняшних дней) см. Маринович Л. П., Кошеленко Г. А. Древнегреческая экономика: сто лет дискуссий // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. 4, часть 1. История. Москва — Магнитогорск, 1997, с. 84 сл.

⁶⁵ Маринович Л. П. Морская торговля Афин ... с. 4 сл.

В связи с этим хотелось бы подчеркнуть несовместимость картины, рисуемой сторонниками И. Хазебрека, и тех наблюдений относительно социально-психологического типа афинского гражданства, которые давали современники. Не углубляясь в проблему, позволим себе сослаться только на одно свидетельство. Перед самым началом Пелопоннесской войны на одном из заседаний союзного совета в Спарте посол коринфян таким образом характеризовал общий настрой духа афинян, сравнивая их со спартанцами (опускаем характеристику спартанцев): "Ведь они сторонники новшеств, скоры на выдумки и умеют быстро осуществлять свои планы ... Они отважны свыше сил, способны рисковать свыше меры благоразумия, не теряют надежды в опасностях ... Они подвижны ... Они странники ... Они рассчитывают в отъезде что-то приобрести ... Победив врага, они идут далеко вперед, а в случае поражения не падают духом. Жизни своей для родного города афиняне не шадят, а свои духовные силы отдают всецело на его защиту. Всякий неудавшийся замысел они рассматривают как потерю собственного достоинства, а каждое удачное предприятие для них — лишь первый шаг к новым, еще большим успехам. Если их постигнет какая-либо неудача, то они изменяют свои планы и наверстают потерю. Только для них одних надеяться достичь чего-нибудь значит уже обладать этим, потому что исполнение у них следует непосредственно за желанием. Вот почему они, проводя всю жизнь в трудах и опасностях, очень мало наслаждаются своим достоинством, так как желают еще большего. Они не знают другого удовольствия, кроме исполнения долга, и праздное бездействие столь же неприятно им, как самая утомительная работа. Одним словом, можно сказать, сама природа предназначила афинян к тому, чтобы и самим не иметь покоя, и другим людям не давать его" (Thuc., I, 70, 2-8)⁶⁶. Анализ этой яркой характеристики "нрава" афинян показывает, что общей чертой его был динамизм, готовность к риску и предприимчивость. Все это мало согласуется с идеями Хазебрека и его сторонников и продолжателей о духе афинского гражданства.

Сведения о Демее и близких ему по занятиям людям, очевидно, можно считать относящимися к тому, что мы назвали "реалистической зоной" комедии. Появление на сцене богатого афинянина, ведущего торговые операции с Понтом (Боспорским царством) — бытовая подробность, которая хорошо вписывалась в картину жизни афинского общества того времени, этот тип гражданина был обычным, а некоторое своеобразие его жизни, вызванное профессиональной деятельностью — длительное отсутствие дома — создало условия для развития самого сюжета комедии. Хотелось бы думать, что и иные образы героев, связанных с морем (бедный афинский гражданин, тоже занятый

торговлей, судовладелец, все имущество которого составляет корабль, человек, занявшийся морской торговлей из-за того, что лишился наследственного участка земли) также представляют собой достаточно обычные для того времени типы.

К сожалению, вопрос о датировке комедии, который для нас остается достаточно важным, все еще не решен, и высказывалось несколько точек зрения относительно даты комедии "Самиянка"⁶⁷. Некоторые исследователи считают ее одним из ранних произведений Менандра⁶⁸, другие на основании, главным образом, художественных особенностей предпочитают более позднюю дату (после 315 г. до н. э., а в большинстве случаев — еще позднее)⁶⁹. Предпринимались попытки датировать комедию, опираясь не на художественные особенности, а на содержание. Так, например, прославление Афин Демеей, которое приводилось выше, иногда считали своего рода ответом на катастрофу в результате Ламийской войны⁷⁰, что, однако, справедливо отвергалось⁷¹. Возможно, как уже отмечалось в литературе, ключом к датировке послужат слова Мосхиона в пятом действии, когда он, оскорбленный подозрениями, притворно собирается уходить в наемники — "в какую-нибудь Бактрию или Карию" (628-629)⁷². Поскольку ясно, что комедия полна аллюзий на злободневные события, решение вопроса зависит от того, в какой период (в течение жизни Менандра) одновременно требовались наемники и в Карию и в Бактрию. Э. Гомм и Ф. Сэндбах указывают на следующие известные события, которые должны учитываться: Бактрия могла нуждаться в наемниках после неудачного восстания греков здесь в 323 г. до н. э. О сражениях в Карию ничего не известно до периода от 315 до 313 гг., когда этот район захватывал Антигон. Птолемей захватил Карию в 309 г. до н. э., после чего здесь могли понадобиться наемники для несения гарнизонной службы. Наконец, в наемниках для Бактрии мог испытывать нужду Селевк во время "восточного похода", который охватил и Бактрию. Исходя из всех этих соображений, они предполагают примерно 309 г. до н. э., хотя не исключают и 315-313 гг.

67

Подробнее см. Ярхо В.

Н.

"Самиянка"...

с.

41.

⁶⁸ Barigazzi A. La formazione spirituale di Menandro, p. 172, 186; Lloyd-Jones H. Menander's "Samia" in the Light of the New Evidence // Yale Classical Studies, 22, 1972, p. 144.

⁶⁹ Wehrli F. Motivstudien ... S. 66; Hurst A. Un nouveau Menandre // REG, 86, 1973, p. 317-320; Holzberg N. Menander. Untersuchungen zur dramatischen Technik. Nürnberg, 1974, S. 133; Menandro. Samia. Ed.... di Fr. Sisti, p. 8-11.

⁷⁰ Treu M. Humane Handlungsmotive in der Samia Menanders // RhM, 112. B., 1969, S. 241.

⁷¹ Jacques J.-M. Notice // Menandre ... p. LIII.

⁷² Gomme A. W., Sandbach F. H. Menander... p. 543.

⁶⁶ Перевод Г. А. Стратановского. См. Фукидид, История. Издание подготовили Г. А. Стратановский, А. А. Нейхардт, Я. М. Боровский. Л., 1981.

В другой связи этого вопроса касался П. Бернар. Рассматривая данное свидетельство в рамках истории эллинистической Бактрии, он приходил к выводу, что афиняне могли иметь достаточно хорошую информацию о событиях, происходивших в Кари, поэтому следует видеть в стихах Менандра указание на реальную ситуацию и возможны все годы от 321 по 301 гг. до н. э. Кроме того, П. Бернар обратил внимание на то обстоятельство, что Келены, расположенные рядом с долиной Меандра, которая была ядром Кари, служили главной резиденцией Антигона Одноглазого и традиционно являлись центром, куда стекались наемники (Xenoph., Anab., I, 2, 5-9; Diod., XVIII, 52; XIX, 69 и 93) 73. Вместе с тем, он полагал, что намек на Бактрию — это метафора, указывающая только на желание уйти сколь возможно далеко. Подобный метод анализа, при котором разрывают одну и ту же фразу на две части, принимая информацию одной части и отвергая другую, не представляется правильным.

Видимо, надо искать такой момент в истории Бактрии в рамках от 321 по 301 гг. до н. э., когда, с одной стороны, в Бактрию рекрутировались наемники, а с другой — об этом хорошо было бы известно в Афинах. Как нам кажется, такой период — время, когда завершился "восточный поход" Селевка I (308-306 гг. до н. э.) и на обширных пространствах Средней Азии началось активное строительство новых городов. Этот период отвечает поставленным условиям, так как основания городов потребовали новых колонистов и слава о походе Селевка широко распространилась по греческому миру⁷⁵. Таким образом, постановка "Самиянки", с нашей точки зрения, должна относиться примерно к отрезку времени от 306 по 301 гг. до н. э.

Возвращаясь же к исходным положениям, можно утверждать, что комедия Менандра "Самиянка" свидетельствует о продолжении торговых связей между Афинами и Боспором в начале эллинистической эпохи, точнее, если наше предположение о датировке верно, в последние годы IV в. до н. э., тем самым в известной мере заполняя лауну между 323/2 г. до н. э. (дата речи LVI из "Корпуса речей Демосфена") и 288 г. до н. э. (дата декрета в честь Спартока, сына Евмела)⁷⁶.

⁷³ Bernard P. Les monnaies hors tresors. Questions d'histoire greco-bactrienne (Fouilles d'Ai Khanoum. IV. MDFA. T. XXVIII), P., 1985, p. 129-130.

⁷⁴ См. Кошеленко Г. А. Греческий полис на эллинистическом Востоке М 1979, с. 181 сл.

⁷⁵ О походе Селевка на Восток и его успехах хорошо знали в Элладе, о чем свидетельствует Аппиан (App., Syr., 55 и 57).

⁷⁶ См. Граков Б. Н. Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии // ВДИ, 1939, № 3, с. 241-243 № 5 = IG, II², 903.

В.И. Кузицин

Хозяйство ИСХОМАХА и ИМЕНИЕ КАТОНА: ДВЕ МОДЕЛИ АНТИЧНОГО ПОМЕСТЬЯ

Вряд ли можно представить себе состояние и движение экономики XX века без прогнозирования построения и самого широкого применения моделирования в самых различных областях. Данное обстоятельство отражает сложность современных экономических процессов, разнообразие многих факторов, влияющих на её развитие, наконец, зрелость современной экономической теории и научных технологий в целом. И далеко не случайным является сам факт необходимости всестороннего экономического моделирования именно в конце XX века, когда экономические процессы приобрели глобальный, исключительно сложный и противоречивый характер, хотя первые опыты экономического моделирования относятся ещё к XVIII веку, т.е. к начальному этапу развития экономики капиталистического типа.

Для более ранних эпох, таких как феодальная или античная эпохи, казалось бы нет оснований говорить о применении метода экономического моделирования к хозяйственным процессам в силу их примитивизма и господства традиционных технологий. Однако такое довольно распространенное мнение нуждается если не в пересмотре, то хотя бы в серьезной корректировке. Степень развития античной экономики и зрелости экономической мысли в античности оказалась достаточно высокой, чтобы начать сложную рефлексию по поводу построения, по крайней мере, некоторых моделей.

Создание таких пусть примитивных моделей ряда экономических процессов как абстрактной конструкции оптимального экономического образца было не только игрой чистой экономической мысли, но отражало сущностные стороны реальной действительности, может быть, более точно, чем конкретные экономические факты. С нашей точки зрения, можно говорить о применении первых элементов экономического моделирования применительно к решающей отрасли античного производства — сельскому хозяйству. Причем объектом такого моделирования стала одна из основных производственных и социальных ячеек античного общества, а именно, поместного хозяйства связанного с рынком, а методом построения такой модели стала разработка наиболее оптимального, наиболее рационального с точки зрения современников, так сказать, идеального, т.е. не существующего в реальной действительности образца.

В распоряжении исследователя имеется несколько примеров таких идеальных образцов сельских поместий античной эпохи, а именно, поместье афинского землевладельца Исхомаха, описанное Ксенофоном

(IV в. до н.э.) и сельская вилла римского аристократа Катона Старшего (II в. до н.э.), представленная в его трактате "О земледелии".

Поместье Исхомаха как модель афинского домохозяйства II в. до н.э.

Поместье Исхомаха как идеальное домохозяйство стало предметом специального трактата "Домострой" (или "Экономик", который довольно часто переводят как "Экономика"), принадлежащего афинянину Ксенофону (430-354 гг. до н.э.)¹. Ксенофонт, представитель довольно знатной афинской семьи (видимо принадлежал к соловьевскому классу всадников), получил хорошее образование, был одним из прилежных учеников Сократа, придерживался консервативных взглядов. Изгнанный из демократических Афин за свои проспартанские убеждения, Ксенофонт около полутора десятков лет скитался по Малой Азии и Греции в качестве наёмника, в частности служил в армии персидского царевича Кира Младшего, у фракийских династов, на рубеже 390-380-х годов перебрался в Спарту. За большие заслуги перед Спартой ему было пожаловано поместье в местечке Скиллунте около Олимпии, где он провёл 16 лет, занимаясь сельским хозяйством, охотой, литературным трудом.

Таким образом, Ксенофонт хорошо знал хозяйственный опыт не только Аттики, откуда он был родом, или Спарты и Элиды, где он прожил около двух десятков лет, но также Малой Азии и Фракии. Неудивительно, что именно ему принадлежит первая попытка обобщить и свой собственный и общегреческий опыт, и попробовать дать описание наиболее выгодного, оптимального образца домохозяйства, построить его некоторую модель. Эта модель составляется через описание вымышленного домохозяйства образцового афинского гражданина и хозяина — некоего Исхомаха, определяемого как *калос кагатос*, т.е. совершенного во всех отношениях человека.

Что же собой представляет это идеальное домохозяйство или ойкос?² Ойкос Исхомаха структурно состоит из двух органических час-

¹ Из специальных исследований относительно домохозяйства — ойкоса Исхомаха укажем Carlo Natali, Senofonte. L'amministrazione della casa (Economica) Venice, 1988. Но особенно работу Fabrizio Pesando, Oikos ed ktesios. La casa greca in eta classica. Perugia, 1987, где данные об ойкосе Исхомаха исследуются на фоне всего материала феческих полисов IV века, включая результаты раскопок далекого Херсонеса Таврического. Ф. Пезандро восстанавливает план городского дома-усадьбы Исхомаха. См. Op. Cit. P. 88-92.

² "Экономика" Ксенофонта была объектом исследования многих специалистов. Их результаты были обобщены в недавней работе Сары Померой, представляющей исчерпывающий социально-экономический комментарий и пере-

тей — большого дома в городе Афинах и сельского владения в окрестностях города. И городской дом и сельское поместье Исхомаха обширные и богатые, их обслуживает более десятка человек. Это не крестьянский участок и не небольшой дом мелкого землевладельца, а крупное домохозяйство другого типа. Вот описание городского жилища Исхомаха. В доме нет лепных украшений, но есть множество помещений и комнат для хранения продукции, жизни и труда хозяев и работников. Спальня с дорогими покрывалами и необходимыми вещами расположена в безопасном месте. Хранилища для хлеба устраиваются в сухих частях дома, вино хранится в прохладных помещениях, светлые комнаты предназначены для проведения домашних работ, т.е. являются рабочими мастерскими. Жилые комнаты должны быть расположены таким образом, чтобы они летом были прохладны, а зимой теплы. Женская половина дома отделена от мужской дверью с засовом, чтобы рабы мужчины не общались в любое время с рабынями женщинами и не могли выносить из дома или потреблять хранящиеся там припасы. В доме хранятся предметы, необходимые для жертвоприношений, женские праздничные наряды, мужская одежда для праздников и военного похода, покрывала (в женской половине дома), постельные принадлежности для работников-мужчин, обувь женская и обувь мужская, оружие, инструменты для пряжи шерсти, для выпечки хлеба, посуда для приготовления пищи, парадная столовая посуда, принадлежности для мытья. В разных помещениях дома хранятся припасы, заготовленные на год, отдельно запасы на месяц, отдельно расходные ежедневно (Хер. Оес. IX. 2-10). То есть, городской дом Исхомаха представляется как полная чаша, где заготовлены и хранятся запасы на целый год, в течение которого обеспечивается повседневная жизнь, включая будни и праздники. Всем этим внушительным оборудованием и запасами распоряжается супруга домохозяина, которой помогает экономка-рабыня, а в их подчинении находится некоторый штат рабынь в количестве не менее 5-7 человек.

Если супруга является полновластной распорядительницей в городском доме, то сам собственник руководит всеми делами хозяйства вне его стен и, прежде всего, организует работу в сельском владении. Вот как описывает сам Исхомах свои обязанности: "Так. вот, Сократ, отвечал Исхомах, вставать с постели я привык в такой час, когда могу ещё застать дома того, кого мне нужно повидать. Если у меня есть какое дело в городе, то исполнение его служит мне прогулкой, а если в городе у меня нет никакой надобности, то мой раб отводит мою лошадь вперёд меня в деревню, а мне прогулкой служит дорога в деревню — это пожалуй полезнее, Сократ, чем гулять в галерее. По приходе в

вод на английский язык "Экономики" Ксенофонта. См. Xenophon's Oiconomicos. A social and historical Commentary, Oxf. 1994. P. 378.

деревню, сажают ли там у меня деревья или поднимают пар, или подвозят хлеб, я смотрю как идут работы и приказываю работать по иному, если знаю, как это можно сделать лучше. После этого по большей части я сажусь на лошадь и произвожу различные верховые упражнения. По окончании этого раб... отводит лошадь домой и вместе с тем несёт из деревни в город всё то, что нам нужно, а я то шагом, то бегом возвращаюсь домой и чищу себя скребницей, потом завтракаю (Хеп. Оес. XI. 14-18). Иначе говоря, все утренние занятия господина занимают порядка 4-5 часов времени.

Как видно из этого рассказа, в сельском поместье Исхомаха имеются какие-то строения, в которых господин останавливается в утренние часы и откуда он осуществляет наблюдения за работами, однако он умалчивает об устройстве или архитектуре этих сельских строений, в отличие, например, от писателей, основное внимание которых сосредоточено именно на описании сельской усадьбы. Как известно, усилиями сотрудников Американской школы классических исследований и Британской школы в Афинах (И. Янга, Дж. Джоунса, Е. Томсона и др.) удалось обозначить и затем провести разведочные раскопки некоторых сельских усадеб в Аттике³. Тем не менее, лучшие результаты по исследованию сельских усадеб IV-III вв. до н.э. были получены после раскопок гераклеических усадеб в окрестностях Херсонеса Таврического в Крыму и в этом их большое научное значение⁴. Изучение остатков гераклеических усадеб позволяет дополнить рассказ Исхомаха о структуре греческого дома-ойкоса именно в той её части, где Исхомах — Ксенофонт прерывает своё повествование. Исследование херсонесского материала показывает, что сельская усадьба представляла собой вполне определённое специализированное сооружение, включающее несколько (до полутора-двух десятков) помещений, размещённых вокруг хозяйственного двора и представляющих главным образом хранилища для сельскохозяйственной продукции и инвентаря. На этих усадьбах с трудом локализируются жилые помещения и пока не обнаружено даже следов господских помещений, предполагающих известный комфорт жизни (мощный пол, оштукатуренные стены и фрески, банные помещения и т.п.), чем эти усадьбы отличаются от сельских вилл в Италии, например, раскопанные в окрестностях Помпей. Отмеченные особенности аттических сельских строений или предполагаемых деревенских

³ Pesandro. Op. cit. Cap. IV, Le testimonialize archeologiche. II problema del modello. P. 95-122.

⁴ Стрежелецкий С.Ф. Клеры Херсонеса Таврического. Симферополь, 1961; Pecirca J. Country Estates of the Polis of Chersonessos in the Crimea in Rcerche storiche ed economiche in memoria di Corrado Barbagallo. V. 1. Napoli, 1970. P. 459-477; Saprykin S. Ancient Farms and Landplots on the Khora of Chersonessos Tauricos. Amsterdam, 1994.

помещений Исхомаха преимущественно как складских и чисто производственных, лишь дополняющих расположенный неподалёку городской дом хозяина, где сосредоточена была жилая и потребляющая часть домохозяйства, объясняет со всей очевидностью, почему столь подробный Ксенофонт неожиданно прерывает своё повествование, когда заходит речь о сельских строениях.

Ещё более показательна бедность и структурная аморфность раскопанных в Аттике сельскохозяйственных построек, определяемых обычно как сельские дома, но они вряд ли могли быть рассчитаны на проживание, даже временное, более или менее зажиточных землевладельцев. Вместе с тем, исследование городских домов в тех же Афинах и, особенно в халкидском Олифе и Херсонесе Таврическом показало, что по существу эти городские дома зажиточных горожан со средними размерами, около 500-800 кв.м., представляют собой обширные усадьбы, в которых хранится и перерабатывается продукция сельских владений, живут хозяева, работают рабы⁵. Иначе говоря, пространственно-территориальная организация идеального хозяйства Исхомаха отражает реальный опыт и является их некоторой моделью.

Какова площадь идеального поместья Исхомаха как некоего обобщения реальных и, конечно, очень различных по своим размерам афинских поместий? Прямого ответа на этот вопрос в трактате Ксенофонта нет, но по многим косвенным данным можно заключить, что общая площадь сельского владения Исхомаха составляла величину порядка 20-25 га. Как известно, в Аттике никогда не было латифундий и обычные размеры крупного землевладения для неё, да и для большинства греческих полисов, колебались в пределах 15-30 га⁶. Что касается размеров городского дома-усадьбы, то, как уже упоминалось выше, они обычно колебались в пределах 400-800 кв. м. Судя по реконструкции плана дома Исхомаха, сделанной Ф. Пезандро, городская усадьба Исхомаха достигала размеров 800 кв. м.

Другим важным блоком моделирования крупных греческих домохозяйств-ойкосов были расчет и организация рабочей силы (определение её характера — использование рабов или батраков, централизованная обработка или сдача земли в аренду). Этому вопросу в трактате Ксенофонта уделено повышенное внимание и на него даны четкие недвусмысленные ответы. Домохозяйство, состоящее из двух органических половин, т.е. городской усадьбы и сельского владения, рассматривается как единое производство, организованное и руководимое из единого центра, т.е. самим собственником. О сдаче каких-либо зе-

⁵ См. Сравнительные таблицы с планами городских домов и сельских усадеб из разных мест Греции V-I вв. до н.э. у Pesandro F. Op. cit. P. 95-119

⁶ Андреев И.И. Аграрные отношения в Аттике в V-I вв. до н.э.//Античная Греция. Т. 1. Становление и развитие полиса. М., 1983. С. 266-272.

мельных участков или отдельных видов работ в аренду ничего не говорится.

Основными работниками и в городском доме и в сельском поместье совершенно определённо выступают покупные рабы. О батраках или подёнщиках упоминаний нет⁷. Контингент рабов был рационально организован, его высшим распорядителем выступает сам господин-хозяин, а над женским составом его супруга. Но ни господин, ни его жена не могут обеспечить постоянного ежечасного надзора за рабами. Поэтому предусмотрены двое помощников хозяев-господ — управляющий-эпистат в качестве помощника господина и экономка как помощница госпожи. Две больших главы трактата Ксенофонта (12 и 13) посвящены описанию качеств идеального управляющего и экономки, их подбору и обучению, что говорит об их рабском статусе. Хозяин может совершенно спокойно заниматься всеми другими, в том числе и общественными делами, если у него работает хороший управляющий. Очень обстоятельно описывает Ксенофонт правила обращения с рядовыми работниками, чтобы они с максимальной отдачей трудились на хозяина. Следует отметить, что Ксенофонт считает необходимым для хорошей работы не столько наказывать работников, сколько поощрять их. Однако при всех подробностях изложения этого вопроса Ксенофонт не считает возможным говорить о выделении из общего состава своих рабов его, так сказать, сельской части, т.е. той части, которую римляне чётко (с оформлением в правовых документах) обозначали термином **сельская фамилия** (*familia rustica*). Ксенофонт упоминает женскую и мужскую половины своего городского дома, рассуждает довольно пространно о сельскохозяйственных работах рабов-мужчин, но не больше. Как уже сказано выше, автор умалчивает о деталях устройства своей сельской усадьбы и быте своих сельских рабов. Приведённые выше данные показали, что жилая часть сельских усадеб выражена очень слабо. Скорее всего, эти данные говорят о том, что *familia rustica* организационно не выделялась в качестве постоянной части всех рабов общего домохозяйства. Видимо, большая часть рабов размещалась в городском доме господина и отсюда переправлялась в сельскую усадьбу, причём в период срочных весенних работ могла находиться на усадьбе в течение всего лета и части осени. В остальные периоды годового цикла большая часть занятых на сельских работах рабов опять переправлялась в городской дом, хотя, конечно, небольшая часть рабов могла оставаться в усадьбе в качестве сторожей, хранителей, вспомогательных работников. Иначе говоря, не оформился ещё тот определённый контингент рабов, который постоянно жил и работал на сельской вилле круглый год и организационно выделялся из

той части, которая обслуживала городской дом и составляла собственно *familia urbana*.

Невыделённость *familia rustica* из общего рабского контингента, постоянный, так сказать, обмен между сельскими работниками и рабами, обслуживающими городской дом, т.е. собственно слугами, не мог способствовать особой специализации среди сельских работников и появлению, например, специалистов-виноградарей, оливководов-маслоделов и др., о чём так много говорят римские сельскохозяйственные писатели и о чём хранит красноречивое молчание столь обстоятельный в других вопросах Ксенофонт. Росту и закреплению специализации не позволяла сложившаяся структура греческого ойкоса-домохозяйства.

Хозяйство Исхомах смоделировано Ксенофонтом как наиболее доходное производство для своего времени, однако о самом производственном процессе, о механизме, о способе получения дохода как раз говорится мимоходом, вскользь. При всей подробности описания других аспектов хозяйства, особенно организации рабочей силы, автора слабо интересует тот или иной способ обработки почвы, внесение удобрений, количество семян, соотношение отраслей (хлебопашество, виноградарство, маслиноводство и т.д.), получаемая доходность, затратность каждой из отраслей, удобство вывоза, рыночная конъюнктура. Более того, Исхомах даже не видит здесь какой-либо проблемы. Для него сам сельскохозяйственный процесс занятия земледелием как таковым это несложное производство, которому собственно и нечего учиться. "Нет, Сократ, сказал Исхомах, земледелию не так трудно научиться, как другим профессиям, при изучении которых ученик дойдёт до изнеможения раньше, чем будет зарабатывать на хлеб. Нет, стоит тебе посмотреть как работают, а отчасти только послушать об этом, и ты сейчас же поймешь настолько, что даже сможешь учить других, если захочешь. Да, я думаю, что ты, Сократ, много понимаешь в земледелии, сам того не замечая" (Оес. ХУ. 10). Неудивительно, что всего 4 главы из 20 посвящены описанию собственно производственного процесса, где излагаются самые элементарные сведения, известные каждому, вроде совета пахать, копать глубокие ямы, а осенью срезать виноградные грозди и убирать в хранилища зерно. Ксенофонт рассматривает технологию своей модели как традиционную, восходящую к нехитрому и устоявшемуся опыту мелкокрестьянских хозяйств.

Насколько можно понять из рассказа Исхомах, весь годовой урожай собирался, перерабатывался и потреблялся в самом домохозяйстве. Доходность с поместья понималась как обеспечение достойной, сытой жизни всех членов данного домохозяйства. Вместе с тем Исхомах говорит о том, что он как богатый и уважаемый человек несёт расходы вне хозяйства, т.е. располагает излишками продукции и средств, получаемых в поместье. Исхомах перечисляет эти расходы — жертвоприношения богам, помощь друзьям в беде, исполнение поло-

⁷ Pomeroy S. Op. cit. P. 65-67; а также Pomeroy S. Slavery in the light of Xenophon's Oeconomicos // "Index". № 17 (1989). P. 11-18.

женных на богатых граждан литургий (т.е. хорегия, триерархия, гимнасиархия и др. (Оес. XI, 9). Исхомаху приходится покупать рабов, инвентарь, необходимое снаряжение, которое он со всей подробностью перечисляет. Иначе говоря, хозяйство Исхомаха по необходимости связано с рыночным оборотом. Однако проблема товарных связей, товарности Исхомаха не интересует. Товарные связи, конечно, непременная часть хозяйства, но весьма второстепенная часть. Опять-таки здесь проявляется прочная крестьянская традиция, которая предполагает, конечно, эпизодические контакты с рынком, выходы на рынок и получение звонкой монеты, но главный интерес всё-таки лежал в самообеспечении и автаркии хозяйства. Какого-либо влияния на структуру хозяйства, соотношение отраслей, производительность труда, качество продукции эти эпизодические связи не оказывали. Насколько нам известна реальная ситуация в Греции IV в. до н.э., товарные связи сельских поместий с городским рынком были довольно прочными и интенсивными, а торговля сельскими товарами на городских рынках была оживленной (об этом постоянно говорит Аристофан в своих комедиях, например, в "Ахарнянах"). Однако в идеальной модели поместья, описанного Ксенофонтом, эта сторона экономической деятельности отодвинута на второй план — повышение товарности хозяйства, интенсификация товарооборота рассматриваются как некое отклонение от принятого идеального состояния. Занятие земледелием, ведение поместного хозяйства в идеальном варианте это не столько производственный процесс получения прибыли, роста доходности, предполагающей сложные расчёты, наблюдение за меняющейся рыночной конъюнктурой, необходимость и целесообразность инвестиций, сколько приятное занятие, тренирующее физическую силу, сохраняющее здоровье, воспитывающее благочестие и добродетель. "Как видно занятие земледелием — это вместе с тем и какое-то удовольствие и обогащение и телесные упражнения, дающие организму силу для исполнения всякого труда приличному свободному человеку" (Оес. V. 1).

Идеальное поместье Марка Порция Катона (II в. до н.э.)

Марк Порций Катон Старший — один из крупнейших политических деятелей конца III — первой половины II в. до н.э. Выйдя из семьи зажиточных крестьян, собственными руками обрабатывающий свой небольшой земельный надел, Катон уже в начале II в. до н.э. превратился не только в крупного и самобытного политика, прошедшего всю лестницу римских магистратур, но стал богатым человеком, крупным землевладельцем, собственником нескольких поместий. Он хорошо знал итальянский опыт ведения сельского хозяйства, был знаком с практикой земледелия Балканской Греции и Испании, где он управлял провинциями, но, прежде всего, сам был рачительным и внимательным

хозяином своих собственных поместий. Суммируя свои обширные познания в организации хозяйства и технологии земледелия, Катон в начале II в. до н.э. написал специальный трактат "О земледелии", кстати первое прозаическое произведение на латинском языке, являясь и в области римской литературы, так сказать, первопроходцем. Этот первый специальный трактат о земледелии в римской литературе оказался настолько информативным и точным, что постоянно использовался итальянскими землевладельцами и сельскохозяйственными специалистами в течение последующих трёх столетий. Рекомендации Катона были весьма авторитетны для таких метров итальянской агрономии, как Колумелла и Плиний Старший, живших в середине I в. н.э. И уже в этом первом римском трактате о земледелии Катон наряду с самым тщательным анализом текущей реальной сельскохозяйственной ситуации II в. до н.э. описывает модель наилучшего идеального хозяйства, которая, по его понятиям, отличается от реальных поместий своей наивысшей рациональностью. Как можно увидеть, эта модель самым существенным образом отличается от греческой модели, описанной Ксенофонтом.

Эти отличия прослеживаются по нескольким направлениям и прежде всего в самой структуре поместного хозяйства как такового. Если домохозяйство Исхомаха — это неразрывное единство городского дома, выполняющего роль усадьбы, и сельского владения как совокупности сельскохозяйственных угодий, то для Катона городской дом существует сам по себе как автономная единица, а поместье само по себе как другая автономная хозяйственная единица. Поместье Катона — это комплекс угодий (зернового поля, виноградника, оливковой плантации и др.) и построенной среди угодий солидной усадьбы-виллы со складскими и производственными помещениями, жилыми комнатами для постоянного контингента работников-рабов, обширной кухней и большой печью. Здесь же находятся господские апартаменты со спальнями, стены которых украшены мозаиками и фресками, с комплексом банных помещений и другими комнатами, обеспечивающие

⁸ Литература о Катоне и его "Земледелии" необъятна. Отметим лишь некоторые имеющие прямое отношение к исследуемой проблеме: Gummerus H. Der römische Gutsbetrieb als wirtschaftlicher Organismus nach den Werken des Cato, Varro und Columella. Lpz., 1906; Dohr I. Die italische Gutshöfe nach den Schriften Catos und Varros. Köln, 1965; Martin R. Recherches sur les agronomes latins et leurs conceptions économiques et sociales. P., 1971; White K.D. Roman agricultural Writings. Varro and his Predecessors // Aufstieg und Niedergang der römischen Welt. V. 1. Berl.-N.Y., 1973. P. 439-497; Tieischer P. Des Marcus Cato Belehrung über die Landwirtschaft. Berl., 1963; Сергеев М.Е. Очерки по сельскому хозяйству Древней Италии. М.-Л., 1958; Кузищин В.И. Римское рабовладельческое поместье XI в. до н.э. — XI в. н.э. М., 1973.

хозяину и его семье определенный комфорт. "Господские апартаменты в имении — писал Катон, — строй по средствам. Если ты в хорошем имении хорошо построишься, хорошо поставишь дом, если тебе в деревне будет житься ладно, то ты охотнее и чаще будешь приезжать, с имением пойдет лучше, меньше будет неполадок и доходу ты получишь больше" (Cat. 4)⁹. Иначе говоря катоновское поместье в производственном отношении независимо от городского дома господина.

В таком поместье хозяин может жить круглый год и руководить своим хозяйством, что видимо и делали многие римские землевладельцы. Например, тот же Колумелла писал: "Кто купил себе имение, пусть продаёт дом, чтобы не предпочесть городского жилья деревенскому; кому городское обиталище больше по сердцу, тому деревенское имение не нужно" (Col. I. 18). Хозяин афинского поместья Исхомах этого сделать не мог. Римские архитекторы разработали особый архитектурный тип сельской усадьбы-виллы, в которой предусмотрены все необходимые части для производственного процесса (*villa rustica*) и достаточно комфортные апартаменты для хозяина и его семьи. К настоящему времени открыты и исследованы многие сотни римских сельских вилл, в то время как греческие сельские строения такого типа нам известны буквально в немногих экземплярах¹⁰.

С точки зрения организации сельскохозяйственного производства вилла римского типа, включающая городские апартаменты и сбалансированную, специально ориентированную хозяйственную часть, лучше обеспечивала рентабельное доходное производство. Не городской дом, а деревенская вилла становилась реальным центром сельскохозяйственного производства как такового. Поскольку поместье с виллой в центре становится автономной производственной единицей, слабо связанной с городским домом, землевладелец получал возможность иметь два-три и более поместий, которые могли работать в автономном режиме. А городской дом становился лишь потребляющим элементом крупного землевладения, в то время в Греции IV в. до н.э. городской дом играл роль, главным образом, организующего производственного центра.

9 Остатки нескольких (семи) вилл II в. до н.э. в окрестностях Помпей были исследованы учеником М.И. Ростовцева Роджером Каррингтоном: Carrington R.C. Some ancient Italian country-houses//Antiquity. V. 8. 1934. P. 261-275.

10 Литература о римских виллах огромна. Отметим лишь некоторые обобщающие работы: Oehme M. Die romische Villenwirtschaft. Bonn, 1988; Mielsch P. Die romische Villa-Architektur und Lebensform. Munich, 1987; Percival J. The roman Villa. An historical introduction. Berkeley, 1976; Mac Kay A.G. Houses, Villas and Palaces in the Roman World. N-Y, 1975; Skydsguard J.E. Den romerska villa rustica. Kobenhavn, 1961.

Если структура домохозяйства Катона и Ксенофонта-Исхомаха существенно различаются, то размеры их сельских поместий довольно точно совпадают. Катон совершенно определённо называет цифру в 100 югеров, т.е. 25 гектаров, что весьма близко к величинам сельских владений Ксенофонта. Более или менее близки по размерам и городские дома, в которых проживали греческие помещики II в. до н.э. и римские землевладельцы II-I вв. до н.э., если сопоставить исследованные городские дома в греческом городе Олинфе и итальянских Помпеях.

Довольно сходными с Ксенофоновыми были рекомендации Катона по организации рабочей силы, начиная с советов как обращаться с рабами и до выбора и определения функций управляющего-вилька и экономки¹¹. Однако при общей основе в этих рекомендациях можно заметить и существенную разницу. Если у Ксенофонта рабский персонал как производственный контингент един, то у Катона он разделен на сельских работников — *familia rustica* — и городских слуг — *familia urbana*. Рабы из *familia rustica* круглый год постоянно живут в поместье, здесь у них стационарные комнатки и все необходимые производственные помещения: кухня с очагом, где они питаются, алтари божеств, которым они поклоняются, здесь же они отмечают дозволенные им празднества¹². Оформление коллектива сельских рабов как постоянного контингента имело важные последствия в самых различных областях жизни и быта и даже в гражданском праве, но особое значение оно должно было иметь для самого процесса производства. Прежде всего оно позволяло ввести известную специализацию, единичное разделение труда, выделить в качестве особых специалистов: рабочих, пахарей, виноградарей, оливководов, скотоводов, о которых столь часто говорится у Катона и у последующих римских агрономов. Так, Колумелла писал: "Думаю я и следующее: нельзя давать любую работу кому попало, нельзя, чтобы все занимались всем. Это совершенно невыгодно хозяину, потому ли что никто никакое дело не считает своим, потому ли что старания одного идут на пользу не ему одному, а всем и поэтому от работы он всячески уклоняется; кроме того в плохой рабо-

11 Maroti E. The vilicus and villa-system in ancient Italy// Oikumene. Studia ad historiam antiquam classicam et orientalem spectantia. Budapest, 1976. P. 109-124; Carlsen I. Vilicus. A Study in roman estate management. L., 1994; Сегреенко М.Е. Вилик// ВДИ 1956ю № 4. С. 46-54.

12 Martin R. Familia rustica: les esclaves chez les agronomes latins// Actes du colloque 1972 sur l'esclavage. P., 1974. P. 267-298; Kolendo I. La religion des esclaves dans le "De agriculture" de Caton// Religion et anthropologie de l'esclavage et des formes de dependance. P., 1994. P. 267-274; Борщ И.Е. Сведения о рабах и рабстве в трактатах Ксенофонта "Экономика" и "Меморабилии"// ВДИ. Т. 3. 1963. С. 107-112.

те, выполненной многими людьми, нельзя уличать отдельных лиц. Поэтому пахарей следует обособить от виноградарей, а виноградарей от пахарей, а их от чернорабочих" (Coll. 9, 5-6). В конечном итоге это дело вело к повышению производительности труда сельской фамилии и интенсификации производственного процесса.

Важной новой особенностью оптимальной модели сельского поместья Катона, отличавшей его от модели Ксенофонта, был иной взгляд на цель занятий сельским хозяйством. Для Ксенофонта такая цель — не столько доход, прибыль, сколько удовольствие, добропорядочная жизнь на лоне природы. Для Катона имение это, прежде всего, доходное предприятие, напряженная деятельность хозяина по извлечению дохода и обогащению. "Хозяин обязан, — говорит Катон, — подвести счёт деньгам: хлебу, тому что приготовлено на корм скотине, вину, маслу; подсчитать, что продал, что взыскано (с должников), что остается, что есть на продажу, что должно быть получено, нужно получить. Остальное привести в ясность. Чего на год не хватит, то купить; чего есть излишек, то продать; что нужно сдать с подряда, то сдать. Хозяин должен распорядиться и оставить запись о том, какие работы он хочет сделать своими силами и какие хочет сдать с подряда. Он должен осмотреть скот, устроить распродажу; продать масло, если оно в цене, вино, лишний хлеб, продать состарившихся волов, молочных телят и ягнят, шерсть, шкуры, старую телегу, железный лом, состарившегося и болезненного раба, продать вообще всё лишнее. Хозяину следует больше продавать, чем покупать" (Cat. 2, 5-7). В связи с изменением акцентов в целях производства, получения, прежде всего, прибыли особое значение в катоновской модели приобретает проблема товарности производства, его ориентации на рынок. И здесь Катон направляет своё особое внимание на состояние путей сообщения, удобства и рентабельности ввоза и вывоза продукции, отношения собственника и торговца, состояние рыночной конъюнктуры, в частности, обилие (а стало быть и дешевизна) рабочей силы. "Ищи места с хорошим климатом, где не бывает бурь, с хорошей землёй, которая сама родит; покупай имение у подножья горы, обращенное на юг, в здоровой местности, где много работников, есть хороший водопой, а поблизости богатый город, море или река, по которой ходят суда, или хорошая оживлённая дорога. Пусть оно будет в такой местности, где хозяева меняются нечасто, а те, кто продал свои имения, жалеют о том что продали" (Cat. 1,2-4).

"Будь хорош к соседям, продолжает Катон, — рабам повинностей не спускай. Если соседи будут видеть тебя с удовольствием, ты легче продашь своё, легче сдашь подряды, легче наймешь рабов. Будешь строиться — они тебе помогут работой, подвозом, материалом" (Cat. 4, 1). Поскольку хозяйство ориентировано на рынок, его владелец уделяет повышенное внимание производственному процессу, определению

его оптимальной структуры, определению наиболее рентабельных отраслей, соотношению доходности и издержек при их возделывании, т.е. тому, что Ксенофонт практически опускает из своего рассмотрения. "Помни, — подчеркивал Катон, — что с землёй как с человеком — сколько бы он ни наживал, если он много проживает, то прибыли ему мало. Если ты меня спросишь, какое имение самое лучшее, то я скажу так — сто югеров с самой разнообразной почвой, в самом лучшем месте, во-первых с виноградником, если вино хорошее и если вина много, во-вторых с поливным огородом, в-третьих с ивняком, в-четвёртых с масличным садом, в-пятых с лугом, в-шестых с хлебной нивой, в-седьмых с лесом, где можно резать листья на корм скоту, в-восьмых с виноградником, где лозы вьются по деревьям, в-девярых — лес с деревьями, дающими жёлуди" (Cat. 1, 6-7). Как можно видеть из этого перечня, идеальное поместье Катона предполагает многоотраслевое хозяйство, в котором, однако, явно превалирует одна полевая отрасль — виноградарство, ведь наряду с прямоуказанными первой и девятой позициями, посадки ивняка явно работают на шпалерный виноградник, т.е. обеспечивают его так называемым "приданым" (прутьями для подвязки лоз, кольями для подпорки кустов и другими вспомогательными материалами). Здесь нет необходимости в более детальном анализе структуры поместного хозяйства Катона и организации собственно производства в нём, поскольку имеется обширная исследовательская литература на этот счёт¹³. Важно отметить фундаментальный принцип катоновского моделирования оптимального поместья — повышенный интерес собственно к проблеме производства и его рентабельности в первую очередь, чего нет в модели Ксенофонта.

Если обобщить приведённые выше основные принципы моделирования экономики греческого ойкоса Ксенофонта и римского поместья Катона Старшего, то можно наметить определённые черты сходства и различия. Сходство проявляется в том, что обе модели предполагают: 1) относительно средние по своим площадям (порядка 20-25 гектаров) поместья легко обозримые и удобные для управления; 2) централизованное производство, т.е. организованное и направляемое из одного центра, а не сдачу его в аренду мелкими участками арендаторам; 3) многоотраслевое хозяйство направленное на максимальное самообеспечение; 4) эпизодические связи с рынком, т.е. предполагающие некоторую товарность и, как следствие, минимальные инвестиции; 5) в качестве основной рабочей силы используются рабы порядка 15-20

¹³ Можно назвать лишь некоторые работы и прежде всего капитальную монографию: White K.D. *The Roman Farming*. L., 1970; а также: Kolendo J. *L'Agricoltura nell'Italia Romana*. Roma, 1980; Sirago A.V. *L'Agricoltura italiana nel II sec. a.c. Napoli*, 1971.

рабочих единиц, т.е. легко обозримый и удобный для управления контингент. Вместе с тем в этих моделях явно просматриваются и существенные различия, отражающие разную степень зрелости аграрных отношений Греции IV в. до н.э. и римско-италийского региона II в. до н.э.

Суть этих различий можно суммировать следующим образом:

1. Хозяйство Исхомаха было ориентировано всецело на городскую жизнь — городской дом являлся одновременно и усадьбой, игравшей роль производственно-жилого и складского центра всего домохозяйства. Имение Катона было преимущественно ориентировано на сельскую жизнь, на постоянное пребывание определённого контингента в деревне, в поместье, где находились стационарные жилые помещения, очаги, бани, кухни, алтари богов, господские апартаменты. Сельская вилла, а не городской дом, становится подлинным производственным центром всего поместного хозяйства. В римской архитектуре разрабатывается особый архитектурно-строительный тип сельской усадьбы-виллы, многочисленные остатки которых открываются во всех западных провинциях Рима;

2. Перемещение центра производственной деятельности в сельскую усадьбу-виллу, оформление постоянного рабочего контингента как коллектива сельских рабов — *familia rustica* — открывало более благоприятные возможности в рациональной организации хозяйства, управляемости производственным процессом, специализации работников внутри *familia rustica*, росту производительности их труда, улучшению технологий, а следовательно рентабельности и доходности хозяйства в целом;

3) Управление поместьем со стороны Исхомаха в идеале рассматривалось как совмещение собственно экономической деятельности как управленческого труда с приятным времяпрепровождением на природе как своего рода организации оптимального досуга, причём с преобладанием именно последнего. Для владельца римского идеального поместья управление имением есть напряжённый труд, тяжкое бремя расчетов, рисков, забот и размышлений, направленных на извлечение дохода и увеличение своего богатства, в то время как о приятном времяпрепровождении говорится как о побочном деле, например, у Колумеллы, а Катонem вообще игнорируется. Иначе говоря управление хозяйством рассматривается как вполне профессиональная деятельность, закономерной оплатой которой оказывается повышение общей доходности хозяйства;

4) Ойкос Исхомаха — Ксенофонта это в принципе самообеспечивающееся хозяйство с минимальной товарностью. Римское поместье ориентировано на рынок специально — в его структуре одна из отраслей (будь это виноградарство, оливководство или зерновое поле) работает рынок. А это обстоятельство вносит новый элемент в поместное

производство — в рыночной отрасли вводится передовая технология, подбираются лучшие работники-специалисты. Владелец поместья живо интересуется состоянием рыночной конъюнктуры, дорожной сети и транспорта. Иначе говоря, идеальное поместье Катона по сравнению с ойкосом Исхомаха выступает как хозяйство более организованное, как производственный организм нового типа предпринимательской, товарной экономики, чем домохозяйство Исхомаха, ещё не преодолевшее ограничителей традиционной, восходящей к мелкому земледелию дедовской технологии.

Естественно, эти различия в конечном счёте отразили и определили разные варианты экономического и, прежде всего, аграрного развития римской *civitas* и греческого полиса в конкретной исторической действительности.

М.Ф. Высокий

ОТНОШЕНИЯ ГОСТЕПРИИМСТВА МЕЖДУ РУКОВОДИТЕЛЯМИ ГОСУДАРСТВ

Проявления обычая гостеприимства мы находим в самых разных областях жизни греческого мира. В основной своей сущности проксения является отражением положения и интересов некоего лица, т.е. является частнопроводным актом. Однако вполне возможно, что в период архаики и классики в некоторых регионах греческой ойкумены этот частнопроводный акт трансформировался в оболочку для реально устанавливаемых политических отношений между государствами. Одним из таких регионов является итало-сицилийский.

Геродот, повествуя о событиях греко-персидских войн, в том числе и о столкновении греков с карфагенянами на Сицилии в 480 г., сообщает, что тиран Гимеры Терилл был гостеприимцем суфгета Карфагена Гамилькара (VII, 165).

Прежде всего следует убедиться, что данный фрагмент заслуживает доверия в плане терминологии, а не является литературным изыском. В историографии довольно часто встречается предположение, что информация Геродота об итало-сицилийском регионе позаимствована из трудов местных сицилийских и италийских историков¹. Однако более близкой к истине кажется вполне обоснованная гипотеза А.И.Доватура об использовании Геродотом устной исторической традиции, которая была оформлена в виде разного рода новелл (λόγοι). Действительно, подобный вывод напрашивается при изучении текста: при описании событий сицилийской истории историк ссылается на то, что рассказывают (λέγεται) сицилийцы, италийцы, карфагеняне. Иными словами, Геродот пользовался многочисленными устными преданиями, а учитывая небольшой хронологический разрыв между описываемыми им событиями конца VI — перв. пол. V в. и прибытием Геродота в Италию, можно вполне предположить, что историк общался с очевидцами некоторых событий. Что касается упомянутого фрагмента, то Геродот сам оговаривается, что о событиях 480 г. он имел информацию в том числе и непосредственно от карфагенян (εοτί δέ *im'* αὐτῶν

¹ Verdin H. De historisch-kritische metode van Herodotus. Brussels, 1971. S.223-234; Ильинская Л.С. Древнейшие островные цивилизации Центрального Средиземноморья в античной исторической традиции. М., 1987. С.25; 29.

² Доватур А.И. Повествовательный и научный стиль Геродота. Л., 1957. С.66-68. Возможно, что к подобному выводу склонялся и Ф.Якоби, который подчеркивал, что источники Геродота трудно выявить (Jacoby F. Herodotus// RE.II Suppl. 1913.S.455).

Καρχηδονίων δδε λόγος λεγόμενος, — VII, 167); по всей видимости, это относится и к сообщению о том, что Терилл был гостеприимцем Гамилькара, т.е. информация об этом в значительной степени достоверна.

Вообще, о Терилле известно крайне мало. Он пришел к власти где-то в 490-х гг. Естественно, его утверждение в Гимере сопровождалось острой борьбой внутри полиса, о чем свидетельствует появление изгнанников-гимерцев на территории Акраганта³, старинного противника Гимеры. Тем не менее, в период установившейся затем стабильности полис богател, что нашло отражение в активизации строительной деятельности: Гимера была реорганизована по новому плану, территория города значительно увеличилась, были построены новые святилища и реконструированы старые⁴.

Внешнеполитические и дипломатические связи тирана Гимеры были весьма обширны. Весьма тесные отношения были у Терилла с Селинунтом⁵. Вероятно, союзнические отношения связывали Терилла со Скифом, тираном Занклы, метрополии Гимеры: после свержения 494 г. Скиф не только сам бежал в Гимеру (Нег., VI, 24), но многие занклейцы, покинувшие родину, прибыли именно в Гимеру, где получили права гражданства, — из занклейцев составили филу и был проведен земельный передел с целью предоставить каждому эпойку участок земли⁶. Также союзнические отношения связывали Терилла с Анаксилаем, тираном Регия и впоследствии Занклы (Нег., VII, 165). Неплохие связи Терилл имел и с Карфагеном, причем связи политические были обусловлены в том числе и экономической подоплекой: Гимера была важным пунктом в торговом потоке между Карфагеном и Этрурией, и имела устоявшиеся торговые связи с Карфагеном и пунийскими городами Западной Сицилии⁷. Но ок. 483 г.⁸ Терилл был свергнут тираном

³ Dubois L. Inscriptions grecques dialectales de Sicile. Contribution a l'etude du vocabulaire grec colonial. Rome, 1989. № 165. Надпись датируется первыми годами V в.

⁴ Bonacasa A. Le probleme urbanistica di Himera// Quaderno Imerese.II. Palermo, 1982. P. 1-16; Adriani A. Scavi di Himera (1963-1967)>7Kokalos.XIII.1967. P.230; Manni E. Imera nella leggenda e nella storia// Annali dell'Istituto Italiano di Numismatica. Suppl. 15-16, 1971. P. 100.

⁵ Manni. Imera nella leggenda e nella storia. P.97-98; Tusa Cutroni A. La monetazione di Imera: aspetti e problemi//Quaderno Imerese.I. Palermo, 1972. P.117.

⁶ Brugnone A. Considerazioni sulla legge arcaica di Himera relative a un ghes anadasmus// Preatti. P.27-31. Бронзовая табличка с соответствующим декретом была найдена внутри храма D

⁷ Tusa Cutroni A. Rinvenimenti monetali ad Himera e nel suo territorio nel periodo arcaico//AION. Suppl. 16-17, 1971. P.73.

Акраганта Фероном. Тогда Терилл обратился за помощью к Гамилькару и участвовал в походе карфагенян на Сицилию в 480 г. После разгрома войска Гамилькара при Гимере Терилл пропадает из нашего поля зрения.

Возвращаясь к интересующему нас фрагменту Геродота, рассмотрим сначала политическую ситуацию, в условиях которой Терилл стал гостеприимней Гамилькара. В перв. пол. 80-х гг. на Сицилии сложилась система "блокового противостояния": с одной стороны, союз государств южного и юго-восточного побережья острова — Сиракуз во главе с тираном Гелоном Дейноменидом, и Акраганта во главе с тираном Фероном Эмменидом; с другой стороны, государств северного побережья Сицилии, — Регия-Занклы во главе с тираном Анаксилаем, и Гимеры во главе с тираном Териллом. Таким образом Терилл, будучи одной из ключевых фигур разворачивающихся событий, в сложившейся ситуации остро нуждался в союзниках, поскольку Акрагант, значительно превосходивший Гимеру по мощи, претендовал на ее территорию и представлял реальную угрозу для Терилла.

И в этих условиях Терилл становится гостеприимцем Гамилькара, сына Ганнона (Геродот ошибочно называет отцом Гамилькара Ганнона, хотя Гамилькар был сыном Магона, — Just., XLX, 1, 2). Согласно исследованиям последнего времени, ксения и проксения — это вид квазиродственных, родовых отношений⁹. И трактовка отношений между руководителями двух государств как отношений исключительно частного порядка, особенно учитывая сложившиеся на острове условия, довольно маловероятна. Очевидно, что речь идет об официальном межгосударственном союзе, возможно облеченном в форму неких частноправовых отношений.

Как кажется, имеющиеся в нашем распоряжении сведения подтверждают это. Прежде всего Терилл, будучи свергнутым Фероном, отправился именно к Гамилькару просить о *военной помощи*, и по сообщению Геродота, сыграл одну из ведущих ролей в организации экспедиции 480 г. (Heg., VII, 165), — подобные действия несколько странны для гостеприимца (Терилл вполне мог найти убежище и у своего зятя Анаксилы, тирана Регия и Занклы), но вполне обоснованы для политического союзника.

Мы имеем синхронные примеры заключения союзных договоров в виде установления родственных отношений между руководителями государств. Гелон, тиран Сиракуз, женился на дочери Ферона, тирана

⁸ Геродот сообщает, что Терилл был изгнан Фероном и отправился за помощью в Карфаген (VII, 165), а Диодор уточняет, что Гамилькар готовился к экспедиции 480 г. 3 года (XI, 1, 5).

⁹ Herman G. What is a Proxenia? // Prcatti. XI International Congress of Greek and Latin Epigraphy. Roma, 1997. P. 41.

Акраганта (Schol. Pind., 01., II, 29). Впоследствии политическое соглашение между Гелоном Сиракузским и Анаксилаем было скреплено браком дочери Анаксилы и младшего брата Гелона, Гиерона (Schol. Pind., Pyth., I, 112). Сам Терилл заключил союз с Анаксилаем, тираном Регия и Занклы, выдав свою дочь замуж за Анаксилы (Heg., VII, 165). И вполне возможно, что вступление Терилла в отношения гостеприимства с Гамилькарсом стало формально-правовым оформлением политического союза Гимеры и Карфагена. Определенным подтверждением подобной трактовки может являться и второе значение термина *προξενία*, — "договорной документ, соглашение"¹⁰.

Таким образом, можно с определенной долей уверенности утверждать, что в рассматриваемый период в итало-сицилийском регионе установление отношений гостеприимства, если они устанавливались между официальными лицами, являлось частноправовым оформлением политических отношений государств, как мы это видим в случае династических браков.

¹⁰ Дворецкий И.Х. Древнегреческо-русский словарь. Т.Н. М., 1958. С. 1391.

В. Дорофеева

СОЮЗЫ ЧАСТНОГО ГОСТЕПРИИМСТВА МЕЖДУ ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ АРИСТОКРАТИИ (ПО СОЧИНЕНИЮ КСЕНОФОНТА "АНАБАСИС")

Насколько нам известно, "Анабасис" Ксенофонта до сих пор не использовался в качестве специального источника для исследования отношений гостеприимства. На основании содержащихся в этом произведении сведений мы рассмотрим частное (личное) гостеприимство (ἡ ξένια) в двух аспектах: во-первых, как отношения, связывающие представителей элиты (как греков, так и варваров) и являющиеся принадлежностью аристократического этоса, во-вторых — как феномен, характеризующий особенности положения греческой аристократии (во всяком случае, определенной ее части) в современную Ксенофонт эпоху.

В "Анабасисе" упоминаются несколько частных союзов. Царевич Кир был связан узами гостеприимства со стратегами греческих наемников: Аристиппом-фессалийцем, Проксеном-беотийцем, Стимфалийцем Софенетом и ахейцем Сократом (I, II, 10-11), а возможно, и с другими стратегами. Сам же Ксенофонт — с Проксеном-беотийцем и спартанцем Клеандром, гармостом Византия (V, V, 5; VI, VI, 35). Кроме того, упоминается союз стратега Менона-фессалийца с начальником персидского войска Кира Ариейем, а также влиятельного гражданина Синоны Гекатонима с вождем пафлагонцев Кориной (II, IV, 15; V, VI, 11). К этому роду взаимоотношений можно отнести и союз Ксенофонта с фракийским царем Севфом, т.к. он предполагает даже установление родственных связей (VII, II, 38).

Замечательно, что в "Анабасисе" слова "гостеприимство" и "дружба", "гость" и "друг" — синонимы. Вообще же, словом φίλια в нашем источнике называются любые отношения, основанные на взаимных обязательствах, скрепленные клятвой и ритуалом (II, I, 20; II, V, 12; IV, VIII, 4-7; V, IV, 1). Эти отношения принципиально нерасторжимы, ибо нарушение их влечет за собой гнев Зевса-Ксениоса (III, II, 4)1. Однако в современном понимании это — дружба лишь по названию, ведь зачастую (хоть и не всегда) лишена главного, что отличает дружбу — добровольности и избирательности2. Установление подобных связей обусловлено стечением обстоятельств и соображением целесообразности. Но как бы то ни было, по заключении союза гостеприимства дружба, таким образом превращенная в социальный институт, перестает быть

проявлением индивидуально-избирательной склонности и обладает обе вступившие в союз стороны неотъемлемыми обязательствами. Если в идеале дружба не преследует утилитарных целей и является благом сама по себе, то здесь перед нами отношения, носящие прикладной, практический характер, их участники действуют совместно ради достижения конкретных целей3.

Заключение союза гостеприимства, как явствует из нашего источника, предполагало обмен дарами, участие в совместных пиршествах и т.д., что, впрочем, отнюдь не гарантировало ни сердечности, ни прочности отношений4 (пример тому в "Анабасисе" — союз Ксенофонта и Севфа (VII, VI, 15)). Обмен дарами между гостеприимцами имел экспрессивную нагрузку, как персонификация человеческих отношений, но, поскольку вменялся в обязанность, также не был свободен от прагматизма (VII, III, 18-32). Отношения эти несут на себе печать аристократизма: подобное времяпрепровождение и соревнование в щедрости было доступно только представителям элиты5. Достоинство человека, по праву занимающего высокое положение, согласно пропагандируемой в "Анабасисе" системе ценностей, заключается в умении "оказать благодеяние друг другу и отомстить врагу" (I, III, 6). Невыполнение этого требования влечет бесчестье (το αἰσχρὸν). В данном контексте, богатство — лишь средство: человек благородный, каким он предстает в описании Ксенофонта, оказавшись перед выбором, всегда предпочтет богатству славу (ἡ ευκλεία) и честь (ἡ τιμή) (VII, VII, 37-42).

Поскольку лица, заключавшие союз гостеприимства, принадлежали к элите (как греки, так и варвары), то, чтобы добиться соблюдения условий договора, весьма эффективно было апеллировать к их чести и чувству стыда (I, II, 11-12; VII, VII, 4-56). Данные социологических исследований позволяют утверждать, что подобная моральная ориентация отличала представителей аристократии самых различных доиндустриальных обществ.7

Другим действенным стимулом соблюдать законы гостеприимства являлся страх перед гневом и наказанием богов. Кара, ожидающая клятвопреступников, воспринималась как реальность (III, II, 1-6; V, VII, 27-33).

Отношения личного гостеприимства, как они описаны в "Анабасисе", основывались на взаимном доверии и верности. Это и понят-

3 Маринович Л.П. Греческое наемничество IV в. до н.э. и кризис полиса. М., 1975, стр. 176-177.

4 Кон И.С. Указ. соч., стр. 139.

5 Хейзинга Й. Homo ludens, М., 1992, стр. 76-77.

6 Оссовская М. Рыцарь и буржуа, М., 1987, стр. 46, 102; Хейзинга Й. Указ. соч., стр. 111.

7 Ерасов Б.С. Социальная культурология. М., 1996, стр. 339.

1 Курбатов А.А. Аристократия в социально-экономическом развитии архаической Греции. Астрахань, 1994, стр. 30-33.

2 Кон И.С. Понятие дружбы в Древней Греции. ВДИ, 1974, № 2, с. 136.

но: там, где встает вопрос о жизни и смерти, личное расположение приобретает особую значимость, становясь гарантом поддержки и взаимопомощи. В идеале, подобный союз подразумевал известное родство душ. Ксенофонт скрепляет союзом гостеприимства дружбу с Проксеном и Клеандром прежде всего потому, что они — люди безупречно честные, руководствуются общими с ним моральными принципами. Эта форма дружбы обнаруживает тенденцию к превращению в добродетель, т.к. предполагает в своей основе нравственные достоинства. Но и здесь дружба как ценность не самодовлеет, а интегрирована в систему социальных связей, регулирующих ее извне (обычай, закон) и изнутри (идеал добродетели).

Как мы видим, союз гостеприимства придавал отношениям двух лиц, связанных дружбой и оказывающих друг другу взаимные услуги, наиболее надежную и оптимальную форму, официально, юридически скрепляя их, поскольку содержал в себе и действенные механизмы исполнения принятых обязательств, и моральные ценности. И потому неудивительно, что Кир Младший предпочел образовать именно такой союз со стратегами-эллинами,⁸ хотя некоторые из них, став изгнанниками, не могли уже быть в строгом смысле слова гостеприимцами.

По внутренней своей сущности союзы частного гостеприимства весьма разнятся. Поэтому в научной литературе их оценивают и как отношения "вассалитета или клиентства" (К.К.Зельин полагает, что Ксенофонт выступал как бы под патронатом царя Севфа)⁹ и как квазиродственные связи¹⁰ (к таковым по ряду признаков приближаются отношения Ксенофонта и Проксена).

Данные "Анабасиса" приводят к выводу, что отношения личного гостеприимства играли важную роль в связях представителей элиты различных греческих полисов между собой, а также со знатными и влиятельными варварами. В этой связи, следует особое внимание обратить на слова Проксена о том, что "Кир стал для него дороже отчизны" (*αὐτός κρείττω νομίζειν τῆς πατρίδος*) (111,1,4). Очевидно, аристократ теперь мог предпочесть союз с другим высокопоставленным лицом служению родному полису и в этом не было для него ничего позорного. Правда, согласно Ксенофону, это оправданно, только если друг и гостеприимен — безупречная в нравственном отношении личность (подчеркнуто, что всех привлекала *ἀρετή* — добродетель Кира). Разу-

8 Максимова М.И. Примечания к "Анабасису" — в кн. Ксенофонт. Анабасис, М., 1994, стр. 250.

⁹ Зельин К.К. "Заметки о "Киропедии" Ксенофонта" — Гермес, 1917 №11-12, стр. 189, 192-193.

¹⁰ Preatti /XI Congresso Internazionale di Epigrafia Greca e latina// Gabriel Herman. What is proxenia? — p. 41.

меется, это условие было идеалом, не слишком часто встречающимся в реальной жизни.¹¹

Приведенные данные позволяют утверждать, что отношения личного гостеприимства, возникшие как способ оформления личных отношений между представителями аристократии еще на заре полисной цивилизации, не потеряли своего значения и в период ее упадка.¹² В обстановке внутривоисполненных смут, ставивших представителей элиты в положение хронически нестабильное, особенно в демократических полисах, личные союзы, оформленные клятвой и совместным ритуалом, спланивали их участников, порождали чувство солидарности и даже принадлежности к новому социуму (взамен ставшего чужим гражданского коллектива). С другой стороны отношения эти давали надежду на осуществление честолюбивых замыслов, предоставляя возможность "прославиться, получить большое влияние, разбогатеть" (II, VI,7). Возможно, в период, к которому относится действие "Анабасиса", к заключению союзов частного гостеприимства стали прибегать чаще, чем прежде, в более стабильные времена.

В заключении отметим, что поднятая нами тема требует дальнейших исследований с привлечением широкого круга источников.

¹¹ Борухович В.Т. Значение терминов голмоной и евной в публицистике и политической литературе Афин II пол. IV в до н.э. Уч. зап. Горьковского пед. института ин.яз.; вып. 5, 1957, с. 115. Фролов Э.Д. Афинская демократия: к оценке исторического феномена // Вестник С.-И. университета, сер.2, вып. 1, стр. 3-11.

¹² Никитина И.П. Проксения как правовой институт. Правовые идеи и государственные учреждения. Свердловск, 1980, с.3-20.

А.А.Молчанов, И.Е.Суриков

ПИСИСТРАТИДЫ — ПОТОМКИ ОТЦАЗАВШИХ В ГОСТЕПРИИМСТВЕ (АКТУАЛИЗАЦИЯ ДИНАСТИЧЕСКОГО МИФА)

Каждому, кто сталкивается с историей династии афинских тиранов Писистратидов, не может не броситься в глаза обилие личных имен с элементом *ἰπλ(ο)-*, употреблявшихся в этой семье. Как известно, отца Писистрата звали Гиппократом (Herod.1.59,1-4). Сам Писистрат дал двум своим старшим сыновьям, будущим наследникам его власти, имена Гиппий и Гигатарх (Herod.1.55). Известен еще Гиппарх, сын Харма, выходец из того же рода, ставший главой группировки сторонников тиранов после изгнания Гиппия и установления демократии в Афинах (Arist.Ath.pol.22,4).

Подобное настойчивое употребление "конных" имен в семье Писистрата вряд ли может быть объяснено только принадлежностью ее к родовой знати. Действительно, в среде последней вообще были достаточно популярны "агонические" и "высокостатусные" по семантике антропонимы с основой *ἰπλ(ο)-*. Однако необходимо сделать две важные оговорки.

Во-первых, изучение ономастики представителей старшей тирании во всем регионам греческого мира позднеархаической эпохи приводит к парадоксальному выводу: количество "конных" имен в этой среде поразительно невелико, несравненно меньше, чем можно было бы предположить. Нам известно не менее полутора сотен имен тиранов и членов их семей, относящихся к этому времени. Имена же с основой *ἰπλ(ο)-* можно в буквальном смысле слова пересчитать по пальцам одной руки (естественно, за вычетом афинских Писистратидов).

Три-четыре примера такого рода можно найти в городах Сицилии (Гела, Акрагант, Гимера)¹, причем все они относятся к более позднему периоду, уже к началу V в. до н.э. Удивляться приходится скорее не тому, что они есть, а тому, что среди сицилийских тиранов, блиставших конными победами в Олимпии и на других панэллинских играх, роль "гиппотрофического" ономастикона оказывается столь незначительной. Что же касается собственно Эгейского региона, то в его рамках (за пределами Афин) при самом тщательном поиске удастся обнаружить один-единственный прецедент "конного" имени тирана. Более того, прецедент этот в высшей степени характерен. Речь идет о Гиппокле, тиране Лампсака, что на Геллеспонте (Herod.IV.138,1). Этот Гиппокл находился в чрезвычайно близких отношениях с афинскими

Писистратидами. Гиппий, сын Писистрата, даже выдал свою дочь Археиду замуж за сына Гиппокла - Эантида (Thuc.VI.59,3). После изгнания из Афин Гиппий даже некоторое время жил в Лампсаке (Thuc.VI.59,4), где снискал себе безупречную репутацию, если судить по приводимой здесь же у Фукидида эпиграмме. Таким образом, мы и здесь остаемся в рамках круга Писистратидов, которые, следует признать, по своим ономастическим предпочтениям являли некое исключение среди архаических тиранов.

Вторая оговорка. Еще не столь странным было бы встретить большое количество "конных" имен в семье, действительно прославленной многочисленными победами в колесничных бегах. Так, имена с основой *ἰπλ(ο)-* присутствуют в VI в. до н.э. у Филаидов (Гиппоклид) и Кериков (Фенипп, Гиппоник). Но на счету обоих этих родов - неоднократные первые места в этом виде состязаний в Олимпии². У Алкмеонидов - еще одного рода, славного конными победами, — также периодически появляются подобного типа имена (Гиппократ, Ксантипп), причем происходит это в периоды наибольшего сближения Алкмеонидов с Писистратидами (начало 550-х гг., 520-е гг.)³ и, по-видимому, не случайно (о чем еще пойдет речь ниже).

Писистратида же колесничными победами отнюдь не блистали. Ни одному из представителей этого рода, похоже, ни разу не удалось стать олимпиоником или одержать верх в каких-либо других панэллинских играх⁴. Афинские тираны, насколько можно судить, даже ощущали в связи с этим определенный "комплекс неполноценности" и пытались исправить положение не вполне честными способами. Так, согласно Геродоту (VI.103,2-3), Кимон, сын Стесагора из рода Филаидов, уступил (*λάρεϊς*) Писистрату свою вторую олимпийскую победу, за что ему было позволено возвратиться в Афины из изгнания. Уже после смерти Писистрата, одержав третью победу в Олимпии, Кимон был убит по приказу Гиппия и Гиппарха - возможно, после отказа уступить эту победу им.

Итак, дело не только и даже не столько в общеаристократическом обычае, сколько в каком-то ином факторе. Обращение к предыстории аттического рода Писистратидов и учет некоторых аспектов деятельности самого знаменитого тирана Афин дают, как нам кажется, более

² Morctti L. Olymponilcai, i vincitori negli antichi agoni Olimpici. Roma, 1957. P.70,80 (победы Кериков); p.71,72 (победы Филаидов).

³ Raubitschek A.E. Dedications from the Athenian Akropolis. Cambridge Mass., 1949. P.338-340; Суриков И.Е. Перикл и Алкмеониды // ВДИ. 1997. №4. С.17.

⁴ Берве Г. Ук.соч. С.78. Иногда высказывается предположение о пифийской победе Гиппия и Гиппарха около 540 г. (Макаров И.А. Идеологические аспекты ранней греческой тирании // ВДИ. 1997. №2. С.32), но эта гипотеза не получила серьезного обоснования.

полное и логичное объяснение для отмеченных выше "ономастических пристрастий".

Уже неоднократно становилась предметом исследования религиозная политика Писистрата и его сыновей⁵. Справедливо отмечалось внимание афинских тиранов к культам Артемиды Бравронской, Диониса Элевтерия, Аполлона Делосского и Пифийского, Зевса Олимпийского, Элевсинских богинь и, конечно же, Афины Полиады. Но, говоря о последнем, часто забывают об одном существенном обстоятельстве.

В рассматриваемую эпоху культ Афины на Акрополе был неотделим от культа Посейдона. Мифологической основой для их сближения служил известнейший миф о споре указанных богов из-за обладания Аттикой. Этот миф практически без вариантов передается множеством античных авторов (см., например: *Herod.VIII.55,1*; *Apollod.HI.14,1*; *Strab.IX.396*; *Ovid.Met.VI.70-82*; *Plut.Mor.74lab*; *Paus.I.24,5;26,5;27,2*). Не случайно именно эта сцена была впоследствии изображена на западном фронте Парфенона. Именно она прежде всего вставала перед глазами каждого поднимавшегося на афинский Акрополь.

Но особенно важно то, что миф об Афине и Посейдоне, в отличие от многих других, имел в историческую эпоху ярко выраженное культовое наполнение. Источники сообщают, что на Акрополе был общий храм этих двух божеств. Для более позднего времени речь идет, безусловно, об Эрехтейоне (*Paus.I.26,5*; *Plut.Mor.74lab*). Афина почиталась в нем совместно с Посейдоном, который носил в Аттике эпikleзу "Эрехтей" (*Apollod.III.15,1*). Пожалуй, даже в классическую эпоху и позже именно Эрехтейон, стоявший на месте дворца афинских царей микенской эпохи, а не Парфенон был сакральным "сердцем" афинского полиса. Именно в нем отправлялись древнейшие культы, находились самые почитаемые святыни, такие, например, как знаменитый Палладий - изображение богини, якобы упавшее с неба (*Paus.I.26,6*). А в более раннее время этот храм был, безусловно, главным святилищем Афин и Аттики.

Дошедшее до нас здание Эрехтейона относится, как известно, к концу V в. до н.э. Однако Геродот (*VIII.55,1-2*) сообщает, что святилище Эрехтея существовало еще до разрушения Афин Ксерксом. С этим древнейшим Эрехтейоном следует, таким образом, идентифицировать монументальный храм Афины и Посейдона, стоявший в архаи-

⁵ Из последних работ см.: Kolb F. Die Bau-, Religions- und Kulturpolitik der Pisistratiden // *JDAI*. 1977/ Bd.92. S.99-138; Connor W.R. Tribes, Festivals and Processions // *JHS*. 1987. V.107. P.40-50; Залюбовина Г.Т., Щербakov В.И. Афины в период становления гражданской общины: афинские тираны и полисная религия // *Ранние цивилизации: государство и право*. М., 1994. С. 17-33; Маринович Л.П. Гражданин на празднике Великих Дионисий и полисная идеология // *Человек и общество в античном мире*. М., 1998. С.303-309.

ческую эпоху почти на том же месте и обычно называемый Гекатомпедоном. Специалисты по истории античного искусства датируют Гекатомпедон именно временем правления Писистратидов⁶.

Правда, совсем недавно была предпринята попытка пересмотреть датировку храма и отнести его сооружение к 500-м гг. до н.э. Эта попытка лежит в русле модной в последние годы тенденции приписывать культурные достижения эпохи тиранов клисфеновскому и послеклисфеновскому времени. Однако автор указанной гипотезы У.Чайлдс основывает свои выводы на очень спорных параллелях. Так, привлеченный им для сопоставления храм Аполлона в Дельфах относится, по его мнению, ко времени около 530 г. до н.э. Но большинство специалистов датирует завершение постройки этого храма 500-ми гг.⁸ По этой логике Гекатомпедон следовало бы датировать вообще 480-470-ми гг., а это, кажется, еще никому не приходило в голову.

Итак, мы не видим достаточных оснований для пересмотра традиционной датировки храма Афины и Посейдона. А следовательно, учреждение на афинском Акрополе параллельных государственных культов этих двух божеств произошло при Писистратидах. В древнейших Афинах II тыс. до н.э. культ Посейдона занимал очень важное место, но впоследствии был потеснен культом Афины⁹. А в VI в. до н.э. наблюдается как бы его повторная актуализация. В чем же причина столь подчеркнутого обращения афинских тиранов за покровительством к "владыке морей"?

Как показывают данные греческой мифолого-генеалогической традиции, культ Посейдона был наследственным культом афинского рода Писистратидов. Их легендарный предок по имени Писистрат считался, согласно родовым преданиям (*Herod.V.65*; *Paus.II.18,8-9*), внуком прославленного пилосского царя Нестора, воспетого Гомером мудрого старца, через сына последнего - тоже Писистрата. Нестор в свою очередь был сыном владыки Пилоса Нелея, претендовавшего на божест-

⁶ См., например: Всеобщая история архитектуры. Т.2. Кн.1. М., 1949. С.45,69,70; Соколов Г.И. Акрополь в Афинах. М., 1968. С.16; Колгшинский Ю.Д. Великое наследие античной Эллады и его значение для современности. М., 1988. С.65.

⁷ Childs W.A.P. The Date of the Old Temple of Athena on the Athenian Acropolis // *The Archaeology of Athens and Attica under the Democracy*. Oxf., 1994. P.1-6.

⁸ La Coste-Messeliere P. dc. Les Alcmeonides à Delphes // *BCH*. 1946. V.70. P.271-288; Prontera P. Gli Alcmeonidi a Delfi // *RA*. 1981. №2. P.256; Maass M. Die wirtschaftlichen und politischen Umstände der delphischen Tempelbauten // *Ktema*. 1988. V.13. P.9.

⁹ Залюбовина Г.Т. Архаическая Греция: особенности мировоззрения и идеологии. М., 1992. С.39-40.

венное происхождение: помимо земного родителя тому приписывался и отец из числа бессмертных обитателей Олимпа, роль которого в данном конкретном случае отводилась Посейдону (Paus.IV.2,5).

Не случайно культ именно этого божества являлся основным государственным культом в Пилосском царстве Нелеидов. Согласно "Одиссее" (III.5-10,40-64), в Пилосе микенской эпохи самым почитаемым божеством, к которому цари и весь народ обращались с мольбами, был Посейдон. Этот факт уже давно отмечен исследователями¹⁰. Стоит еще указать на то, что у Гомера главным хвалителем Посейдона оказывается не кто иной, как сын Нестора Писистрат. Данные эпоса подтверждают и эпиграфические памятники, датируемые около 1200 г. до н.э.: богатые жертвы Посейдону перечислены на табличках линейного письма В из Пилоса".

Посейдон, согласно мифам, был не только прародителем пилосского царского дома Нелеидов, но его активным покровителем и защитником. Так, когда Геракл, оскорбленный отказом Нелея оказать ему гостеприимство и очистить от скверны убийства, пошел на него войной, старший сын владыки Пилоса Периклимен, получивший от Посейдона дар превращения в различные живые существа, смог некоторое время сопротивляться победоносному герою - совершителю двенадцати великих подвигов (Apollod.I.9,9; II.7,3; Ovid.Met.XII.549-572).

Унаследовавший после Нелея пилосский престол Нестор носил почетное прозвище "конник геренский" (эпич.-эолийск. Ἰπλότα Γερήναιος?), многократно упоминаемое гомеровским эпосом¹². "Конные" ассоциации в данном случае напрашиваются именно в генеалогическом (сакрально-династическом) аспекте. Ведь связь коня с Посейдоном хорошо известна: этот бог почитался греками-ахейцами не только как владыка моря и колебатель земли, но и как повелитель коней¹³. Те же функции отводились ему и позднее (ср.: Horn. Hymn. XXII.1-5; Paus.VIII.25,5-7). В данной связи уместно вспомнить его эпikleзы "Ἰππότης", "Ἰππάρχος" и другие подобные им из того же семантического ряда. локальных аттических мифах

также

Примечательно, что в войне с Гераклом в качестве союзников Нелея выступали, согласно саге, его двоюродный брат Гиппокоонт, царствовавший в Лакедемонии, с сыновьями Гиппотоем и Гиппокористом (Apollod.II.7,3; преобладавшую в трудах эллинических мифографов версию о происхождении Гиппокоонта Спартанского и Нелея Пилосского от общего деда, Периеера, сына Кинорта, см.: Apollod.I.9,5; III.10,3-5), ранее тоже демонстративно отказавшие Гераклу в гостеприимстве (Apollod.II.7,3; Paus.III.15,3-5). В их именах отчетливо проступает та же "конно-посейдоновская" семантика¹⁴. Как видно, именно опираясь на родственную связь с могущественнейшим богом моря объединенный клан пилосских и спартанских владык осмелился, по мифу, отказаться в гостеприимстве самому грозному Гераклу и поначалу даже успешно противостоять ему вооруженной силой.

Такая престижная версия неизменно сохраняла особую ценность в ряду семейных преданий потомков Нелея и после изгнания их дорийцами под предводительством Гераклидов из Пилоса и переселения в Афины¹⁵. Согласно аттическим генеалогиям, сразу четыре видных евпатрических рода вели свое происхождение от пилосских Нелеидов: Кодриды-Медонтиды, Алкмеониды, Леониды и Писистратиды (Paus.II.18,8-9). Их родоначальниками были соответственно: Мелант, праправнук Периклимена, самого старшего из сыновей Нелея; Алкмеон, внук Фрасимеда, правнук Нестора; дети Пеона, сына павшего под Троей Антилоха и внука Нестора; Писистрат, сын Писистрата, внук Нестора.

Представители первого из перечисленных родов имели возможность на новой родине опереться на помощь и других членов разветвленного Нелеидского клана, прибывших туда же. По-видимому, пилосцы Нелеиды, эвакуируясь из Мессении на кораблях своего внушительного по мощи флота, смогли прихватить с собой немалую часть госу-

можно найти примеры прямой генеалогической связи с Посейдоном (привязки к Посейдону) персонажа, носящего имя с характерной "конской" семантикой, образованное с участием основы ἵππ(ο)-. Так, в роли эпонима одной из афинских фил выступал Гиппокоонт, сын Посейдона и Алопы, дочери побежденного Тесея элевсинца Керкиона (Demosth.LX.31; Paus.I.5,2; 38,4; 39,3; Hygin.Fab.187). Не менее очевидна еще одна аналогичная "генеалогически-семантическая" связка: Посейдон - Ипполит (через Тесея).

¹⁵ О роли Атики как "заповедника беглой ахейской знати" см.: Молчанов А.А. Микенские истоки семейных традиций у древних греков (генеалогический и сакральный аспекты) // Социальные структуры и социальная психология античного мира. М., 1993. С.76-78.

¹⁶ В походе ахейских вождей под Троей флот владыки Пилоса был, по свидетельству эпоса, вторым по численности после микенского: под предводи-

¹⁰ Palmer L. The Interpretation of Mycenaean Greek Texts. Oxf., 1963. P.267 f; Dietrich B.C. The Origins of Greek Religion. B.-N.Y., 1974. P.138 f.

¹¹ Dyczek P. Pylos in the Bronze Age: Problems of Culture and Social Life in Messenia. Warszawa, 1994. P.128,129.

¹² Существует мнение, что гомеровское Ἰπλότα, как и микенское c-qc-ta, следует связывать не с ἵππτος, а с ἑλτοια. (Webster T.B.L. Historical Commentary // A Companion to Homer. L., 1962. P.457). Однако, независимо от степени вероятности этой гипотезы, нет сомнения, что Гомером и в послегомеровское время эпитет Ἰπλότα однозначно воспринимался как "конник".

¹³ Vermeule E. Greece in the Bronze Age. Chicago-1., 1972. P.295; Chadwick J. The Mycenaean World. Cambridge, 1976. P.86.

дарственной казны. Именно это должно было помочь Меланту, утратившему престол в Пилосе, снова приобрести царский сан - уже в Афинах, устранив находившегося там у власти законного наследника из прежней династии Эрехтеидов-Тесеидов. Но и по мифологической высокородности Нелеиды, весьма кстати для них, оказались равны с последними. Ведь Посейдон (отец и Нелея, и Тесея) считался их общим предком. И это как бы само собой снимало возможные сомнения в "легитимности" перехода власти от Тесеидов к Нелеидам.

Кодр, сын Меланта, наследовавший своему отцу, сумел отразить наступление дорийцев на Атику. Он, по преданию, пожертвовал ради спасения страны собственной жизнью (Herod.V.76; Arist.Pol.V.8,5; Strab.IX.1,7; XIV.2,6; Vell.Pat.I.2,1-2; Paus.I.19,5; 39,4; VII.25,2; VIII.52,1), чем окончательно утвердил за своими потомками право на верховную власть в Афинах (а в дальнейшем и в ионийских городах). Характерно, что и за морем Нелеиды не забыли о старинных связях с богом-покровителем своей прежней родины. Как известно, главным культовым центром союза восточно-ионийских городов, основанных потомками Кодра, было святилище Посейдона на мысе Микале (Herod.I.148; Paus.VII.24,5).

О том, что память о божественных корнях их родословной бережно сохранялась членами афинской династии Кодридов-Медонтидов, свидетельствует периодическое появление в ее именнике антропонимов, связанных с основой Ιπλ(ο)-. Властвовавшие друг за другом в Афинах правнук и праправнук Кодра носили соответственно имена Архипп (согласно традиционной хронологии, он правил как пожизненный архонт на рубеже XI-X вв. до н.э.) и Терсипп (первая половина X в. до н.э., см. Castor FGhHist.250 F4). Отпрыска того же рода, десятилетний архонтат которого относится к 720-м - 710-м годам до н.э., звали Гиппоменом (Paus.IV.13,7; Suid.s.v. 'Ιππομένης).

Акцентирование генеалогической связи с древними царями Пилоса и их божественным прародителем у афинских Писистратидов отмечается уже в VII в. до н.э. Архонт-эпоним 669/8 г. до н.э., носивший имя Писистрат (Paus.II.24,7), вне всякого сомнения, принадлежит к этой семье. Так же был наречен и будущий знаменитый тиран Афин. Писистрат получил это имя именно в память о своем одноименном предке, сыне Нестора (это обстоятельство специально подчеркивает Геродот: V.65,5). Внуку тирана было впоследствии дано то же имя

тельством Нестора находилось 90 боевых судов (Ном.Π.Π.591-602). В распоряжении же афинян было лишь 50 кораблей (ibid.546-556). Некоторые данные о военном флоте пилосских царей сообщают и таблички линейного письма В: Молчанов А.А., Нерознак В.П., Шарыпкин С.Я. Памятники древнейшей греческой письменности (введение в микенологию). М., 1988. С.56.

(Thuc.VI.54,6-7; IG.I².761)¹⁷. Следует отметить, что эпические, "гомеровские" имена в целом исключительно редко встречаются в среде афинской аристократии архаической и классической эпох. Таким образом, перед нами - явно не случайное повторение антропонима, а вполне сознательный пропагандистский прием, служивший легитимизации притязаний Писистратидов на верховную власть в полисе. В этом же русле лежит и отмечавшееся выше настойчивое употребление ими "конной" (т.е. в данном случае связанной с Посейдоном) андронимии.

Тирану Писистрату, изобретательнейшему политику, возможно, не первому пришло на ум актуализовать генеалогическое предание своей семьи вместе с культом Посейдона. Но он придал этой актуализации воистину государственные масштабы, вплоть до постройки на Акрополе монументального сооружения - Гекатомпедона. Это мероприятие призвано было способствовать еще большему росту его престижа. Аналогичную пользу мог он извлечь и из другого "широкого жеста деятеля общегреческой культуры" - письменной фиксации (заодно с соответствующей афинским интересам тенденцией при редактировании) гениальных поэм Гомера. Ведь в "Илиаде" и "Одиссее" одно из самых видных мест принадлежит предкам Писистрата - Нестору и его сыновьям. И это при том, что они, в сущности, не имеют непосредственного отношения к основным сюжетным линиям поэм и у рапсодов, казалось бы, не было прямой необходимости столь подробно останавливаться на их деяниях.

Именно на время правления Писистрата падает возобновление в Афинах интереса к мифологическому образу Тесея (Plut.Thes.20)¹⁸. Культ этого героя посвящена огромная литература. Мы же в связи с темой данного доклада хотели бы лишь еще раз напомнить, что Тесей но своему божественному родителю Посейдону оказывается ближайшим родственником Нелеидов и, оказывая ему почести, афинские тираны косвенно действовали и в собственную пользу, тем более что прямых потомков Тесея в архаическую эпоху в Аттике уже не было.

Следует отметить еще и то, что период правления Писистратидов характеризуется большой частотой "нелеидских" сюжетов в памятниках афинского искусства, в частности, в вазописи. Специалисты, исследовавшие такого рода сцены, считают даже, что в это время мифы о Несторе и его семье просто-таки носились в воздухе¹⁹.

¹⁷ Arnush M.F. The Career of Peisistratos Son of Hippias // Hesperia. 1995. V.64. No.2. P.135-162.

¹⁸ Τιβέριος Μ. Θερᾶς καὶ Παναθήναια // The Archaeology of Athens... P.135.

¹⁹ Shapiro H.A. Painting, Politics and Genealogy: Peisistratos and the Neleids // Ancient Greek Art and Iconography. Madison, 1983. P.87-96.

Примечательно, что отдать дань той же актуализации генеалогического мифа почел за благо и другой претендовавший на власть в Афинах род, имевший тех же отдаленных предков, что и Писистратиды, а именно Алкмеониды. Правда, некоторые исследователи придерживаются точки зрения, что пилосское происхождение Алкмеонидов фиктивно²⁰. Однако при ближайшем рассмотрении выясняется, что оснований для сомнения нет. Местом изначального проживания Алкмеонидов в Аттике была Паралия, то есть побережье (как и у Писистратидов), в то время как автохтонные роды селились на срединной равнине (πεδιον). Далее, отмечалось, что имена на 'Алк- в греческой мифологии часто связаны с Посейдоном²¹. Наконец, недавно Дж.Кэмп по совершенно независимым соображениям пришел к выводу, что культовым центром Алкмеонидов было знаменитое святилище Посейдона на мысе Суний²². Если это действительно так, то перед нами еще один знак пилосского наследия в среде афинской знати.

Выше мы уже отмечали весьма показательные имена некоторых Алкмеонидов VI в. до н.э.: Гиппократ, сына Мегакла и Агаристы, брата знаменитого афинского законодателя Клисфена, и его двоюродного брата - тоже Гиппократа (сына Алкмеонида). Особенно логичным заинтересованное соучастие Алкмеонидов в ставшем государственным (а прежде семейно-родовом, общем для всех Нелеидов) культе Посейдона выглядело бы для периода временного политического, и одновременно брачного, альянса Алкмеонидов с Писистратидами.

Актуализировав свое сакрально-генеалогическое предание, афинские тираны с неизбежностью заново приняли на себя вместе с ним и весь "шлейф" соответствующих импликаций, в том числе и негативных, как "потомки отказавших в гостеприимстве". И поэтому как закономерное проявление высшей справедливости мог быть воспринят многими современниками тот факт, что судьба уготовила Писистратидам неожиданное возмездие (а по тогдашним расхожим представлениям - неминуемую расплату "по счетам предков") именно от рук потомка когда-то оскорбленного Нелеидами Геракла. В 510 г. до н.э. спартанский царь Клеомен I, разорвав союз гостеприимства (ксению) с сыновьями Писистрата, двинул войско в Аттику и лишил их власти (Herod.V.63-65; Arist. Ath. pol. 19).

²⁰ Wade-Gery H.T. Essays in Greek History. Oxf., 1958. P.106 f.; Колобова К.М. К вопросу о возникновении афинского государства // ВДИ. 1968. №4. С.43 сл.

²¹ Butterworth E.A.S. Some Traces of the Pre-Olympian World in Greek Literature and Myth. B., 1966. P. 187-188.

²² Camp J. Before Democracy: Alkmaionidai and Peisistratidai // The Archaeology of Athens... P.9.

Л.Л.Селиванова

ОБИДА — НЕЗВАННАЯ ГОСТЬЯ

В древности "обычай" понимался как часть установлений, которую люди предписали самим себе. Другую же часть люди записали и назвали "законами" на основании того, что "в них представлен тот порядок, который должен быть принят". Сила писаных законов является постоянной, и тому, кто следует им, выпадают на долю хвалы, почести, доброе имя и полная безопасность, а тому, кто преступает — наказания и опасности (Artemid. Oneir. IV 2). Таковы определения в человеческом обществе. Нашей темой является нарушение обычая гостеприимства богами, которые законов не писали. И потому для богов можно говорить лишь об обычае, который, как сказала первая дельфийская пифия Фемоноя, есть неписанный закон (Ibid.).

В основу доклада положены два известных мифа, объединенных общим мотивом — мотивом обиды богини раздора Эриды, не приглашенной на свадебный пир. В результате на свадьбе Пелея и Фетиды появляется злополучное яблоко раздора — причина Троянской войны, а свадьба Пиритоя и Гипподамии вылилась в кровавое побоище между лапифами и кентаврами.

Чтобы глубже понять причины отказа в гостеприимстве и логику последовавшей затем мести разгневанного божества, надо обратить внимание на обстоятельства, при которых все это происходит. Во-первых, это не простая свадьба: на ней присутствует весь олимпийский сонм, все двенадцать богов. Во-вторых, боги пришли в гости к смертным. В-третьих, ссора, раздор с далеко идущими последствиями происходят непосредственно на пиру и связаны с недопущением к брачной трапезе. В-четвертых, наконец, недопущенная к столу Эрида все же приносит свой роковой дар, выступая при этом в функции мойры, доли.

Рассмотрим подробнее каждое обстоятельство.

Почему на свадьбу приглашены все двенадцать богов Олимпа? Двенадцать — священное число. Древняя двенадцатиричная система счисления, дошедшая и до наших дней (12 часов, 12 месяцев), оставила следы во многих религиозных системах. Знаменитейшая шумерская поэма "О все выдавшем" (более известная как "Эпос о Гильгамеше") изложена в двенадцати песнях - "таблицах". Двенадцать сыновей Иакова — эпонимы двенадцати колен Израилевых. Двенадцать т.н. "малых" ветхозаветных пророков. Символикой числа 12 пронизан эсхатологический образ "небесного Иерусалима" (Апок. 21. 12-14). В германоскандинавской мифологии пантеон, как и у греков и римлян, состоит

из двенадцати богов-асов. Двенадцать Адитьев — небесных божеств в послелевийский период в древнеиндийской мифологии.

Часто встречается это число и в религии эллинов. 12 подвигов Геракла, 12 аттических общин объединил в одно государство Тесей (и праздник Синойкии в честь этого справлялся за 12 дней до "всеафинских" Панафиней), 12 пленных троянцев были принесены в жертву Ахиллом на могиле Патрокла, через двенадцать дней и ночей прибыла на Делос от гипербореев беременная Лето (Aristot. Hist. anim. VI. 35 p. 580 a 15; Hecat. frg.2; Ael. Hist. anim. IV.4), на 12 кораблях совершал плавание Одиссей, 12 женихов претендовали на руку Гипподамии, 12 колесниц и дважды 12 воинов сокрушал сразу сын Геи и Урана гигант Алкионей, 12 детей (6 сыновей и 6 дочерей) было у бога ветров Эола (Od. IX. 5-7)...

Значение числа 12 коренится в символике зодиакальной дюжины. Это число избранных (12 олимпийцев, которым, кстати, предшествовали 12 титанов и титанид — детей Урана и Геи: Океан, Кой, Крий, Гиперион, Иапет, Крон, Тетис, Феба, Мнемосина, Тейя, Фемида, Рея. Ср. также 12 апостолов Христа), число полного кругооборота (12 рыцарей круглого стола, 12 эриний в "Эвменидах" Эсхила), равновесия, гармонии (Платон в "Тимее" и пифагорейцы говорили о скрытой структуре мира в виде додекаэдра — правильного 12-гранника), это также число годовичного свершения (урукский царь Гильгамеш в поисках бессмертия проходит насквозь подземный тоннель — путь бога солнца Шамаша под горами Машу протяженностью 12 бэру-поприщ — и попадает в райский сад). О том же ясно свидетельствует миф о 12 детях Гелиоса-Солнца от нимф Климены и Роды (Hug. Fab. 154; Pind. Ol. VII. 13). Гелиады, кстати, славились как великие знатоки астрологии.

Поэтому прибавление к священной дюжине, к гармонии единицы несет неустroение, хаос, распря ("чертова дюжина"). Мир того социума, в который приходит тринадцатый, неизбежно рушится. 12 женихов Гипподамии погубил отец ее, царь Писы Эномай, 12 отрубленных голов украшали царский дворец, пока не появился 13-ый жених Пелопс, который и стал погубить Эномай (Apollod. Epit. II.5). Могильный холм, насыпанный Пелопсом над захоронениями женихов, показывали еще во времена Павсания (Paus. VI. 21. 9-10).

С 12 товарищами, сам тринадцатый, пришел Одиссей в пещеру к циклопу Полифему, умоляя его о гостеприимстве во имя Зевса Ксения. Святотатственно нарушивший обычай гостеприимства циклоп одного за другим поедает шестерых гостей и ослепляется остальными во главе с Одиссеем (Od. IX. 266-271). Полифем жалуется любимому барану,

под которым спрятался тринадцатый гость, на обиду, нанесенную "злоковарным разбойником" (Od. IX. 459-460).

В этой же связи следует рассматривать и появление на мирном пиру двенадцати богов тринадцатой, которой могла быть только Эрида — Раздор. Ссора при этом часто происходит на пиру. Так, например, в "Младшей Эдде" ("Язык поэзии") асы, приглашенные на пир к Эгиру, приходят в количестве 13 богов (вместе с Одним). Тринадцатым оказывается Локи, буйный, коварный бог, подобный греческому Аресу, трикстер, противостоящий Одину. На этом пиру Локи, убив раба хозяина, разбранился со всеми богами, признавшись среди прочих откровений в убийстве общего любимца Бальдра. Как персонификация зла, ложный бог, он сопоставим с Иудой, а также с другим предателем — Мордредом, единственным из рыцарей круглого стола, кто предал короля Артура. Гомеровские эпитеты Эриды "свиная, возжигающая брань" *καρτερή λαοσώβος* (П. XX 48), "сеющая ярость меж ратями", "несытая бешенством Распря" — *ἀμότην μεμάρτα* (П. IV 440; V 518) почти не отличаются от кеннингов Локи, также тринадцатого гостя: "недруг богов", "кузнец бед", "зачинщик распр между асами", "позорище богов и людей" ("Младшая Эдда").

Гомер знает Эриду только как демона войны, зачинательницу раздора, богиню ратной брани, носящуюся над войсками вместе с братом Аресом, Энио, Страхом и Ужасом и сеющую ярость и стоны на гибель взаимную. В "Илиаде" в этой функции нередко выступают и другие божества: Зевс, Гера, Афина, Артемида, Афродита². Вместе с Ужасом, Силой, Погоней, а также горгонейоном изображена Эрида на эгиде Афины; вместе с Кюдаимос (Смутью) и Керой (Смертью) — на щите Ахилла (Il. V 740; XVIII 535). У Гесиода Распря вместе с Напором, Отпором, Рокотом, Ужасом, Мужеубийством, Смятением и Керами изображается на щите Геракла, и этому посвящена большая часть поэмы (Scut. 154-255). Весьма при этом показательно, что в центре щита был дракон, над головой которого витала Распря, а вокруг ... головы 12 змей, "несказанно ужасных", начинавших скрежетать зубами во время

¹ Между прочим, как остроумно показал М.Альден, прослеживается параллелизм между поведением Одиссея в пещере Полифема и по возвращении Одиссея домой (причем не только на сюжетном, но и на языковом уровне). Роль возвратившегося в свой дворец Одиссея аналогична роли возвратившегося в свою пещеру Полифема: герой научился на своем опыте избегать не только собственных ошибок, но и ошибок циклопа. // Альден М. Умный циклоп? — VI Международная конференция по "Одиссее". ВДИ №3 1991 С. 247.

² Селиванова Л.Л. Боги войны у Гомера // Античность: история и историки. Казань, 1997. С. 55-61.

сражений (Idem. 161-164). В образе демона в забрызганной кровью одежде предстает Эрида на щите Ахилла на картине у Филострата Младшего (Imag. XI.11). Отвратительной видом изображена она на ларце Кипсела в поединке Аякса и Гектора и на картине в храме Артемиды Эфесской работы мастера Каллифонта (Paus. V. 19. 2). Аристофан в комедии "Мир" представляет Раздор исполином с громадной ступкой в руках (236 sqq.).

Однако, Эрида имеет также и прямое отношение к браку (что в связи с ее функциями факт весьма примечательный)³, хотя ее и стараются не приглашать.

Свадьбу своей любимой воспитанницы Фетиды устраивала сама Гера, покровительница божеских и людских браков. К Фетиде прежде сватались Зевс и Посейдон, но оба отступили, узнав о пророчестве, что сын, рожденный Фетидой, будет сильнее и могущественнее отца. Фетида кроме того отвергла все ухаживания Зевса, и он решил выдать ее замуж за смертного. Гера же из благодарности выбрала ей самого благородного из смертных — Пелея, созвала всех богов на пир и сама зажгла брачный факел (Ap. Rhod. IV. 785 sqq.). Свадьбу сыграли у пещеры Хирона на горе Пелион. Олимпийцы восседали на двенадцати тронах. Зевс был посаженным отцом. Музы и Мойры пели. Ганимед обносил всех нектаром. Боги подарили новобрачным богатые подарки (Eur. Iphig. Aul. 703 sqq., 1036 sqq.; Ap. Rhod. IV. 790; Cat. 64. 305 sqq.). Любопытно, что, согласно Пиндару (Ismm. V), Пелею пообещал в супружии "морскую nereиду с золотым веретеном" Зевс Гостеприимец за то, что Пелей не нарушил законов гостеприимства когда, будучи в гостях у царя магнетов Акаста, не поддавался соблазну и отверг его жену Ипполиту. Таким образом, брак изначально был устроен Зевсом и Герой и освящен присутствием всех олимпийцев. Брак богини со смертным нуждался в особой защите, и Гера не пригласила на свадьбу своей любимицы Эриду, которая

3 Любопытно, что существовали божества, прямо враждебные браку (contrarius nuptiis). И это не Гестия, хранительница домашнего очага, или Артемида, которой девушки перед свадьбой приносили прядь волос (Apollo. I. 4, 1; Callim. Hymn. III. 20-25), хотя это должно было бы ожидать от целомудренных богинь-девственниц. Согласно Сервию (Comm. in Verg. Aen. IV. 58), трое богов были настроены против брака: Деметра из-за похищения дочери Аидом, Аполлон, который вообще сторонился женщин (Apollinem, qui exerts uxoris est) и Дионис, которому среди вакханок не было нужды похищать себе жену для законного брака (ille inter Bacchas non fida conubia sed stupra exerceat, nec nisi raptam coniugem habere potuerit). К этому списку Артемидор добавляет и Кору, что понятно (Oneir. II 39).

Малая в самом начале, она пресмыкается; после
В небо уходит головой, а стопами по долу ступает.

(Пер. Н. Гнедича. Ил. V. 443-444).

Действительно, греки, принося свадебные жертвы Гере Гамелии, желчь животного не сжигали на алтаре, а выбрасывали или зарывали в землю в знак того, что гнев и горечь должны быть далеки от брачной четы⁴.

В Греции брачные ритуалы воспроизводили пример Зевса, тайно соединявшегося с Герой (Paus. II. 36. 2). Иерогамия была образцовой моделью брака человеческого. И потому присутствие олимпийцев также на свадьбе Кадма и Гармонии, Пиритоя и Гипподамии с теми же неизменными дарами и восседанием на двенадцати тронах придает брачному союзу характер не только священный, но и космический⁵. Следование модели священного брака приветствовалось богами, но горе тем смертным, кто дерзнул выйти за ее рамки! Антонин Либерал (Metamorph. XI) рассказывает о супружеской чете плотника Политехна и искусной ткачихи Аэдон, которые были счастливы, пока почитали богов. Но затем с уст их сорвалась нечестивая речь, что они любят друг друга больше, чем Гера и Зевс. Ревнивая Гера наслала на них Эриду, и та внесла раздор в их дела. Конец был страшный (развитие событий полностью повторяет легенду о Терее, Филомеле и Прокне). Таким образом, Эрида оказывается связанной с функциями своих сестер Эриний-Эвменид и Немезиды. Но в мифе о свадьбе Пелея и Фетиды она вряд ли дочь Геры, так как не дерзнула бы ослушаться ее, тем более вовлечь мать в спор с унижительным судом у смертного. По Гесиоду (Theog. 211 sqq.), Эрида — дочь Ночи, сестра Мойр, Немезиды, Кер, Мома. (А на щите Геракла Мойры Клото, Лахесис и Атропос предводительствуют Керами (Scut. 249 sqq.). Да и у Гомера "бога войны, мужегубца Арея сестра и подруга" (II. V. 441) Эрида стоит особняком, в стороне от своих, как надо понимать, родителей. Даже с Аресом, ненавистным всем богам, Гера и Зевс общаются хотя и бурно, с руганью, но все же по-родственному, как с беспутным сыном. Зевс говорит, что с радостью зашвырнул бы Ареса в Тартар, если бы тот не был его порождением. С Эридой же отношений никаких, как будто это не просто чуждое божество, а вообще стихия, стоящая даже над богами — ведь именно ей удалось возжечь брань между богами, не желающими

⁴ Латышев В.В. Очерки греческих древностей. Ч.И. Богослужбные и сценические древности. СПб., 1889. С.236.

⁵ Элиаде М. Священное и мирское. М., 1994. С.93, 104-107; Грейвс Р. Мифы Древней Греции. М., 1992. С.274.

ми воевать друг против друга.⁶ И тогда "вскричала Афина, страшно, как черная туча, завыл и Арей меднолатный". В эпосе содержатся явные следы культа мощного надмирного божества, которое имеет власть над другими богами (что и должно ожидать от дочери Ночи, древнейшей богини, которую боялся сам Зевс). Становится понятным поэтому, почему у Эсхила Эрида поднимается на космический уровень, заставляя Гелиоса повернуть квадригу назад, так что солнце в итоге село на востоке. Обидеть такую богиню опасно, страшно представить, к чему это может привести. Тогда просыпается и возрастает, подобно самой Эриде, богиня Ата,

Дщерь громовержца, Обида, которая всех ослепляет,
Страшная; нежны стопы у нее: не касается ими
Праха земного; она по главам человеческим ходит
Смертных язвя; а иного и в сети легко уловляет.
Древле она ослепила и Зевса, который превыше
Всех земнородных и всех небожителей...

(Ил. XIX. 912-95. Пер. Н.Гнедича).

И вот, в другом мифе Пиритой, собираясь жениться на Гипподамии (или Дейдамии), пригласил на свадьбу всех богов, кроме Эриды, памятуя о том, сколько бед принесла богиня раздора на свадьбе Пелея и Фетиды. Обиженная богиня в отместку за пренебрежительное отношение с помощью Ареса подстроила на свадьбе драку с кентаврами, которые, перепившись вина, бросились похищать женщин (в том числе и невесту) и мальчиков (Apollo. Erit. I. 21; Diod. IV. 70; Hyg. Fab.33). Тесей с Пиритом отбили Гипподамию, отрезав кентавру Эврипиону нос и уши, и продолжили драку дотемна. Так началась длительная вражда между лапифами и кентаврами (Od. XXI. 295; Pind. frg. 166; Athen. XI. 476 b; Paus. V. 10. 2).

Особенно важным является недопущение Эриды к свадебной трапезе. Сохранился единственный фрагмент драмы Софокла "Эрида" (190 (199)) - вероятно, из речи не допущенной на пир героини:

Голодная, на пирожки я зарюсь.

(Характерно, что, по Гесиоду (Theog. 227), Эрида, кроме Скорби, Забвенья, Схваток, Тяжб и проч., породила еще и Голод⁷).

⁶ Вначале богам удавалось дистанцироваться от людских усобиц, в которых люди, "как волки, в битве ярились. Вражда веселилась, виновница бедствий, Токмо одна от бессмертных при страшной присутствия сече. Боги другие от брани давно удалились..." (Илиада. XI 72-75).

⁷ Прожорливость Эриды вовсе не случайна. Здесь уместно вспомнить мотив испытания едой во время сватовства сказочного героя, которому между

Еда занимает видное место в свадебных обрядах. В ритуалах совместной еды и питья устанавливались не только отношения особой близости (дружба, гостеприимство), но и осуществлялось причащение, приобщение, слияние микро- и макрокосмоса, восстанавливающее некую недостающую и приводящее к новой гармонии и единству.⁸ Не принять участие в общей трапезе равносильно вероотступничеству и связанному с этим отлучению от остальных членов общины.⁹ Общность еды создает общность рода. "Только члены семьи или рода могут участвовать в трапезе. Если чужеземцу разрешается принимать участие, то этим он принимается в род или становится под его защиту".¹⁰ Отказ Эриде в гостеприимстве лишний раз подчеркивает отношение к ней олимпийцев как к чужеземке. Исключение кого-либо из такого обряда исключало также и его влияние (хорошее или дурное) на социум. С другой стороны, принесенный в дар предмет становился своего рода проводником влияния дарителя. Таков известный мотив в сказке о спящей красавице: по случаю рождения принцессы были приглашены на пир 12 фей (конечно, добрых), а тринадцатую (злую) не пригласили по очень банальной причине: во всем дворце не нашлось тринадцатого прибора. Явившаяся колдунья предредила девочке смерть в 16 лет от укола веретеном, которое впоследствии ей сама и поднесла (ипостась судьбы, мойры). Яблоко Эриды несет в себе ту же идейную семантику.

Остановимся на этом образе подробнее. Яблоки вообще считались даром любви, а также имели прямое отношение к браку (ср. миф о

прочим предлагается за один раз съесть 12 быков жареных, 12 кулей печеного хлеба или 12 волов, 12 баранов и 12 кабанов (как в сказке о Покатигорошке). Гипотеза О.М.Фрейденберг о том, что герой прожорлив потому, что "прожорлива и ненасытна смерть", конечно, может объяснить и голод Эриды, сестры Кер и прочих. Однако, представляется более точным мнение В.Я.Проппа, который видит в этом "отражение форм ритуальной еды, связанной со вступлением в брак и с пребыванием в ином мире" (Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1986. С. 317-318).

⁸ Топоров В.Н. Еда // МНМ. Т. I. М., 1987. С. 428-429; Тайлор Э.Б. Первобытная культура. М., 1989. С. 476; Фрэзер Д.Д. Золотая ветвь. М., 1983. С. 449. 451-452, 465, 475-482, 500; Пропп В.Я. Указ. соч. С. 68-69.

⁹ Фрэзер Д.Д. Указ. соч. С. 475. Пиршество, как указывал Э.Б.Тайлор, было религиозной церемонией, целью которой было чествование богов (Указ. соч. С. 476).

¹⁰ Nilsson M.P. Primitive Religion. Tübingen, 1911. S. 75.

11 Бросающаяся в глаза омонимия то μήλον (овца) и то μήλον (яблоко) получила объяснение у Палефата (De incredib. XVIII) в свойственном ему духе эвгемеризма, а в "Соннике" Артемидора такого рода толкование по созвучию было высмеяно, как глупость (Oneir. IV 22).

состязании в беге между Аталантой и Меланионом, который выиграл приз и получил жену с помощью золотых яблок). Согласно Плутарху, по закону Солона, новобрачная должна была вкушать яблоко перед входом в спальню мужа (Quest, гом. 65). Вероятно, этот мотив "кормления новобрачных" (Plut. Sol. 20; Лис. 15) был связан с мифологической "метафорой брака-еды"¹². И золотой цвет яблок не случаен. Ведь и миф о Геракле, добывающим в трудных условиях золотые яблоки Гесперид, и похищение Идун с золотыми яблоками в скандинавской мифологии, и русская сказка о молодильных яблоках — это лишь отголоски древнего представления о магических предметах, дарующих долголетие, молодость, красоту и даже бессмертия.¹³ Потому и пропажа этих яблок или борьба за обладание ими вызывает такое волнение у богов (особенно у богинь), потому это и типичный брачный дар. Золотой же цвет всегда мыслился в связи с солнцем и тем местом, где оно всходит или заходит (у Гесперид)¹⁴. Лучшее всего семантика яблока показана у Артемидора: яблоки сладкие сняты к любовным утехам, так как посвящены Афродите, а кислые — к ссорам и раздорам, потому что посвящены Эриде! (Ονειρ. I 73). Дальнейшая разработка этой мифологемы принадлежит уже Бабрию (II в. н.э.) В басне "Геракл, Афина и Раздор" (№ 145) герой пытается раздавить лежащее на тропе яблоко, но оно стало больше. Геракл ударил его палицей, и оно так раздулось, что перегородило всю дорогу. Явившаяся Афина сказала: "Оставь, брат! Это Распря и Раздор: если его не трогать, он останется таким, как был, если же с ним биться, то вот так он и будет расти."

Однако, уместно задаться вопросом: такой ли уж однозначно отрицательный персонаж злой демон войны, что его никак нельзя приглашать в гости, что, кстати, само по себе уже является нарушением законов гостеприимства? Почему нельзя было уважить древнюю богиню, дочь Ночи, которую особенно почитал сам Зевс, Эриду, которую Гесиод называет "сильной духом", а Гомер показывает, какой силой она обладает над богами, разделив даже их на два лагеря в Троянской войне? Ведь помимо всего Эрида — мать Орка-клятвоблудителя, спутника и слуги Зевса Гостеприимца.

Оказывается, что даже иконография Эриды неоднозначна: то она похожа на Горгону (в раннем искусстве как апотропей на оружии), то

¹² Потебня А.А. О мифическом значении некоторых обрядов и поверий. I // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских. М., 1865. Кн.2, апрель-июнь. С.55.

¹³ Пропп В.Я. Указ соч. С. 295-297.

¹⁴ Dietrich A. Nekyia. Lpz., 1893. S. 21

¹⁵ Вряд ли это поздний парафраз действительно эзоповской басни.

черная, подобно эриниям, то она изображается в архаическом стиле, в длинном вышитом одеянии, с изящными украшениями на голове и руках. На вазе из Керчи (Эрмитаж) между двумя квадригами вместе с Никой и Иридой стоит Эрида, с которой мирно беседует Фемиды, доверительно положив правую руку на плечо богини раздора¹⁶. Присутствие здесь Фемиды, богини закона, справедливости и божественных установлений (кстати, первой супруги Зевса), совсем не случайно. Гераклит порицал Гомера (Schol. DL XVIII. 107) за его строки: "Да сгинет вражда как меж богами, так и меж людьми"; в таком случае сгинет все, так как все поддерживается благодаря враждебности между ними. Гомер, молясь о том, чтобы сгинула вражда, "сам того не ведая, накликает проклятье на рождение всех существ" (Plut. De Is. et Os. 370 D). Известно изречение Гераклита: "Все происходит через спор". "Враждебное находится в согласии с собой: гармония, как лука и лиры". "Природа стремится к противоположностям и из них, а не из подобного создает согласие".

И это можно было бы считать чисто философским построением, если бы подтверждение тому не находилось бы в эпосе: у Гомера ненавистного всем Ареса любят только Эрида, его сестра и подруга, и Афродита, которая от Ареса рождает Страх и Ужас, но также и Гармонию (Гераклит: война — отец всего). У Гесиода в "Трудах и днях" появляются уже две Эриды: одна — ненавистная людям и богам, любит только войну (Βαρεία (16), χαλὸχάρτος (28)), другая — благая (ἁρμονία), побуждающая людей к труду, состязаниям. Эта — происходит от Ночи, и сын ее — Труд. Любопытно, что Павсаний сообщает о том, что живущие у Геликона беотийцы утверждают "на основании установившейся у них традиции", будто Гесиод ничего не написал другого, кроме "Трудов и дней", да и то в центре произведения находилась Эрида, с которой и начиналась поэма. В доказательство земляки Гесиода показывали Павсанию "свинцовую доску, очень сильно попорченную от времени", с текстом поэмы (Paus. IX. 31. 4-5).

У Эсхила Эрида, заставившая Солнце изменить свой путь, поднята на космический уровень. В "Эвменидах", как верно показала Джейн Харрисон, эриния прямо выступает как Эрида.¹⁷ Афина, призывающая эринию не вредить своему краю, не опьянять юношей "бесхмельным хмелем бешенства", "не распалять, как петухов, чтоб не было Междоусобных войн в стране", восклицает: "Войну — за дверь!" (860-873). Всячески задабривая и умиловывая Эриний, зазывая их в свой город, Афина говорит:

16 Waser. Eris// RE VI Stuttgart, 1909. Sp. 464 ff.

17 Harrison J.E. Prolegomena to the Study of Greek Religion. Cambridge, 1908. p.250.

Не скажешь ты, что я, богиня младшая,
И эти горожане гостью древнюю,
Презрев гостеприимство, грубо гоним прочь.¹⁸
(882-884).

Единственное пожелание Афины — чтобы Эринии способствовали соревнованию, но в одних лишь доблестях. Добившись милости грозных богинь с помощью богини Пейто (Убеждения) и Зевса Покровителя искусных речей, Афина превращает враждебных Эриний в благожелательных Эвменид. Таким образом она не только нейтрализует зло, но и преобразует его в благо для всего народа.

В самом деле, были и положительные прецеденты с участием Эриды. В двух других так сказать "свадебных" мифах никакого зла Эрида не приносит. Это — свадьба Геры и Зевса, куда были приглашены все боги и богини. Конечно, трудно назвать этот брак счастливым, однако свадьба прошла без эксцессов. Гея-Земля подарила Гере яблоню с золотыми яблоками, которую потом отослали на север под охрану Гесперид¹⁹. (Этот мотив обыгрывается на свадьбе Пелея и Фетиды, Эрида как бы намекает на прецедент, тоже даря яблоко).

На свадьбе Кадма и Гармонии тоже все прошло благополучно. Это была самая первая свадьба со смертным, на которую были приглашены все олимпийцы.

Можно, конечно, сказать, что на свадьбе Геры и Зевса Эриды, как их будущей дочери, еще не было, либо если и была (как дочь Ночи), то не могла вредить в силу своей подчиненности. Однако, как уже было показано, в эпосе она фигурирует как самостоятельное, независимое, мощное божество, что заставляет видеть в ней древнюю, доолимпийскую богиню. Ко времени свадьбы Кадма и Гармонии Эрида уже во всяком случае существовала и, как тетушка невесты, а также кормилица и нянька ее братьев Фобоса и Деймоса (*πατρόκαοτῶνιτή κο!* *epiOoc* - Timon frg. 24; Nonn. Dionys. XX 35), не могла не быть приглашенной.

¹⁸ Почти слово в слово в платоновских "Законах" (953e) о том, какими законами надо руководствоваться, принимая чужестранцев: "Мы почтим Зевса Гостеприимного тем, что не отлучим чужеземцев от нашего стола и жертвоприношений, как поступаю теперь питомцы Нила, и не оскорбим их грубыми распоряжениями." (Пер. А.Н.Егунова).

¹⁹ Сад Гесперид находится на краю земли, на горе. Золотая яблоня олицетворяет идею Мирового древа, а также Центра мира и символизирует одновременно связь и разделение Неба и Земли. Будучи подаренной Зевсу и Гере, золотая яблоня обозначает "стабилизацию" отношений между противостоящими космогоническими силами, установление между ними равновесия (Евзлин М.С. Смерть Геракла // Знаки Балкан. Ч. I. М., 1994. С. 76-77).

Итак, парадоксальный как будто вывод о том, что все беды происходили из-за того, что Эриду не приглашали, а когда приглашали, то все обходилось без раздора, вовсе не является странным. С точки зрения человека религиозного, любое божество, а особенно вредоносное, надо умиловать. Но кроме того надо полностью соблюдать заветы Зевса Гостеприимца и Клятвоблюстителя, обязательные как для людей, так и для богов, что сделали Афина-Мудрость и Гармония и не сделала Царица богов. Каков бы ни был гость, отказ в гостеприимстве влечет за собой потому столь тяжелые и далеко идущие последствия, что это — нарушение божественных Зевсовых установлений²⁰ (недаром Эрида изображалась рядом с Фемидой). Ведь не зря же эсхилоская седьмая эриния перечисляет три самых страшных греха, за которыми последуют загробные кары: оскорбление богов, недоброе отношение к гостю²¹ и обида родителей (269-272).

²⁰ "Все чужестранцы, в том числе и изгнанники, стояли под покровительством Зевса Гостеприимца и нанесение им обиды считалось тяжелым преступлением" (Латышев В.В. Очерк греческих древностей. 4.1 Государственные и военные древности. СПб, 1889. С.299).

²¹ Любое недоброе отношение к гостю осуждалось и на бытовом уровне. Во времена Платона постыдным считалось занятие содержателя гостиницы из-за того, что тот "вовсе не считает, что принял своих друзей и оделил их дружескими подарками; нет, он относится к ним как к попавшим в плен врагам и отпускает их на волю лишь за огромный несправедливый и грязный выкуп" (Законы 919b. Пер. А.Н.Егунова)

В.Н. Илюшечкин

"ЗАКОНЫ" В ГРЕЧЕСКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ПАПИРУСАХ

Известно, что сочинения, сохраненные греческими литературными папирусами I—III вв. (так называемые греческие "романы") оказались в особой ситуации по отношению к известным нам жанрам античной словесности. Мало того, что античные поэтики проигнорировали греческие "романы", — практически отсутствуют какие-либо свидетельства об авторах и читателях этих произведений. Вместе с тем, условным термином греческий "роман" охватывается необозримое число греческих литературных папирусов и их фрагментов, что указывает на исключительное распространение и популярность этого рода беллетристики в древности¹.

Среди авторов греческих "романов" могли быть литераторы весьма скромного социального статуса, а также выходцы из высших слоев римского общества. "Я, Харитон из Афродисия, пищик, адвокат Афинагора", — этими словами начинается повесть I в. о Херее и Каллирое. Впрочем, упоминание родного города, расположенного в Малой Азии и названного в честь святилища богини любви, как и само имя автора — Харитон (букв. "благосклонный") вполне могут быть вымышленными². Пищик адвоката принадлежал к образованным слоям общества и согласно правовым нормам мог составить договор или завешание для малообразованных клиентов патрона (в этой связи обращает на себя внимание сугубая "юридичность", которой пронизано обсуждение аргументов *pro et contra* в повести Харитона — Char. 6. 1. 1-3). Гелиодор в завершающих его сочинение фразах говорит подобно Харитону о себе, что он сын жреца Гелиоса, Теодосия из Эмесы ("... сочинил муж финикиянин из Эмесы, из рода Гелиоса, сын Теодосия Гелиодор" — Heliod. 10). Лонг в Прологе повести о Дафнисе и Хлое также говорит от первого лица, но ничего конкретного не сообщает, ограничиваясь признанием, что участие в охоте вдохновило его написать повесть о любви (Long. Prooem). Это вовсе не означает, что Лонг

был профессиональным охотником; вместе с тем, в аристократической и зажиточной среде охота считалась благородным времяпрепровождением (благородной страстью). Небезынтересно, что Лонг прямо называет круг своих потенциальных читателей и обозначает цели своего труда: "Я, много потрудившись, четыре книги написал... всем людям на радость: болящему они на исцеление, печальному на утешение, тому, кто любил, напоят о любви, а кто не любил, того любить научат" (там же). Выражение "всем людям" звучит немного наивно, однако следом Лонг уточняет: особого внимания заслуживают его слова о том, что повесть может научить — сказывается приверженность традиции приносить пользу, а не только развлекать.

То обстоятельство, что античные поэтики игнорировали греческие "романы" еще не означало, что авторы этих сочинений пренебрегали литературной традицией. Не случайно, например, Харитон и Ахилл Татий вводят в свои тексты многочисленные гомеровские выражения, которые были известны каждому образованному человеку со школьных времен. Не случайно и Ксенофонт Эфесский дает своим персонажам — Габрокому и Антии — "говорящие" имена, рассчитанные на литературные реминисценции³.

Понятно, что при рассмотрении словоупотреблений *nomos* (*thesmós*) и их дериватов в греческих "романах", действие которых происходит вне повседневной жизни и которые *per definitionem* изображают условно-риторический мир, необходимо учитывать своеобразие источника. Оба слова, *nomos* и *thesmos* связаны с терминологией права и в зависимости от контекста несут разную семантическую нагрузку. *Thesmos* (происходит от *tithemi*) и его дериваты *äthesmos*, *enthesmos* ozn. "законное, неписаное право, норму или порядок, освященный волей божества и закрепленные в патриархальном сознании за авторитетом отца, мужа, господина (*sc.* судьи)"⁴. Э.Бенвенист, относя *thesmos* и близкие ему лексемы к области внутрисемейного права, отмечает, что понятию *thesmos* противостоит *dike*, покрывающее область межсемейного родового права.

Nomos и ряд дериватов (*anomia*, *ennomos*, *eunomia*, *nomimos* etc.) ozn. условие или совокупность мер, обеспечивающих общественный правопорядок. В качестве "писаного закона"⁵ *nomos* связан с полисной организацией, с деятельностью буле и пританов (например, "осуж-

¹ Lavagnini B. *Eroticorum Scriptorum Fragmenta Papyracea*. Leipzig, 1922; Rattembury R.M. *Romans: Traces of Lost Greek Novels//New Chapters in the History of the Greek Literature*. Oxford, 1933; Zimmermann F. *Griechische Roman-Papyri und verwandte Texte*. Heidelberg, 1936; Lopez Martinez M.P. *Fragmentes Papiraceos de novela griega*. Alicante, 1994; Stephens S.A., Winkler J.J. *Ancient Greek Novels. The Fragments. Introduction, Text, Translation and Commentary*. Princeton-New Jersey, 1995.

² Schmeling G.L. *Chariton*. New York, 1974. P. 19 sq.; Jones Ch.P. *La Personnalité de Chariton//Le Monde du Roman Grec*. Paris, 1992. P. 161-168.

³ Treu K. *Der antike Roman und sein Publikum//Der antike Roman*. Berlin, 1989. S. 185; Schmeling G.L. *Xenophon of Ephesus*. Boston, 1980 (Ch. 5 "Audience and Readers of Xenophon". P. 131-138).

⁴ Бенвенист Э. *Словарь индоевропейских социальных терминов*. М., 1995. С. 301.

⁵ Подробнее о различии "писаного закона" и "неписаного права" см.: De Romilly J. *La dans la pensée grecque des origines à Aristote*. Paris, 1971. P. 25 sq.

денный советом и пританами" — Ach. Tat. 8. 8. 5; "осужденный и народом" — Ach. Tat. 8. 9. 7). Ср. завершение реформы провинциальной администрации при Септимии Севере в 200 г. — в результате расширились полномочия и компетенция местных органов власти. "Пренебречь знанием законов и судебными постановлениями" (Ach. Tat. 8. 8. 6) соответствовало в контексте греческих литературных папирусов уподоблению тирану.

На основании свидетельств греческих "романов" можно предположить "смещение" элементов правовых систем и обычного права на местах, что обуславливалось "пестротой" населявших восточные провинции племен и народностей. Следующие примеры иллюстрируют это наблюдение: "согласно персидскому обычаю (закону)" (Heliod. 8. 5. 2); "вопреки персидскому обычаю (закону)" (Heliod. 8. 9. 17); "согласно отеческого закона эфиопов" (Heliod. 9. 1. 4.); "древний обычай (закон) греков" (Char. 4. 1. 3); "согласно греческим законам для деторождения" (Char. 3. 2. 2); "по обычаю (закону) эфиопов" (Heliod. 10. 9. 7); "у жителей Византии есть закон, согласно которому всякий, кто похитил девушку и сделал ее женой, должен вступить с ней в брак" (Ach. Tat. 2. 13. 3); "не преступай местного закона" (Ach. Tat. 8. 13. 4). Указания на бытование местного (или обычного) права можно истолковывать как следствие недостаточной романизации и, одновременно, как приверженность обычаю, освященного авторитетом местной традиции. Коротко говоря, речь идет об ограниченно действующих нормах классического (римского) права. Вышеприведенные примеры словоупотребления *nomos* учитывают либо авторитет царя (царское право), либо авторитет предков, что косвенно отражает сосуществование в восточных частях империи с I по III вв. двух правовых норм — местной и римской.

В контексте греческих "романов" встречаются примеры, когда источником права мыслится природа (*physis*) и *nomos* употребляется в значении "всеобщий естественный (природный) закон". Так, например, "умерла... по общему для всех закону природа" (Heliod. 2. 1. 3); "они подчинились закону природы и заснули" (Heliod. 2. 15. 2); "естественные законы (закономерности) моря" (Ach. Tat. 3. 3. 3); "по закону Афродиты" (Heliod. 10. 12. 4); "закон (обычай) разрешает убивать чужеземцев, но ни он, ни природа не позволяет убивать детей" (Heliod. 10. 12. 3). Таким образом, "закон", соотношенный с "природой", обретает человечность, религиозно-этическое содержание и претендует на всеобщность⁶ (характерный пример есть в повести Ахилла Татия о Левкиппе и Клитифонте, когда суд выносит решение

⁶ См. расхожую и популярную в древности фразу "обычай (закон) — господин над всеми" (Ach. Tat. 8. 9. 8), которая представляет собой аллюзию на фр. 169 Пиндара (*nomos panton basileus*). Ср. также: Plato. *Gorg.* 484 b.

испытать целомудрие героини водами Стикса и в пещере Сиринги — Ach. Tat. 8. 13. 4). По существу риторическое соотношение понятий "природа" и "закон" в текстах греческих литературных папирусов придает повествованию назидательный характер: идеальные герои греческих "романов" действуют в согласии с "законом", в то время, как их противники постоянно преступают "закон".

Многочисленные примеры словоупотребления *nomos/thesmos* касаются области семейного права. В этих примерах из греческих "романов", которые заслуживают названия — "семейные", в большой степени отразились конкретно-исторические реалии и юридические фразеологизмы⁷. Часть примеров описывает ситуацию, когда женщина оказывается перед лицом правосудия. Известно, что брак по римским нормам заключался по соглашению сторон и без особых формальностей. В контексте греческих "романов" понятие "любовь" и "брак" почти синонимичны: "законный брак" *gāmon nomimon* (Xen. Eph. 1. 16. 7; ср. также Ach. Tat. 8. 18. 3; 8. 8. 13); "женится согласно законам" (*egeme kata tous nomos* — Ach. Tat. 8. 10. 7); "в городе открыто и по закону женился" (Chär. 3. 2. 8; ср. Ach. Tat. 6. 5. 4); "закон" (*thesmos*) дружбы или уважения — в данном контексте речь идет не просто о "дружбе" или "уважении", а о договоре между лицами (Ach. Tat. 3.3. 5). Официально конкубинат считался второсортным брачным сожительством; тем не менее *pallake* (*concubina*) употребляется в контексте "романов" в значении "любимая" (Char. 2. 11. 5; 3. 1. 6; Long. 3. 14. 1). Как известно, внебрачные связи и адюльтер карались законом (например, супруг имел право убить любовника, застигнутого на месте преступления); однако, см. характерное высказывание Харитона: "на рабынь закон (*nomos*) о прелюбодеянии не распространяется" (Char. 5. 7. 3).

⁷ Например, выражение "знаток законов", *empeirotatos ton* потоп (Char. 2. 1. 6) буквально повторяет греческую надпись I в. (южная часть Пелопонесса): *empeirotatos ton nomon, arista politeuomenos* (IG V 1. 1244; I. et L. Robert. *Hellenica*. V. 1950. P. 30-31.

А.В. Короленков

ВИБИЙ ПАКЦИАН, ГОСТЕПРИИМЕЦ КРАССА

Наши сведения по просопографии римской Испании эпохи Республики весьма скудны. Достаточно сказать, что относительно подробной информацией мы располагаем лишь о трех уроженцах испанских провинций указанного периода — Вибии Пакциане и дяде и племяннике Корнелиях Бальбах. Данная работа посвящена Пакциану — первому известному нам участнику гражданских войн в Риме из числа провинциалов-испанцев.

Сведения об этом человеке сохранились лишь у Плутарха в биографиях Красса и Сертория. Судя по имени, Вибий, живший в Бетике, был не италийским иммигрантом, а коренным испанцем¹, очевидно, пользовавшимся правами **гражданства**, но неясно, римского или латинского. Плутарх сообщает, что у него было поместье неподалеку от моря²; возможно, он владел и другими землями, однако на сей счет источники молчат. В 90-х гг. I в. (здесь и далее все даты — до н.э.) Пакциан стал клиентом наместника Дальней Испании П.Лициния Красса. После взятия Рима в ходе начавшейся вскоре гражданской войны марианцами и гибели последнего его сын Марк, будущий триумвир, бежал в Бетику. Вибий оказался единственным клиентом Красса, который осмелился приютить у себя беглеца и его друзей. Только через 8 месяцев, узнав смерти Цинны, случившейся в начале 84 г.³, Красс покинул свое укрытие, собрал 2,5-тысячный отряд, разграбил Малаку и отплыл в Африку (Plut. Crass., 4-6, 1).

Какие выводы можно сделать из рассказа Плутарха? Очевидно, прежде всего, что Дальняя Испания находилась под властью марианцев (насколько нам известно, другими источниками этот факт не зафиксирован), которые, если верить Плутарху, держали ее в страхе. Но только ли страх был опорой их господства в этой провинции? Некоторые де-

тали в изложении Плутарха в принципе позволяют предположить, что марианцы пользовались определенной поддержкой населения. Красс, набрав войско в 2500 человек, "выступил, держа путь через города", и во время этого похода разграбил Малаку (Plut. Crass., 6, 1). По-видимому, он хотел овладеть юго-восточным побережьем, но не добился успеха, что и вынудило его отплыть в Африку. Расправа с Малакой, возможно, явилась наказанием за враждебную позицию местного населения, которая и помешала ему овладеть прибрежными городами. Однако не исключено и иное толкование событий — провинциалы могли просто не верить в победу Красса и сопротивлялись из страха перед местью марианцев (что, кстати, не столько противоречит предыдущей трактовке, сколько ее дополняет). Разграбление же Малаки могло быть совершено по требованию воинов ради добычи. Первая интерпретация, как нам кажется, ближе к истине, но она, как и вторая, является не более чем гипотезой.

Какую бы позицию не занимало большинство провинциалов, сам Вибий Пакциан не побоялся кары со стороны марианцев и до конца выполнил свой долг клиента. Руководствовался он исключительно благородными побуждениями или им двигали наряду с этими какие-либо иные чувства, сказать трудно, но очевидно, что Вибий подвергался реальной опасности. Получил ли он какую-либо награду за спасение Красса, ставшего одним из виднейших сулланцев, точно неизвестно. Однако Плутарх сообщает, что в 81 или 80 гг. Сулла отправил на помощь свергнутому царю Западной Мавретании Аскалиду отряд под командованием некоего Пакциана. Последний был разгромлен сражавшимся против Аскалиды марианским проконсулом-эмигрантом Квинтом Серторием и погиб в бою, а уцелевшие воины Пакциана перешли на сторону победителя (Plut. Sert., 9, 3). Долгое время считалось, что присланный Суллой отряд прибыл из Африки⁴. Правда, еще Ст. Гзелль предположил, что он помощь Аскалиду была направлена из Испании, но на своей гипотезе не настаивал⁵. Иными словами, эти события не связывались с Вибием Пакцианом, чье имя сходно с именем командира разбитого Серторием отряда. Между тем идентичность первого и второго сейчас не вызывает сомнения у большинства иссле-

¹ Мнение К.Кастильо, о котором нам сообщил Ю.Б.Циркин, ознакомившийся с недоступным нам вторым томом ее исследования (см. прим. 3), где обосновывается эта точка зрения.

² Ф.О.Спанн локализует владения Вибия близ Нерии (Spann Ph.O. Quintus Sertorius and the Legacy of Sulla. Fayetteville, 1987. P. 51), а С.Ф.Кей — возле Картеи (Эль Рокадильо) (Keay S.F. Roman Spain. L., 1988. P. 84).

³ Стало быть, Красс прибыл в Испанию лишь через два года после прихода марианцев к власти, т.е. в 85 г. (см., напр.: Castillo C. Prosopographia Baetica. Pamplona, 1965. T.I. P. 175 — без аргументации).

⁴ Моммзен Т. История Рима. Т.III. СПб., 1995. С. 17-18; Bienkowski P.R. Kritische Untersuchungen über Chronologie und Geschichte des Sertorianischen Krieges // Wiener Studien. Bd XIII. 1891. S.145; Grispo R. Dalla Meilana a Calagurra. Un contributo per l'interpretazione della guerra Sertoriana // Nuova rivista storica. V. 36. 1952. P. 191.

⁵ Gsell S. Histoire ancienne de l'Afrique du Nord. P., 1928. T. VII. P. 272.

дователей⁶. Но в каком качестве выступал теперь клиент Красса? По мнению Т.Р.С.Броутона и С.Ф.Кея, Пакциан был легатом, причем С.Ф.Кей называет его при этом одним из первых сенаторов испанского происхождения⁷. Ни то, ни другое источниками не подтверждается; предположение относительно легатства представляется более вероятным, однако эта должность была малозначительной и для продвижения по *cursus bonorum* формально значения не имела. Кроме того, многие ученые вслед за Плутархом (Sert., 9,3) полагают, что Пакциана направил в Мавретанию сам Сулла⁸. Но мы считаем более обоснованной точку зрения Ф.О.Спанна, согласно которой приказ Пакциану отдал не Сулла, а наместник Дальней Испании⁹, в которой Вибий жил и откуда, очевидно (а не из Африки), привел свой отряд¹⁰. Помощь Аскалиду и уничтожение отряда Сертория вряд ли требовали личного вмешательства диктатора, который к тому же не мог реагировать на изменение ситуации так же оперативно, как наместник *Hispania Ulterior*".

Как видим, некоторые исследователи были склонны преувеличивать успехи политической карьеры Вибия Пакциана: он будто бы стал сенатором, от самого Суллы получил приказ вмешаться в династическую борьбу в Западной Африке. Однако, как мы постарались показать, Вибий был в лучшем случае легатом наместника Дальней Испании, который отправил его в опасный поход против восставших мавретанцев и Сертория. Причем вряд ли под его командованием находились легионеры (во главе их поставили бы римлянина) — скорее всего, речь шла о вспомогательном отряде (*auxilia*), набранном из испанцев¹².

В этой ситуации шансы Вибия на успех были довольно сомнительны, что и показали его поражение и гибель в бою с Серторием.

Какой же вывод можно сделать из сказанного? Очевидно, что Пакциан, спасший жизнь своего патрона — Марка Красса, мог бы рассчитывать на его протекцию в своей политической карьере. Была ли оказана такая протекция, мы не знаем. Не исключено, правда, что наместник Дальней Испании направлял Вибия в Мавретанию, исходя из рекомендаций Красса и считая экспедицию туда не такой уж сложной и дающей возможность отличиться. Но, во-первых, у нас не сведений на сей счет, а во-вторых, если он так и думал, то жестоко ошибся. Пакциан погиб, а его политическая карьера прервалась, едва начавшись.

⁶ Münzer F. Paccianus (1) // RE. Bd 36. Drit. 1. 1943. Sp. 2062; Castillo C. Prosopographia Baetica. T. I. P. 175; Scardigli B. Sertorio: Problemi cronologici // Athenaeum. V.49. 1971. P. 250; Spann Ph. O. Quintus Sertorius... P. 51.

⁷ Broughton T.R.S. The Magistrates of the Roman Republic. Atlanta, 1984. V. II. P. 78; Keay S.F. Roman Spain. P. 84.

⁸ Schulten A. Sertorius. Leipzig, 1926. S. 52; Gsell S. Histoire... T.VII. P. 272; Münzer F. Paccianus. Sp. 2062; Castillo C. Prosopographia Baetica. T.I. P. 176; Scardigli B. Sertorio. P. 247-251.

9 Spann Ph.O. Quintus Sertorius... P. 51.

¹⁰ Scardigli B. Sertorio. P. 250-251; Spann Ph.O. Quintus Sertorius... P. 51.

¹¹ Ф.О.Спанн считает, что этим наместником был Анний Луск (Spann Ph.O. Quintus Sertorius... P. 51), но из Плутарха следует, что он управлял Ближней, а не Дальней Испанией (Plut. Sert., 7,1-2). Существует, правда, точка зрения, что власть Анния распространялась на обе испанские провинции (Badian E. Studies in Greek and Roman History. N.Y., 1964. P. 96), однако это не более чем гипотеза (Broughton T.R.S. The Magistrates... V.U. P. 77).

¹² Spann Ph.O. Quintus Sertorius... P. 52.

К.Л. Гуленков

КОССКОЕ ГОСТЕПРИИМСТВО

Кос — остров в Эгейском море — и расположенный на нем единственный полис невелики по размеру (Strabo, XIV, 2, 19) и лишь иногда бегло упоминаются древними авторами. Наибольшую известность ему принесли: хорошее вино (Dem. XXXV, 35; Strabo, XIV, 1, 15; 2, 19), Асклепейон (Strabo VIII, 6, 15; XIV, 2, 19; Herod. Mim. 4), изящно изготовленные амфоры (Plin. N. H. XXXV. 46), шелковые¹ ткани (Plin. N. H. IV, 62)². Некоторые из этих вещей оказали впоследствии, в эпоху Митридатых войн, значительное влияние на политическую ориентацию граждан Коса. Но чтобы наше мнение выглядело более доказательно, обратимся сначала к некоторым моментам из истории острова. В период греко-персидских войн косские корабли находятся в составе флота Ксеркса (Hdt. VII, 99; Diod. XI, 3, 8). Их бывший тиран Кадм выступает в роли хранителя сокровищ Гелона (Hdt. VII, 161-162), причем Геродот специально подчеркивает честность Кадма, имевшего возможность не возвращать их³. Примечательно, что царь Спарты Павсаний имел среди косцев гостеприимца (Hdt. GX, 76).

Решающие сражения Пелопонесской войны прошли без участия косцев, остров был разрушен сильным землетрясением и использовался лишь, как удобная якорная стоянка (Thuc. VIII, 41, 2; 44, 3; 55, 1; 108, 2). По Анталкидову миру полис снова оказался в зависимости от персидского царя, затем в результате коринфской войны вновь обрел "свободу" и стал, членом II Афинского морского союза. В ходе Союзнической войны Кос вышел из союза и вскоре был захвачен карийским династом Мавсолом (Dem. XV, 27). Поход Александра опять изменил положение острова. В течение нескольких месяцев остров несколько раз переходил из рук в руки (Arr. Anab. II, 5, 7; 13, 4; III, 2, 6; Curt. III, 1, 18; Diod. XVII, 27). Отметим только два момента из этого периода. Захваченный в плен Фарнабаз бежит из-под стражи именно с Коса

¹ По свидетельству Плиния Старшего (N. H. IV. 62), еще Варрону был известен шелк, получаемый на основе переработки пряжи из дикого переднеазиатского шелковичного червя. Этот шелк назывался *bombycina* или по месту выделки: косским. Первые упоминания о более качественном и дорогом китайском шелке (*serica*) появились позднее (Ног. Ер. VIII, 15; Verg. Georg. I, 121).

² Специальное исследование, посвященное этому острову: Sherwin-White S. M. *Ancient Cos*. Göttingen, 1978.

³ О Кадме подробнее см.: Высокий М. Ф. К вопросу о Пиратстве Скифа и Кадма в Занкле // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. 4. Ч. 1. М.-Магнитогорск, 1997. С. 102.

(Arr. Anab. II, 11, 2, 7). Мемнон перевозит на хранение имеющиеся у него денежные средства на Кос (Diod. XVII, 27, 5).

В период военных столкновений диодохов и римской экспансии Кос занимает в основном прородосскую позицию, входя в организованный этим полисом союз островитян⁴. Так же как и на Родосе, на Косе существуют и одновременно действуют группировки различной политической ориентации. Так, например, во время III Македонской войны некоторые косцы активно поддерживали Персея (Pol. XXX, 7, 9-10). Таким образом видно, что Кос, будучи не в состоянии проводить независимую внешнюю политику, всегда ориентировался на обе враждующие стороны, стараясь иметь покровителей в обоих лагерях. Неудивительно поэтому, что косцы стремились использовать свое "нейтральное" положение и получить право асии на основании наличия на острове неприкосновенного Асклепейона. Косцы добились этого традиционным⁵ для эллинистической эпохи способом — провозгласив себя свободным от репрессалий островом с 242 г. до н. э.⁶ Слава Коса как убежища была так велика, что именно сюда египетские цари и малоазийские иудеи направили свои деньги на сохранение.

Предыстория этих событий такова. 3 116-107 гг. до н. э. в Египте совместно правили Птолемей IX Лафур и его мать Клеопатра III. Изгнанный матерью Птолемей IX удалился на остров Кипр, но через некоторое время, собравшись с силами, высаживается с большой армией в Иудее. Там он смог быстро укрепиться и даже захватить несколько городов, в том числе Газу. Обеспокоенная такими успехами сына, Клеопатра III и другой ее сын и соправитель Птолемей X Александр (107-88 гг. до н. э.) выступают против него во главе египетской армии и флота. Видимо, желая застраховать себя от превратностей войны, Клеопатра отправляет на остров Кос: "Главные свои богатства, внуков своих и духовное завещание" (Jos. Fl. AJ. XIII, 13, 1). Не забирают их с Коса даже после поражения Птолемея IX и смерти Клеопатры III. Не исключено, что это было связано и с курсом лечения, который принцы проходили на острове, во всяком случае такая традиция у Птолемеев была⁷. Слава же косской медицинской школы была общеизвестна⁸.

⁴ Горлов Ю. В. Родос. М., 1996. С. 128, 133, 134, 138.

⁵ Walbank F. W. *The Hellenistic World*. New Jersey, 1982. P. 145.

⁶ Кашеев В. И. Эллинистический мир и Рим. М., 1993. С. 233. Подтверждением признания асии острова служат декреты царей Египта, Сирии, Вифинии и Пергама выставленные в аскейпионе (Welles C. B. *Royal Correspondance in the Hellenistic Period*. New Haven, 1934. NN 25-28.)

⁷ Береника разрешилась от бремени будущим Птолемеем II именно на Косе. См.: Бенгтсон Г. *Правители эпохи эллинизма*. М., 1982. С. 52.

Косские врачи занимали высокое положение и в более поздние времена. Например, известен Ксенофонт, сын Гераклита — личный врач императора Клавдия (Тас. Ann. XII, 61, 67; Plin. N.H. XXIX, 1, 7)⁹. Однако учитывая, что на Косе находился единственный наследник правящего монарха (Александр) (App. BC. 1, 102) — это более чем странно, его могли лечить и в Египте. Единственное реальное объяснение этого факта: высокий уровень безопасности, предоставляемый косцами.

В 89 г. до н.э. началась I Митридатова война¹⁰. Малоазийские иудеи, желая обезопасить свое состояние, перевозят на Кос 800 талантов (Ios. Fl. AJ. XIV, 7, 2). Следовательно, по их представлениям более надежного места не было. Захватив территорию всей провинции Азия, Митр и дат VI издает указ, согласно которому все римляне, члены их семей и их отпущенники италийского происхождения должны были быть уничтожены. Их имущество конфисковывалось и делилось между царем и лицами, выполнившими указ (App. Mithr. 22). Перебито было великое множество римлян, по Плутарху — 150000 (Sulla. 24), по Мемнону — 80000 (XV, XXXI, 3).

Эта акция получила название "эфесской вечерни", по городу, где указ был выполнен с наибольшей жестокостью". По этому указу лица, укрывающие римлян, должны были быть наказаны. Однако косцы не только не уничтожили римлян на своем острове, но наоборот — они открыли двери храма Асклепия и для римлян-беглецов из других мест (Тас. Ann. IV, 14).

Такое гостеприимство безусловно было очень выгодно, т.к. укрывшиеся римляне автоматически становились покровителями общины перед римским правительством (в случае победы римлян) (Ср. Тас. Ann. IV, 14). Однако пока хозяином положения был Митридат VI Евпатор, граждане Коса должны были сделать что-то и для него, чтобы не подвергнуться наказанию, подобному тому, которое постигло впоследствии хиосцев (App. Mithr. 47). Других оснований встать на сторону Митридата у косцев не было, об этом свидетельствует и последующий их переход на сторону Суллы (Plut. Luc. 3). Не имея возможности сопротивляться, косцы "радостно" встретили прибывшего к ним царя (App. Mithr. 23), а он сам захватил, нарушив тем самым право непри-

⁸ Блаватская Т.В. Из истории греческой интеллигенции эллинистического времени. М., 1983. С. 82, 109, 148-149, 210.

⁹ О Ксенофонте также см.: Моммзен Т. История Рима. TV. СПб., 1995. С. 248. Прим. 3

¹⁰ Датировка дана по: Badian B. Rome, Athens and Mithridates // AJAH. 1976. Vol. 1. P. 109; McGing B. The Foreign Policy of Mithridates VI Eupator, King Pontus. Leiden, 1986. P. 108. Not. 96.

¹¹ Объяснение названия "вечерня" см.: Моммзен Т. История Рима T.V. СПб., 1995. С. 128. Прим. 1. См. также Бенгтсон Г. Правители... С. 330.

косновенности, наследника египетского престола, его сокровища и казну малоазийских иудеев. Впрочем, с наследником Митридат обращался "по-царски", а захваченные сокровища отправил в одно из своих многочисленных казнохранилищ (App. Mithr. 23). Впоследствии все эти сокровища, лежавшие много лет невостребованными, были захвачены Помпеем (App. Mithr. 115). Поэтому, соглашаясь с бытующим в историографии мнением, что эта добыча увеличила состояние Митридата¹², мы предлагаем уточнить: только в виде накоплений, потратить которые понтийский владыка так и не успел.

В заключение коснемся еще одного момента понтийско-косских отношений. При Митридате VI сложились условия, позволяющие практически беспрепятственно, а значит и активно торговать с Индией и Китаем. Причем основные выгоды с этой торговли получал Митридат¹³. Разумеется, косцы, изготовлявшие аналог китайского шелка и владевшие до этого монополией на его производство в той или иной степени пострадали. Поэтому можно предположить, что экономически владычество Рима для них было более приемлемым.

Таким образом, определяя позицию косцев в этот период, можно сделать следующие выводы. Их прием Митридата VI объяснялся, скорее, боязнью наказания, чем антиримской позицией, как считалось ранее¹⁴. Отсюда и логика их гостеприимства по отношению к римлянам, египетским принцам, иудейским купцам, Митридату. Желая сохранить свой остров в неприкосновенности и увеличить славу Асклепейона, косцы готовы были принять всех, но и "умыть руки" в случае, если какая-то сторона нарушала право асии, заслуживая таким образом благодарность и тех, и других. Такая политика вполне оправдала себя, находясь в эпицентре Митридатовой войны, Кос никак не пострадал, но, напротив, получил все выгоды союзника победителей.

¹² Ломоури Н.Ю. К истории Понтийского царства. Тб., 1979. С. 158. McGing B. Op. cit. P. 109-111.

¹³ Гуленков К.Л. Основные экономические проблемы внешнеполитического подъема державы Митридата VI Евпатора. Автореферат канд. лис. М., 1998. С. 17.

¹⁴ Ср., например: "Если Аппиан правильно описал ситуацию приема косцами царя [Митридата - К.Г.], то справедливо будет интерпретировать их дружественное настроение, как проявление антиримской позиции, а не просто как реакцию на чрезвычайные обстоятельства [т. е. прибытие Митридата — К.Г.]." (Sherwin-White S.M. Ancient Cos. P. 138).

В. П. Яйленко

К ДИСКУССИИ О ХЕРСОНЕССКОМ ДЕКРЕТЕ

В ЧЕСТЬ Т. АВРЕЛИЯ КАЛЬПУРНИАНА АПОЛЛОНИДА (II)*

Итак, установив текстологию надписи, перейдем к главному, ибо кропотливую текстологическую работу венчает исторический анализ документа: рассмотрим заключительный раздел статьи Ю.В., посвя-

* Недавняя публикация двух херсонесских декретов 174 г. н.э. в честь прокуратора Нижней Мезии Аполлониды и его жены Паулины (Антонова И.А., Яйленко В.П. Херсонес, Северное Причерноморье и Маркоманские войны по данным херсонесского декрета 174 г.н.э. в честь Тита Аврелия Кальпурниана Аполлониды // ВДИ. 1995. № 4; далее — Издание) вызвала отклики Ю.Г.Виноградова (Новое документальное досье императорской эпохи из Херсонеса // ВДИ- 1996. № 1; далее — Досье), И.С.Свенцицкой (Еще раз о новом херсонесском декрете // ВДИ. 1996. № 3) и А.Л.Смышляева (Карьера, миссия и статус Т.Аврелия Кальпурниана Аполлониды. // Там же). Если заметки двух последних авторов представляют собой по духу попытку положительного разъяснения отдельных вопросов интерпретации надписи, то статья Ю.Г.Виноградова (далее для краткости Ю.В.) имеет целью оспорить абсолютно все положения издателей — по чтению текста, датировке, интерпретации исторического содержания надписи. Однако лишь несколько его поправок к тексту надписи приемлемы, все остальное представляет собой нагромождение текстологических, грамматических, эпиграфических и исторических ошибок и фикций, что заставило меня как ответственного за публикацию надписи дать разъяснение всего этого. Есть также необходимость отозваться на заметки И.С.Свенцицкой и А.Л.Смышляева. Кроме того, за истекшее после издания надписи время у меня появились предложения по усовершенствованию чтения ряда разрушенных мест текста. (После частичной публикации уточненного текста (Jajlenko V. New Decrees from Chersonesus Tauricus in Honour of T.Aurelius Calpurnianus Apollonides. // XI Congresso int. di epigrafia greca e latina. Preatti. Roma. 1997. P.497-501) я имел возможность существенно доработать его в библиотеке женева Фонда Хардта; пользуюсь случаем поблагодарить за это Фонд в лице его президента проф. Ф.Пашу). Наконец, следует дать разъяснение ряда положений издателей надписи, которые не вошли в первоиздание по причине его предельного объема. Все перечисленное составило содержание статьи под проставленным выше заголовком объемом в 2 п.л., которая была сдана в ВДИ. Однако главный редактор журнала Г.М.Бонгард — Левин предоставил в мое распоряжение только 1 п.л. (считаю такую позицию некорректной, ибо для критики в мой адрес было предоставлено гораздо больше места), вследствие чего мне пришлось разделить статью на две части: первая, посвященная текстологии надписи и прежде всего разбору текстологических положений статьи Ю.В., сдана в ВДИ, вторая часть, уделенная разбору мнений Ю.В., Свенцицкой и Смышляева по отдельным вопросам интерпретации исторического содержания надписи, печатается здесь.

щенный историческому контексту надписи (Досье. С. 57-60). Тут критика сосредоточена на трех основных позициях издателей — датировка документа, суть миссии Аполлониды в Херсонес, трехслойное деление херсонесского общества. Что до датировки, то напомним читателю, что декрет имеет точную дату — он принят первого числа месяца Евклея 198 года херсонесской эры, который соответствует марту 173 — марту 174 г. н.э. Уточнить датировку позволяет отождествление Евклея с конкретным месяцем нашего календаря. Как известно, еще К.Ханелл отождествил мегарский месяц Евклея с мартом. Я идентифицировал херсонесский месяц Евклея с февралем — мартом на основании того, что в Византии (это мегарская колония, как и Гераклея, метрополия Херсонеса) Евклея приходился на март, а в Дельфах в феврале — марте праздновались Евклея, посвященные Зевсу.¹ Ю.В. попытался дезавуировать данный вывод: аналогии с Византием он противопоставил (со ссылкой на Э.И.Соломоник, которая в свою очередь сослалась на К.Причетта) общее рассуждение, что-де одноименные месяцы в разных городах могут не совпадать по времени года, а параллели с дельфийскими Евклеями противопоставил указание на то, что в Коринфе Евклея посвящены беотийской Евклее—Артемиде. Немотивированность этих контраргументов Ю.В. очевидна: для календарного приурочивания дельфийских Евклея существенно то, что они отмечались весной, а не то, кому они посвящены. Коротко говоря, для того, чтобы оспорить вывод о том, что в Херсонесе месяц Евклея приходился на февраль — март, Ю.В. должен привести пример того, что в другом городе мегарского круга (на худой конец в любом другом городе) Евклея приходился на иное время года. Коль такого факта нет, сомнения Ю.В. беспочвенны.

Теперь посмотрим, какими же плодами исторического знания увенчались титанические усилия Ю.В. по тотальному пересмотру предложенного издателями текста надписи? Увы, они остались практически бесплодными: осторожное предположение издателей о том, что Аполлонид, возможно, прибыл в Херсонес с военным отрядом (Издание. С. 81), он превращает в безапелляционное утверждение, что "прокуратор не только прибыл в Херсонес с войском (без которого его миссия была бы лишена всякого смысла!), но и успешно ввел его в боевые действия против варваров, избавив город от серьезной опасности разорениями так далее в духе исторического романа). Разумеется, такой вывод сделан потому, что издатели пришли к выводу о дипломатических, а не военных целях миссии Аполлониды, которая должна

¹ Чуть ранее такую идеентификацию апробировал В.И.Кадеев, работа которого была издана уже после сдачи статьи Антоновой - Яйленко в печать (Кадеев В.И. О календаре Херсонеса Таврического. // Вестник Харьковского университета. Харьков. 1994. Т. 385. С. 35).

была нейтрализовать посредством переговоров и денежных выплат — обычных средств римской дипломатии в сношениях с варварами — туземную массу Тавриды и, возможно, прилегающих областей Северного Причерноморья ввиду предстоящего открытия римлянами "сарматского" фронта в Маркоманнской войне (Издание. С. 71 сл.). Высказывая противоположную точку зрения — о военном характере миссии Аполлониды — Ю.В. использует в качестве аргументации титулы Аполлониды σωτήρ τας περιστάσεις, ἀγέτας τας παρ' ἡμῶν εἰράνας и восстановленное им в стк. 1 [ἐν πάσι ἐπιχειρησθέσι κινδύνοις] (Досье. С. 57). Что до последнего аргумента, то выше было показано, что это всего лишь плод его воображения. Чтение слова [περ]ισ[τ]άσις, как показано выше, невозможно ввиду узости лакуны для первых трех букв, кроме того, значение "военная угроза", которое придает ему Ю.В., вытекает не непосредственно из этого слова, а из сопутствующих определений типа πολεμικοῖ περιστάσεις декрета из Сеста (Michel. Op.cit. N 327). Об этом же свидетельствуют и надписи (Syll., 685.37, SEG, XXVI, 1817), на которые ссылается сам Ю.В. (Досье. С. 51. Сноска 13). Хотя слово περ'ιστάσις, начиная с Полибия, само по себе и употребляется в указанном значении, в эпиграфике оно сопровождается сопутствующими определениями, указывающими, что это именно военная угроза.

Рассмотрим теперь утверждение Ю.В. о том, что титулы Аполлониды σωτήρ "спаситель" и ἀγέτας τας παρ' ἡμῶν εἰράνας "предводитель мира у нас" указывают на его успешные военные действия против варваров. Для Ю.В. титул "спаситель" однозначно является свидетельством военного отражения варваров от Херсонеса. Между тем в херсонесских декретах и прочих надписях слово σωτήρ употребляется достаточно часто и по разным поводам. С одной стороны, боспорский царь Полемон получает от херсонеситов по неизвестной причине титул сотер (Латышев думал, но без аргументации, о военной помощи — см. его комментарий к надписи IOSPE, I, 704). С другой стороны, титул сотер дан одному из победителей в спортивных состязаниях (ib., N 434)! В декрете в честь послов — гераклеотов, ходатайствовавших перед Антониной Пием за интересы Херсонеса, эта акция именуется сотерией (ib., N 362). Указание на спасительный характер действий чествуемых лиц нередко в херсонесских декретах (ib., N 343, 346, 362), и нет никаких оснований усматривать за этим исключительно заслуги на военном поприще. Словом, "спаситель", "спасение" фигурируют в херсонесских надписях по разным поводам, так что титул "спаситель" сам по себе не является доказательством ведения победных военных действий. Конечно, из общегреческой истории можно привести множество примеров присуждения этого титула за избавление именно от военной угрозы, но на военный характер действий чествуемого лица указывает не титул сам по себе, а сопутствующие свиде-

тельства. Коль таковых в Аполлонидовом декрете нет, титул сотер не служит доказательством точки зрения Ю.В., тем более, что мы располагаем декретами греческих полисов в честь прокураторов провинций, в которых последние без какого-либо намека на их воинские подвиги именуются титулами ευεργέτης (της πόλιος) καὶ σωτήρ (IGR, V, N 779.107 — декрет времени Адриана в честь проконсула провинции Азия; Bull, ср., 1976, N 660 — почетный декрет г. Кавноса в честь губернатора той же провинции) или σωτήρ της πόλιος.² Эти примеры — а их число нетрудно увеличить — свидетельствуют, что в эпоху империи титул σωτήρ часто был лишь риторическим элементом почетной титулатуры римских официалов высокого ранга, чествуемых декретами греческих полисов.

Теперь о титуле ἀγέτας τας παρ' ἡμῶν εἰράνας. Ю.В. вводит в свой перевод его "предводитель по водворению у нас мира" слово "водворение"; хотя никаких текстуальных оснований для этого нет, оно ему действительно необходимо для придания оттенка активности действий Аполлониды в пользу Херсонеса — вымышленной победе над варварами. Если бы это было так, скорее ожидалась бы формулировка ἀγέτας τας νίκας "предводитель победы" (ср. титул νικηφόρος), а не "мира". Да, мир может быть результатом войны, но он также результат дипломатической деятельности. Например, Демосфен, ведший активную дипломатическую деятельность ввиду македонской угрозы, именует себя титулом της εἰρήνης ἡγεμὼν "вождь, предводитель мира" (Dem., XVIII, 24). Словом, и титул "предводитель мира у нас" сам по себе ни в коей мере не служит доказательством военной победы, — для этого требуются сопутствующие указания, которых в Аполлонидовом декрете, повторяю, нет.

Ю.В. придает большое значение выражению, близкому титулу ἀγέτας τας εἰράνας Аполлонидова декрета, из косского декрета времени Северов в честь флотоводца Семпрония Виктора, который της ἐπὶ πᾶσαν θάλασσαν ἡγεσάμενος εἰρήνης μετ' ἐξουσίας σιδήρου "предводительствовал миром на всем море посредством *jus gladii*" (IGR, TV, 1057; от русского перевода Ю.В. воздержался), в чем он видел подтверждение своей мысли о военном характере миссии Аполлониды. На самом же деле эта аналогия не подтверждает его точку зрения, а опровергает по той причине, что у Аполлониды не было *jus gladii*. Поясню: это право командования солдатами иногда предоставлялось в провинциях, управлявшихся прокураторами сенаторского ранга (таковой была и Нижняя Мезия), в военных условиях также финансовым прокураторам, каковым был и Аполлонид. Во всаднических *cursus'ax* это обстоятельство отмечалось, так как наделение финансо-

² Herwerden H. Lexicon Graecum suppletorium et dialecticum. Lugdunum Batavorum. 1910. T. 2. P. 1420.

вого прокуратора всаднического ранга сенаторской привилегией было весьма почетным.³ Однако оба известные нам *cursus*'а Аполлониды — и никейский, и египетский — не упоминают о присвоении ему *jus gladii*, т.е. его деятельность в военной сфере ограничивалась обязанностями по снабжению армии, что входило в его компетенцию как прокуратора по финансам. Можно предположить, что как легат императора в Херсонес Аполлонид мог получить право ведения военных действий, однако ни одна из трех надписей в его честь не упоминает получения им столь лестной для финансового прокуратора почести.

Поскольку очевидно, что никаких реальных указаний на военные действия Аполлониды против таврических варваров нет, остается в силе вывод издателей декрета о том, что направленная Марком Аврелием миссия Аполлониды имела своей основной целью замирение глубинной варварской массы Тавриды и, быть может, прилегающих областей Северного Причерноморья дипломатическими средствами перед открытием весной 174 г. "сарматского" фронта на среднем Дунае (ср.: Herodian., I, 3, 5: Марк Аврелий в ходе Маркоманнской войны одних варваров привлек к союзу посредством дипломатии, других одолел оружием). Этот вывод сделан на основании анализа большого числа разнообразных источников (Издание. С. 73 — 79). Конечно, Херсонес как опорная база римлян в Северном Причерноморье тотчас стал бы объектом натиска варваров с наступлением Рима на их сродственников на Среднем Дунае, поэтому успешность дипломатических действий Аполлониды на самом деле была спасительной для херсонеситов — именно поэтому они величают его "предводителем мира у нас", а не войны или победы.⁴ Обращу внимание на то обстоятельство, что греческие города Северного Причерноморья интересовали Рим прежде всего как опорные пункты в тылу у варваров, беспокоивших

³ Например, Титий Симилис, как и Аполлонид, прокуратор Нижней Мезии по финансам эпохи Северов, получил *jus gladii*, что и было отражено в его *cursus*'е, см.: Dessau, N 1372. Pilaum H.-G. Procurator. // RE. 1957. Hlbd. 45. Sp. 1266. Id. Les carrieres procuratoriennes equestres. P. 1960. T. 2. P. 857.

⁴ Эту линию Марка успешно продолжал и Коммод: "тем временем в Сарматии дела шли хорошо усилиями других вождей", т.е. легатов и наместников провинций (SHA, Comm., VI, 6, 1). Какого характера были эти *res gestae* вождей (*duces*), показывает сравнение с соседней Дакией: "даки побеждены (*victi Daci*)..., хотя в Германии и Дакии население отвергло его (Коммода) власть; все это было улажено вождями X per duces sedata sunt — VI, 13, 5). Здесь *victi* указывает на военные действия, тогда как выражение *sedata sunt* "осажены, утихомирены, улажены" подразумевает прежде всего действия мирного, дипломатического характера (см. об этом также: Herodian., I, 6, 8: наместники придунайских провинций сдерживают варваров оружием и приобретают дружбу их правителей крупными денежными дарами).

придунайские провинции (в этом смысле их роль сродни роли Армении, которая была важна Риму не сама по себе, но лишь потому, что существовала постоянная парфянская угроза восточным римским провинциям). Поэтому римское присутствие в Северном Причерноморье имело прежде всего превентивный характер и опиралось не только на военную силу, но также дипломатию и подкуп варварской верхушки (см. примеры: Издание. С. 77 сл.). Первый пример такой деятельности наместников Нижней Мезии в Северо-Западном Причерноморье и Тавриде дает почетная надпись 60-х годов н.э. в честь Плавция Сильвана, который, с одной стороны, подавил сармат и снял скифскую осаду с Херсонеса, а с другой завязал дружеские сношения с царями бастарнов и роксолан, возвратив им сыновей; у других царей он взял заложников (или залогов — *opsides*); действиями того и другого рода он "укрепил и расширил (*protulit*, т.е. продвинул до Северного Причерноморья) мир провинции" (Dessau, N 986).

Приведенные данные свидетельствуют, что в придунайских провинциях и смежных с ними варварских анклавах римляне традиционно использовали для поддержания *pacis Romanae* наряду с оружием дипломатические меры, в контекст которых органично вписывается вывод издателей о дипломатическом характере миссии Аполлониды. В пользу такого вывода приведу и другие данные. Служебные обязанности прокураторов по финансам, каковым скорее всего был Аполлонид, в числе прочего связаны с приемом иностранных послов, т.е. они по роду службы вовлечены в дипломатическую сферу.⁵ Участие прокураторов по финансам в дипломатических сношениях с вождями варваров обуславливались тем, что одной из самых обычных мер римской политики был их подкуп (к примеру: Herodian., I, 6, 8: наместники придунайских провинций удерживают варваров оружием и крупными денежными выплатами их вождям. См. также: Издание. С. 79).

Наконец, обратим внимание на то обстоятельство, что Аполлониды сопровождала в поездке его жена Паулина. Если Аполлонид прибыл в Херсонес для ведения боевых действий против варваров, как этого хочет Ю.В., причем это имело характер военного десанта (по словам Ю.В., он сразу по прибытии ввел войско в бой), то странно, что полководец берет с собой в десантную операцию жену (понятно, что нормальный человек воздержался бы от этого). Напротив, не вызывает вопросов прибытие главы дипломатической миссии с супругой, кото-

⁵ Так, Миницию Марциалу, пропретору Сирии времени Северов, губернатор провинции Марк Максимин, что карьера Аполлониды по преимуществу административная: Devijver H. The Equestrian Officers of the Roman Imperial Army. Amsterdam. 1989. P. 93.

рая оказала херсонеситами какие-то ценные услуги, за что была удостоена ими наряду с мужем отдельного почетного декрета.

Полагаю, сказанного достаточно для сдачи в архив подходящей лишь для исторического романа идеи Ю.В. о войне Аполлониды с таврическими варварами. (Другое возможное понимание цели миссии Аполлониды — улаживание социального конфликта внутри херсонесского общества — было рассмотрено издателями и отвергнуто по ряду причин, см.: Издание. С. 71-72).

Еще один объект критики со стороны Ю.В. исторических построек издателей надписи — их гипотеза о трехслойном делении херсонесского общества. Он просто объявляет "ошибочной", не утруждая себя аргументацией, установленную ими трехслойную стратификацию херсонесского общества по данным исследуемого декрета: 1) "изначальные херсонеситы" (οἱ ἀρχαῖον Χερσοναῖται стк. 26), 2) "первые херсонеситы" (Χερσοναῖται οἱ πρῶτοι стк. 28), которые, судя по списку булевтов, состояли из представителей родовой знати и "новых" граждан вроде римских ветеранов, 3) рядовое гражданство, δάμος и просто Χερσοναῖται (стк. 4-5, 31; Б, стк. 8, 15, 22), αἰτοί (IOSPE, I, 377. 11). На основе такой стратификации издатели предложили гипотезу, согласно которой известное из этой и других надписей деление херсонесских должностных лиц на три "ряда" (οἱ τῆτοι) отражает три указанные группы херсонесского общества (Издание. С. 84 сл.). Вся критика Ю.В. свелась к тому, что в выражении стк. 26 τοῖς ἀρχαῖον Χερσοναῖταιν προέδροις наречие ἀρχαῖον относится не к Χερσοναῖταιν, а к προέδροις, кроме того обозначение второго "ряда", ошибочно пропущенное резчиком в списке магистратов, надо начинать не с имени второго архонта, как сделали издатели, а где-то ранее. Конечно, последнее не имеет прямого отношения к вопросу о социальных слоях херсонесского общества и связи "рядов" с ними, но рассмотреть этот вопрос стоит.

Напомню читателю, что список должностных лиц, утвердивших Аполлонидов декрет, возглавляет в каждом "ряду" соответствующий архонт: перечисление членов первого "ряда" открывается именем первого архонта, третий "ряд" открывается именем третьего архонта (стк. 33, 38); указание на второй "ряд" ошибочно пропущено резчиком (т.е. цифра 2). В известных нам херсонесских декретах II в.н.э. первый "ряд" открывается именем первого архонта, третий — именем просто архонта (их тут несколько), во втором же "ряду" обычно числятся булевты — неархонты (в двух надписях тут присутствуют и архонты, но не они открывают этот "ряд", — IOSPE, I, 392. Суров. С. 155). С точки зрения этой обычной картины Ю.В. действительно мог бы начинать второй "ряд" с любого имени, что он и сделал, однако все дело в том, что в Аполлонидовом декрете мы впервые встречаемся с должностями "второй архонт" и "третий архонт" (в остальных херсонесских декре-

тах фигурируют "первый архонт" и просто "архонты"). Поскольку в Аполлонидовом декрете первый "ряд" открывается именем "первого архонта", а третий "ряд" именем "третьего архонта" (стк. 33, 38), то ясно, что второй "ряд" должен открываться именем "второго архонта" в стк. 37. Иначе говоря, пропущенная резчиком цифра "2" должна быть восстановлена перед именем "второго архонта" Флавия Насона. Жаль, что эта простейшая арифметика не была осознана критиком.

Теперь о понимании выражения σύνψαφον τοῖς ἀρχαῖον Χερσοναῖταιν προέδροις. Я отнес наречие ἀρχαῖον "с самого начала, изначально, издревле" к этнику Χερσοναῖταιν, перед которым оно стоит, и понимал всю статью декрета в качестве указания "голосовать вместе с проедрами изначальных херсонеситов", полагая, со ссылкой на соответствующие примеры, что потомки древних насельников Херсонеса ценили древность своих родов (Издание. С. 63, 68, 84). При наличии двух альтернативных вариантов Ю.В., разумеется, выбирает противоположный — отнес упомянутое наречие к слову προέδροις (Досье. С. 53). То, что он обошелся без какой-либо аргументации, понять можно — и в самом деле эта связь напрашивается сама собой, она естественна. Однако такому пониманию противоречит исторический факт — должность проедров в Херсонесе появилась довольно недавно по отношению ко времени принятия Аполлонидова декрета — в I в. н.э., поэтому она не могла быть названа в нем "исконно существующей" (перевод Ю.В.).

Поскольку мнение Ю.В. поддержала И.С.Свенцицкая (также без аргументации), остановлюсь на этом вопросе. Проедры появляются в надписи I в. н.э. IOSPE, I, 354 (попытка Ю.В. датировать ее более точно — ранним I веком — необоснованна), затем они фигурируют в декретах II в. (N 357 — 359, 362, 364, 366, 367, 369, ср. 425). Их официальное наименование — πρόεδροι Χερσοναῖταιν (так обычно начинаются декреты II в: проедры вносили постановления в Совет и народное собрание). В Аполлонидовом декрете представлено более развернутое их обозначение (в соответствии с экстраординарным характером этого документа сравнительно с прочими декретами): οἱ ἀρχαῖον Χερσοναῖταιν πρόεδροι, и очевидно, что здесь сделано смысловое ударение на наречии ἀρχαῖον "издревле, изначально", поскольку все другие надписи содержат формулировку без него.⁶ Для того, чтобы

⁶ В этой же фразе далее Аполлонида предоставляется почетное право участвовать во всех делах, в которых участвуют Χερσοναῖταιν οἱ πρῶτοι (стк. 28-29). Эти обозначения οἱ ἀρχαῖον Χερσοναῖταιν и Χερσοναῖταιν οἱ πρῶτοι почти идентичны по смыслу: ἀρχή - "начало", πρῶτος - "первый, начальный" (πρῶτη "первый раз, начало"), и это со всей определенностью указывает на соотносительность наречия ἀρχαῖον с Χερσοναῖταιν (как и в обозначении Χερσοναῖταιν οἱ πρῶτοι), а не с πρόεδροι в рассматриваемом выражении стк.

показать, что и мое понимание позиции указанного наречия в рассматриваемом выражении синтаксически возможно, сошлюсь на аналогичную конструкцию у Платона. Предварительно отметив, что указанному наречию по смыслу равнозначно наречие ἐξ ἀρχῆς⁷ и что в классическом языке этнику Хερσωναίων должен предшествовать артикль τῶν (= τῶν), сошлюсь на Plat., Resp., 366 e: "οσοι (= οἱ) ...ἀπὸ τῶν ἐξ ῬΧῆς ἠρώων ἀρξάμενοι" "начиная от первых героев" (перевод А.Н.Егунова), дословно: "(все) начинающие от героев издревле". В этом примере наречие очевидным образом поясняет слово, перед которым стоит, а не ἀρξάμενοι, несмотря на свою позицию между ним и относящимся к нему местоимению — артикль "οσοι (= οἱ)", что и отражено в переводе Егунова "от первых героев". Стало быть, в аналогичном по конструкции выражении οἱ (τῶν) ἀρχαῖον Хερσωναίων πρῶδροι наречие может пояснять слово, перед которым стоит, так что вся фраза означает: "голосовать вместе с проедрами первых херсонеситов" (или "херсонеситов издревле"). Такое понимание данного выражения не только снимает указанное противоречие с исторической реальностью — относительно недавним введением должности проедров в Херсонесе, но и тем более предпочтительно, что в декрете строкой ниже упоминаются как раз эти самые Хερσωναίων οἱ πρῶτοι "первые херсонеситы".

У меня, однако, нет острой нужды настаивать именно на своем понимании дискутируемого выражения, так как гипотеза о трехслойном делении херсонесского общества вовсе не покоится исключительно на нем — ее базис составляют недвусмысленные свидетельства херсонесских декретов II в. о четко проводившемся здесь различии, по меньшей мере на терминологическом уровне, между потомственными гражданами и теми, кто сравнительно недавно получили гражданские права. В ряде декретов подчеркивается потомственность гражданского состояния — особо почтенные ксены получали гражданские права, равные правам "природных" граждан Херсонеса, — IOSPE, I, 359.14: ὦν καὶ

26. Обращу внимание на еще одно обстоятельство: в стк. 25 сл. Аполлонид объявляется булевтом и имеющим право "голосовать вместе с τοῖς ἀρχαῖον Χ. πρῶδροις" (ранее, в стк. 7 сл. ему предоставлено фажданство, он булевт и проедр). В контексте стк. 25-26: βουλευτὰν τε "ἐμμεν αὐτὸν καὶ σύνψαφον τοῖς ἀρχαῖον Χ. πρῶδροις, где рядом стоят βουλευτὰς и πρῶδροι, отнесение наречия ἀρχαῖον к πρῶδροι невероятно по причине того, что как раз булевты — изначальная должность в Херсонесе, тогда как проедры — нововведение I в.н.э. Еще раз отмечу, что бессмысленно считать в 174 г. эту недавнюю новацию "исконно существующей", как сочли мои оппоненты.

⁷ Согласно лексикографу Фриниху, "ἀρχήν употребляют поэты, сведущие же в прозе употребляют ἐξ ἀρχῆς" (цитирую по изданию: Aeschyl., fr. 758 Mette, fr. 416 Nauck).

τοῖς ἐνφύ(τοις τῶν ἀστῶν μέτεστιν "которыми (правами) пользуются и природные (граждане) из числа горожан"; то же в формуле того же значения — N 364.23: ἀπὸ γένους [πολίταις] "гражданам по рождению".⁸ Эту традицию херсонеситы вынесли из своей метрополии, ибо в декрете в честь гераклеота Фрасимеда подчеркивается, что он "природный гражданин Гераклеи" (ib., 357.3: Ἡρακλέας φύσει πολεῖτας, также в Суровском декрете в честь другого гераклеота: ἐκ φύσιος πολεῖτας). Последние примеры особенно показательны: с одной стороны, они свидетельствуют, что это древняя традиция, восходящая ко временам основания Херсонеса, а с другой, ввиду датировки упомянутых декретов II в. н.э., обнаруживают устойчивость этой традиции выделения потомственных аристократов из общей массы херсонесских граждан.

Соответственным образом херсонеситы отличали от граждан по рождению лиц, сравнительно с ними недавно ставших гражданами. — ib., N 691.5-6: πολί[τας ποι]ηθεῖς, дословно "сделанный гражданин". Таковыми были разбогатевшие представители третьего сословия — купцы, рыбозаводчики, виноторговцы, осевшие в городе римские ветераны; наиболее влиятельные из них становились членами Совета. Понятно, что в Херсонесе потомственные граждане выделились в особую привилегированную группу при наличии "новых" граждан (последние обозначались терминами πρῶγραφοι = лат. adscripticii, ποιηθέντες и пр.). Отсюда и происходит моя гипотеза о трехслойном составе херсонесского общества: 1) родовая аристократия — потомственные "природные граждане", 2) οἱ πρῶτοι — знать Херсонеса в целом, наряду с потомственными гражданами включающая "новых" граждан, нуворишей, 3) δαμος, ἀστοί, Χερσωναῖται — рядовые граждане (Издание. С. 84). Кстати, это обычная схема социальной стратификации на протяжении всей истории Греции.

Отсюда сама собой напрашивается догадка о связи этих трех социальных слоев с загадочными до сих пор тремя "рядами" (οἱ τοῖχοι) членов херсонесского Совета, которые ("ряды") возникли между 120-130 гг. н.э. (НЭПХ. 2. С. 33). Декрет 130 г. н.э. IOSPE, I, 359 в числе 6 членов первого "ряда" насчитывает 4 представителя рода Агеполида и по одному представителю родов Парфенокла и Аттина (Евридам, сын Диоскорида). Представители двух последних родов присутствуют и в составе Совета, спустя 44 года увенчавшего Аполлонида (см.: Издание. С.83). Таким образом, можно заключить что в документе 130 г., близ-

⁸ Ср также IOSPE, I, 355.42: φύσεως, 368.5: φύσει, 377.3: [? ἐνφύτο] ἀστοῖς (с моим дополнением). Напротив, лица с меньшими заслугами получали права, которыми обладали рядовые херсонеситы, — ib., 357.S. ἰὼν τοῖς] Χερσωναῖταις μέτεστι "права, которыми пользуются херсонеситы", также 358.7 и др.

кого ко времени возникновения "рядов", члены первого "ряда" принадлежали исключительно к родовой знати — "природным" гражданам. В дальнейшем, однако, характер "рядов" изменился, так что в составе первого "ряда" Совета 174 г. присутствуют наряду с потомственными аристократами "новые" граждане вроде римских ветеранов Писона с. Гая и Валерия Примана. В дополнение к уже сказанному о связи трех "рядов" с тремя социальными слоями херсонесского общества (Издание. С. 84 сл.) добавлю, что эта связь прослеживается и по характеру имен членов Совета. Греческие имена членов первого "ряда" высокие — с развернутым именником, теофорные, аристократические, мифологические. Такие имена представлены и в двух других "рядах", но здесь встречаются и "низкие" бытовые имена. При этом интересно, что имена, сложные со словом *δῆμος*, присутствуют преимущественно во втором и третьем "рядах". В целом, как бы ни объяснять сущность херсонесских "рядов" (по Латышеву, столбцы в подлинных документах; Соломоник указывала в качестве возможных источников три ряда в театральном хоре, три группы римских должностных лиц, три возрастных класса у дорийцев, — НЭПХ. 2. С. 33 сл., 264), мне представляется, что природа их социальная, на что указывает подмеченная Соломоник их иерархичность (Там же. С. 26 сл.). Также напомним, что это разделение должностных лиц на три "ряда" — не традиционный для Херсонеса обычай, а нововведение 120-х годов (Там же. С. 33; развернутые списки должностных лиц, регулярно скреплявших своими подписями важные документы, появляются с начала II в.н.э.). По-видимому, именно в 120-х годах потомственной аристократии и торгово-финансовой олигархии Херсонеса удалось полностью захватить политическую власть в свои руки, что и было реализовано на конституционном уровне разделением общества на три "ряда". Возможно и иное понимание событий, стоявших за введением трех "рядов" — потомственной аристократии удалось таким образом выделить преимущество своего социально — политического статуса, обособившись в отдельный первый "ряд". Дальнейшая социально — политическая эволюция херсонесского общества вносила коррективы в социальный состав и численность членов "рядов" (см.: Издание. С. 84 сл.), так что к 174 г., согласно Аполлонидову декрету, основная часть городской знати сконцентрировалась в первом "ряду", что само по себе свидетельствует о его наибольшей престижности, тогда как второй и третий "ряды" численно сократились до трех магистратов (в первом их 16 !). По-видимому, такая диспропорция, сменившая относительное равенство числа членов трех "рядов" второй четверти — середины II в., означала резкое усиление родовой и торгово — промышленной знати, сбившейся в одну стаю; маргинальность второго и третьего "рядов" может свидетельствовать, что "стая" сохранила их лишь в качестве видимости конституционного представительства второго и

третьего сословий. В целом это тема отдельного исследования, поэтому здесь ставлю на ней точку.

Попутно коснусь вопроса о херсонесских проедрах. Понятно, что проедры — коллегия с пробулевматическими функциями, но до сих пор было неясно ее соотношение с херсонесским буле. По Латышеву, проедры — члены Совета, т.е. булевты, согласно А.Бёку, они председатели Совета, Л.А.Пальцева считала, что нет оснований для отождествления проедров с членами Совета.⁹ Аполлонидов декрет проливает некоторый свет на этот вопрос. Поскольку декретом предписано оказание Аполлонида наивысших почестей, указание стк. 25-26 о его праве голосовать вместе с проедрами свидетельствует о первоочередном праве голосования данных должностных лиц, иными словами, о том, что члены этой коллегии пользовались наивысшим почетом. Далее, декрет разделяет булевтов и проедров: дважды отмечается, что Аполлонид становится булевтом и проедром (стк. 8, 25-26). Те и другие принадлежат к числу *Ἡερσωναίων οἱ πρῶτοι* (стк. 27-28). В обоих случаях должность булевта упоминается первой, должность проедра — второй. Все сказанное означает, что должность булевта считалась самой важной в Херсонесе (они упоминаются первыми), а должность проедра — самой почетной (они голосуют первыми). Налицо разделение булевтов и проедров — политическая верхушка Херсонеса поделена на две основные коллегии (таким образом, мнение Пальцевой нашло подтверждение). При этом функции местных проедров имеют представительский характер — они предлагают на народном собрании решения, выработанные в буле, что явствует из вводной формулы местных декретов — "проедры херсонеситов, что в Таврике, предложили"; содержание этой формулы раскрывает почетная херсонесская надпись в честь Демократа, который, "будучи проедром, представлял с почетом и выступал перед народом" (*πρόεδρος [μεν εἰσηγή]σάμενον ἐνδοξῶς [καὶ δημηγ]ορήσαντα*, — IOSPE, I, 425). В Афинах проедрами становились по жребию члены буле от дежурной филы, т.е. они составляли, так сказать, рабочий президиум буле; соответственно можно предположить, что в Херсонесе коллегия проедров кооптировалась из числа членов Совета, но не на время дежурства филы, а была постоянным по составу органом — президиумом херсонесского буле, действовавшим на постоянной основе, — отсюда и происходит разделение буле и проедров, засвидетельствованное нашим документом. Иначе говоря, из числа херсонесских булевтов кооптировалась коллегия проедров (дословно "сидящих впереди") — нескольких наиболее влиятельных олигархов, которые в силу своего авторитета исполняли представительские функции, внося решения Совета на народное собрание, чем в

⁹ Литературу см.: Пальцева Л.А. О должностных лицах херсонесского Совета в первые века н.э. // ВДИ. 1977. № 3. С. 178.

глазах публики подчеркивалась авторитетность этих решений, предвзвешенно выработанных Советом и проедрами.

Коснусь также интересного вопроса, который за недостатком места не был рассмотрен в издании — о $\rho\rho\omicron\zeta\epsilon\nu\acute{\iota}\alpha\varsigma$, $\rho\omicron\lambda\iota\tau\epsilon\acute{\iota}\alpha\nu$ (А, стк. 22, Б, стк. 17) нашей надписи и других херсонесских декретов. По мнению Ю.В., я ошибочно ставлю запятую между указанными словами и перевожу первое множественным числом "проксении", — такой перевод-де лишен всякого смысла (Досье. С. 53). Ю.В. напомнил, что Латышев и другие исследователи переводили выражение херсонесских декретов $\rho\rho\omicron\zeta\epsilon\nu\acute{\iota}\alpha\varsigma$ $\rho\omicron\lambda\iota\tau\epsilon\acute{\iota}\alpha$ как "гражданство проксении", это, по А.Вильхельму, "право гражданства на основании проксении". Однако, мне представляется, что как раз "гражданство проксении" малодостоверно. Как известно, за термином $\rho\rho\omicron\zeta\epsilon\nu\acute{\iota}\alpha$ стоял набор определенных привилегий, наделение же проксена правом гражданства обозначалось термином $\rho\omicron\lambda\iota\tau\epsilon\acute{\iota}\alpha$. Оба они не случайно проходят рука об руку через всю историю проксении; в том числе в Херсонесе до 130 г.н.э. представлена обычная формулировка — проксену предоставляются $\rho\rho\omicron\zeta\epsilon\nu\acute{\iota}\alpha\nu$, $\rho\omicron\lambda\iota\tau\epsilon\acute{\iota}\alpha\nu$ (IOSPE, I, 340, 356. Суров. С. 155): за каждым из них стоял определенный набор проксенических привилегий и гражданских прав. По-видимому, Суровский декрет от 130 г. в последний раз упоминает эту обычную формулировку, — в последующее время в херсонесских декретах содержится уникальная формула: $\rho\rho\omicron\zeta\epsilon\nu\acute{\iota}\alpha\varsigma$ с последующим $\rho\omicron\lambda\iota\tau\epsilon\acute{\iota}\alpha\nu$ (IOSPE, I, 357, 364, 377-379. НЭПХ. I. С. 32), которую Латышев походя счел единой формулировкой "гражданство проксении" (IOSPE. Т. IV. Р. 46. Т. I. Р/317), что приняли последующие исследователи, в том числе также походя обративший на нее внимание Вильхельм.¹⁰ Однако, на мой взгляд, такая трактовка существенно уменьшает объем проксенических привилегий, сводя их до обычного права "вплывать и выплывать в мирное время и военное, неприкосновенно и без заключения договора — самому, потомкам и имуществу". В действительности же проксенические права были многим шире, прежде всего в юридическом отношении.¹¹ Следовательно, $\rho\rho\omicron\zeta\epsilon\nu\acute{\iota}\alpha$ как обозначение полных по объему проксенических прав и привилегий не может быть элиминирована из херсонесских декретов, принятых после 130 г., даже если проксену предоставлено право гражданства ($\rho\omicron\lambda\iota\tau\epsilon\acute{\iota}\alpha$). Некоторые данные по рассматриваемому вопросу предоставляют нам лишь декрет в честь гераклеота Фрасимеда и Аполлонов декрет. Около 130 г. Фрасимеду, ранее уже получившему от херсонеситов исополитию (IOSPE, I, 357.12), дается $\rho\rho\omicron\zeta\epsilon\nu\acute{\iota}\alpha\varsigma$

$\rho\omicron\lambda\iota\tau\epsilon\acute{\iota}\alpha\nu$. Если понимать последнее в качестве "гражданства проксении", то получается, что херсонеситы, уже наделив Фрасимеда правом гражданства у себя "как достойного... мужа и ради матери нашей, а его отчины Гераклеи", еще раз предоставляют ему то же самое право, но уже на основании проксении! Налицо отсутствие логики при такой постановке вопроса. Кроме того, Фрасимеду предоставлено право "участия во всем, в чем участвуют и **сами** херсонеситы" (стк. 18-19). Такое же право участия в делах херсонеситов, иначе говоря, исополитические права, предоставлено и Паулине (Б, стк. 22-24), но Аполлоиду на основании все того же пресловутого "гражданства проксении" предоставлены наибольшие гражданские права и привилегии — те, которыми обладали самые важные персоны города — проедры. Ясно, что разность в объеме получаемых прав определяется не мифическим "гражданством, предоставляемым на основании проксении", а реальными заслугами чествуемого лица — Фрасимед и Паулина получили права рядового гражданина Херсонеса, тогда как Аполлоид сразу введен в состав высших городских властей — в Совет и коллегию проедров. Иными словами, одновременно с получением гражданских прав он как бы сразу реализует свое гражданское право быть избранным на полисные магистратуры. Столь разительная разница в объеме прав и привилегий не может определяться одним и тем же "гражданством проксении", ибо проксенические права — это одна сфера прав и привилегий, а право гражданства — иная сфера. Это хорошо видно на примере так называемого "памятника Евдема из Селевкии" — надписи, представляющей собой собрание выписок из почетных декретов различных городов и союзов в честь Евдема (Syll., 644/645, ок. 172 г. до н.э.): декретом калхедонян Евдему предоставлено право гражданства ($\rho\omicron\lambda\iota\tau\epsilon\acute{\iota}\alpha\nu$), после чего сказано: "а чтобы ему стать проксеном, пусть стратеги...войдут с предложением в Совет согласно закону" (VI, стк. 71 сл.), т.е. право гражданства и право проксении составляют настолько различные правовые институты, что в Калхедоне для наделения ими чествуемого лица проводились две элективные процедуры.

Кстати, на основании именно этого декрета А.Вильхельм пытался увязать предоставление гражданства с получением проксении в смысле "гражданства на основании проксении", в подтверждение чего процитировал затем вскользь оброненную Латышевым мысль о $\rho\rho\omicron\zeta\epsilon\nu\acute{\iota}\alpha\varsigma$ $\rho\omicron\lambda\iota\tau\epsilon\acute{\iota}\alpha\nu$ херсонесских декретов как "гражданстве проксении" (это практически вся аргументация сторонников такой точки зрения). Между тем калхедонская процедура предоставления сначала гражданства, а затем отдельным постановлением проксении (есть еще несколько таких примеров) является перевернутой картиной обычной общегреческой практики, согласно которой, напротив, чествуемому лицу сначала предоставлялись проксенические права и уже на основании их — гражданские права, что и отразилось в неперменной последовательности

¹⁰ См., к примеру: НЭПХ. I. С. 30. Gschnitzer F. Proxenos. // RE. Hlbd. XIII. 1974. Sp. 721. Wilhelm A. Akademieschriften zur griechischen Inschriftenkunde. Lpz. Bd. I. 1974. S. 665.

¹¹ Gschnitzer. Op. cit. Sp. 710 f.

членов частой формулы проксенических декретов — $\text{προξενίαν, πολιτείαν}$ ($\text{πρόξενον καὶ πολιτίην}$). Как видно, зависимость обретения гражданских прав от предварительного получения проксенических прав несомненна (примеры см.: Wilhelm. Op. cit. I. S. 662 f.), однако эта зависимость вполне передается двумя винительными падежами — $\text{προξενίαν, πολιτείαν}$, что само по себе дает полное основание усматривать в слове προξενιάς херсонесских декретов винительный же падеж множественного числа, а не вводить родительный падеж, который никогда не был свойствен рассматриваемой формулировке.

Изложенное указывает на малодостоверность понимания слов $\text{ΠΡΟΞΕΝΙΑΣ ΠΟΛΙΤΕΙΑΝ}$ декретов Херсонеса 130-174 гг. н.э. в качестве единой формулировки "гражданство проксении". На мой взгляд, тут следует ставить запятую между обоими словами, приняв первое за *асе. рi.* "проксении". Такое решение упрощает вопрос до уровня грамматической новации: греческому языку, как и русскому, свойственно употребление существительных, и вещественных и отвлеченных, во множественном числе вместо единственного, например: $\alpha\lambda\epsilon\varsigma$ (мн. число) вместо $\alpha\lambda\varsigma$ "соль" (крупинки соли), πυροί, κριθαί "пшеница", "ячмень" (зерна), ταφαί, γάμοι "похороны", "свадьба" (т.е. похоронные и свадебные обряды), $\text{φιλίαι, τιμαί, έταινοι}$ и так далее.¹² Уже в позднеэллинистическое время наиболее активные деловые люди, действовавшие в общегреческом масштабе, удостоивались почестей от различных городов, в том числе проксенических привилегий. Одну такую фигуру мы только что упомянули — Евдем из киликийской Селевкии получил проксении от 7 греческих городов. Троянец Кассандр, сын Менестея (обратим внимание на его эпический именование), удостоился проксении от союза критян, а от Ахейского союза — проксении и прав гражданства (то $\text{κοινόν των Κρηταιών προξενίαи...}$, $\text{τό κοινόν των Αχαιών προξενίαи καὶ πολιτείαи}$, — Syll., 653 A.8 сл.; Илион, 165 г. до н.э.). Употребление тут мн. числа προξενίαи обусловлено не столько тем, что подразумевались входившие в состав Критского и Ахейского союзов города (ср.: Syll, 598 D — Этолийский союз дает чествуемому лицу $\text{προξενίαν καи πολιτείαν}$, т.е. дает одну проксению на все свои города), сколько обыденностью наличия у одного лица нескольких проксении. Отсюда происходит и спорадическая перемена числа слова *проксен* при наделении приксений одного лица, как в декрете беотян в честь все того же Евдема из Селевкии: вместо единственного числа πρόξενον в обычной формуле "быть проксеном ему и его потомкам" здесь находим (беотийское диалектное) προξένως (= προξένους) $\text{εομεν., αὐτόν καὶ ἐκγόνως}$ "быть проксенами ему и потомкам" (Syll., 644. 29 — 30).

¹² Нидерле. Ук. соч. С. 24, § в, г.

По изложенным причинам, а также ввиду узуса в греческом языке *pluralis pro singulari* можно предполагать, что херсонеситы II в.н.э. стали употреблять вместо единственного числа множественное προξενίαи , чем обозначали всю полноту проксенических прав и привилегий. Эти соображения, не вошедшие в публикацию ввиду ее предельного объема, и побудили меня читать в Аполлонидовом декрете обычным порядком $\text{προξενιάς, πολιτείαν}$ "проксении, право гражданства". Предоставление херсонеситами проксенических прав чествуемому лицу в 174 г. н.э. интересно и само по себе: в греческом мире институт проксении уже давно изжил себя (к рубежу новой эры), так что лишь херсонеситы да еще один — два центра по-прежнему наделяли ничего не значащими проксеническими привилегиями своих благодетелей. Это проявление консерватизма и скупости окраинных дорийцев, как и инертности местного чиновнического делопроизводства.

Теперь коротко о кратких же заметках И.С.Свенцицкой и А.Л.Смышляева. В отличие от Ю.В. они ставили перед собой положительную задачу — уточнить отдельные положения первоиздания, если данная издателями интерпретация какого-либо вопроса не устраивала их. Так, издатели уделили риторическому характеру языка надписи лишь последний абзац своей статьи (С. 86); в работе Свенцицкой этот вопрос получил более развернутое освещение. Интересно ее дополнение в стк. 5 ποτ(ικληθέντας) , предполагающее, что для чествования Аполлониды на народное собрание наряду с демосом были приглашены также неграждане, проживавшие в Херсонесе. Если бы были приведены соответствующие примеры, данное дополнение получило бы большую основательность. Свенцицкая возражает против гипотезы издателей о трехслойном делении херсонесского общества. Я согласен с ней в том, что "эта проблема нуждается в дальнейшем всестороннем исследовании", однако аргументы, заставившие ее сомневаться в данной гипотезе, не показались мне убедительными. Собственно, этих аргументов два. Первый — в выражении $\text{τοῖς ἀρχαθεν Χερσονασίταιν προέδροις}$ наречие ἀρχαθεν относится к проедрам — уже разобран выше. Второй аргумент прямо к данному вопросу не относится, но так как он фигурирует и у Ю.В., упомяну его: если три социальных слоя херсонеситов соотносятся с тремя же "рядами", то критикам непонятно, куда относятся номофилак и грамматей, выведенные издателями за пределы должностных лиц третьего "ряда". Напомню в связи с этим, что отнюдь не издатели вывели их из третьего "ряда", а словоупотребление декрета: если члены всех трех "рядов" ἐσφραγίσαντο "скрепили печатью" декрет, то упоминаемый последней строкой декрета А номофилак ὑπέγραψεν — всего лишь "подписал" документ вместе с секретарем Совета. Верно, что в декретах предшествующего времени номофилаки числятся в третьем "ряду", но фактом остается и то, что значение этой должности падало — в декретах 106-130 гг. в третьем "ряду"

числятся три номофилака, а в декретах середины столетия фигурирует лишь один, так что словоупотребление Аполлонидова декрета, вышедшее "контролера" за пределы "рядов", лишь завершает падение значимости данной должности. Что издатели правильно интерпретировали словоупотребление декрета, показывает новоопубликованный С.Ю. Сапрыкиным (ВДИ. 1998. № 4) декрет, принятый херсонеситами между 106 — 116 гг., в котором секретарь Совета (ὑπαρχατῆς) упоминается в эпонимной датировке, но не входит в число членов Совета, скрепивших печатью данный документ (ἐσφραγίσαντο стк. 33).

Заметка Смышляева, как указывает ее заголовок (см. сноску 1), уделена вопросам карьеры и статуса Аполлонидова, а также выяснению характера его миссии в Херсонес. Все эти вопросы рассматривались издателями (Издание. С. 70 сл.) и Смышляев в основном пересматривает их точку зрения. Ведущая тема его заметки — карьера Аполлонидова, превосходно исследованная им. Напомню читателю, что карьера Аполлонидова описана в двух надписях, происходящих из Египта и вифинской Никей (текст их см.: Издание. С. 70): военный трибун XIV, затем XIII легионов, стоявших соответственно в Верхней Паннонии и Дакии, затем последовательно прокуратор по цензу в Аквитании и прокуратор Нижней Мезии, Фракии, Далмации — Истрии, наконец, прокуратор частного фиска в египетской Александрии, где он и умер в возрасте 55 лет.

Издатели предложили следующую хронологию карьеры Аполлонидова. Согласно никейской надписи, он получил назначение в Аквитанию "при Августе", т.е. во время соправления Марка Аврелия и Луция Вера, закончившееся со смертью последнего в феврале 169 г. Стало быть, Аполлонид был военным трибуном в Паннонии и Дакии примерно между 160-168 гг., в конце которых получил назначение в Аквитанию. Дата херсонесского декрета — весна 173/4 г. — указывает, что его прокураторство в Нижней Мезии приходилось примерно на 173-175 гг. Первая из этих дат определяется предположением о связи перевода Аполлонидова из Аквитании в Нижнюю Мезию ввиду открытия весной 174 г. "сарматского" фронта: как сведущий в делах дунайского региона офицер, служивший ранее в Паннонии и Дакии, он был возвращен на Нижний Дунай (Издание. С. 74). Прокураторство Аполлонидова во Фракии приходится на время между 175-180 гг., затем последовало прокураторство в Далмации и Египте, приходившееся скорее всего на время Коммоды (180-192), самое позднее на начало правления Северов. В любом случае его деятельность закончилась не позднее 190-х годов (Издание. С. 71).

Согласно Смышляеву, в конце 160-х годов Аполлонид служит в Аквитании, около 173-175/6 гг. в Нижней Мезии (тут он солидарен с издателями), но дальнейшая его карьера двигалась более ускоренными темпами, нежели предполагали издатели: ок. 175/6-177/8 гг. он служит

во Фракии, примерно со 177/8 г. в Далмации, после 180 г. в Египте. Конечно, карьера Аполлонидова могла закончиться и в 180-х годах, как считал Смышляев, и в начале 190-х годов, как предположили издатели. Если учесть римские возрастные мерки для замещения должностей военного трибуна и прокуратора, можно предположить, что Аполлонид стал прокуратором Аквитании в 35-40-летнем возрасте, т.е. его прокураторская карьера длилась 15-20 лет (в 55 лет он умер).¹³ Прибавив эти цифры к 165-168 гг., когда он занял свою первую прокураторскую должность, получим, что его карьера завершилась ок. 180-188 гг. В целом разница между схемами Смышляева и издателей составляет десяток лет, что малозначительно и неразрешимо при данном состоянии источников.

Далее Смышляев кратко останавливается на вопросах о цели — военной или дипломатической — миссии Аполлонидова в Херсонес и его статусе. Поскольку в первом вопросе он примкнул к точке зрения Ю.В., ограничусь тем, что сказано об этом выше. Напротив, суждения Смышляева о статусе Аполлонидова ценны тем, что на новом материале он подтвердил давно данное Артуром Штайном определение должно-

¹³ Pflaum. Procurator. Sp. 1266: в большинстве случаев прокураторскую должность занимали в возрасте после 40 лет. Замечу, однако, что в условиях военного времени нижний порог мог быть меньше, почему и принимаю цифры 35-40 лет.

¹⁴ Примерно к таким результатам приводят и известные нам данные о продолжительности службы наместников в одной провинции. При Антонине Пие хорошие наместники пребывали в одной провинции по 7-9 лет (SHA, III, 5, 3). Марк Аврелий в принципе продолжал линию предшественника, но в условиях Маркоманнской войны вынужденно прибегал к частой смене наместников придунайских провинций. Так, Гельвий Пертинакс между 175-181 гг. управлял обеими Мезиями, Дакией и успел заступить на прокураторство в Сирии (SHA, VIII, 2, 10-11). Поскольку частая смена наместников разоряла провинции, Песценний Нигер обратился к Марку Аврелию (в конце его правления) и затем Коммоду с предложением установить пятилетний срок управления провинцией (SHA, XI, 7, 2). Но при Коммоде практиковалась продажа должностей, в том числе наместнических, что опять-таки приводило к частой сменяемости высших провинциальных властей, видимо, в пределах трех лет (SHA, VII, 14, 6-8). Соответственно и наш Аполлонид в период со 165-168 по 174-175 гг. прослужил в двух провинциях, проведя в каждой по 3-5 лет. Последние цифры считаются средними для наместнического срока (Колосовская Ю.К. Римский наместник и его роль во внешнеполитической истории Дакии. / ВДИ. 1988. № 4. С. 20). Отсюда получим, что со 165-168 гг. (начало службы в Аквитании) прокураторство Аполлонидова в пяти провинциях длилось 15-20 лет, т.е. опять-таки до 180-188 г.

сти Аполлонида как прокуратора по финансам (Finanzprokurator).¹⁵ Мысли Смышляева о том, в каких условиях могла проходить служба Аполлонида во Фракии и Далмации, показались мне наиболее интересными в его заметке. Вместе с тем его отдельные суждения о статусе Аполлонида уязвимы. Оглушительные военные успехи, приписанные Ю.В. Аполлонида, явно навевали предположение Смышляева о том, что Аполлонид прибыл в Херсонес во главе вспомогательной вексилляции. Сославшись на примеры употребления слова *σηήλτρον* в значении "знамя" (лат. *vexillum*), он предлагает свой вариант перевода стк. 13 декрета: "'гегемона спасителем из опасности'¹⁶ (император) направил (принять в свои руки) знамя провинции", т.е. поставил во главе сводного отряда (*vexillatio* или *vexillum*), сформированного из дислоцированных в провинции частей. При таком прочтении данного места Аполлонид чествуется херсонеситами как препозит вексилляции, спасшей город от военной опасности" (Ук. соч. С. 147).

Мне сомнительна допущенная Смышляевым подстановка значений — в его переводе *οχαλτρον* = *vexillum* "знамя", а в выводе отсюда *vexillum* уже "отряд"- по той причине, что для этого приходится ввести выражение "принять в свои руки", отсутствующее в тексте. Одно это делает малоосновательным предложенный им вариант понимания статуса Аполлонида как препозита вексилляции. Но суть дела не только в этом: крайне сомнительно, чтобы самый пышный и пространный по своим формулировкам херсонесский декрет чествовал Аполлонида всего лишь в качестве командира вспомогательного отряда. Мало логики и в том, что именно в таком ранге, более подходящем для военного трибуна или центуриона, чествовался прокуратор провинции. В Херсонесе пребывали разные препозиты вексилляции (в ранге военного трибуна и центуриона), но ни один из них не удостоился почестей, хоть сколько-нибудь подобных почестям, оказанным Аполлонида. Херсонеситы чествовали и наместника Нижней Мезии Секста Октавия Фронтоня, между 90-93 годами посетившего их город, но довольно скромно — краткой почетной надписью под статуей с указанием пропреторского ранга чествуемого легата Августа (IOSPE, I, 422; быть может, был издан и более пространный декрет, но мы об этом ничего не знаем).

С помощью версии об Аполлонида как командире вексилляции Смышляев хотел преодолеть противоречие между обозначением его в послужных *cursus'ax* в соответствии с его всадническим рангом и должностью прокуратора по финансам термином *ἐπίτροπος* и обозначением его в херсонесском декрете термином *ἡγεμόν* (стк. 12), кото-

рый применялся по отношению к наместникам провинций. Это противоречие действительно не просто разрешить. Возможно, *ἡγεμόν* здесь не *terminus technicus*, а риторический элемент, на что может указывать риторический же контекст фразы в целом и конкретно относящееся к этому слову указательное местоимение *τοιούτον* : прислал "такого вождя" (конечно, малоуместен перевод "прислал такого финансового прокуратора", обязательный при понимании *ἡγεμόνα* стк. 12 в качестве *terminus technicus*, т.е. греческого перевода римского должностного термина). На это может указывать и абсолютно тождественное по конструкции другое выражение в той же фразе декрета (стк. 16): *τοιούτον κατέστασεν ἡγέταν* "такого направил вождя" (= *τοιούτον ἡγεμόνα...ἐπεμψεν* стк. 12: "такого прислал вождя"), где слово *ἡγέτης* вообще не имеет терминологического значения, т.е. не употреблялось для перевода римских должностных терминов. Этот параллелизм словупотребления внутри одной фразы декрета может свидетельствовать против понимания слова *ἡγεμόν* в качестве официального обозначения должности Аполлонида. Если это так, снимается противоречие между словопотреблением херсонесского декрета (титул *ἡγεμόν* употребляется применительно к наместникам провинций) и реальной всаднической должностью Аполлонида как прокуратора по финансам (*ἐπίτροπος* никейской и египетской надписей). Соответственно исчезает преграда заключению издателей о том, что Аполлонид прибыл в Херсонес именно в качестве прокуратора Нижней Мезии. (Кстати, если бы он явился в Херсонес в качестве препозита вексилляции, это скорее всего нашло бы отражение в никейском и египетском *cursus'ax*).¹⁷

Можно указать и причины, заставившие херсонеситов вопреки официальному узусу применить к Аполлонида слово *ἡγεμόν*, в общем не соответствующее его всадническому происхождению. Это, во-первых, приподнятый риторический язык надписи, содержащий эпические поэтизмы, эмфатические глаголы и выражения (*ἀρχαθεν, ἀναβοᾶσαι, εὐφραδῆσαι, ἐπιθειᾶσαι, τοιούτον ἡγεμόνα σωτήρα, ἐπαρχείας σηήλτρον, τοιούτον κατέστασεν ἡγέταν τὰς παρ' ἡμεῖν εἰράνας, αἰῶνα καρύμματα ἐσσούμενα* etc.). Само собой разумеется, что столь торжественный язык декрета определялся значимостью визита Аполлонида для херсонеситов и важностью его должности как финансового прокуратора. В связи с этим обращаюсь к великому прозорливцу А.Штайну (книги его неказисто изданы сравнительно с роскошными просопографическими компендиумами наших дней Девий-вера, Томассона и др., но многое он угадал точнее их, в том числе и

¹⁵ Stein A. Römische Reichsbeamte der Provinz Thracia. Sarajevo. 1920. S. 75 f. Id. Die Legaten von Moesia. Budapest. 1940. S. 113, 127.

¹⁶ Конечно, "спасителем от опасности".

¹⁷ Во всаднических *cursus'ax*, и не только в них, пребывание на посту препозита вексилляции также отмечалось, — см., к примеру, карьере всадника и префекта претория Юлиана, служившего при Марке Аврелии и Коммодe (Dessau, I, 1327).

время деятельности Аполлониды). Штайн отметил, что Аполлонид как прокуратор Фракии имел высокий ранг, который он обрел еще в Нижней Мезии; этот высокий ранг означает, что должность прокуратора по финансам во Фракии (и, добавим мы, в Нижней Мезии) немногим уступала по значимости должности президиального прокуратора.¹⁸ В связи с этим обращу внимание на незначительность числа известных нам прокураторов Нижней Мезии по финансам сравнительно с президиальными прокураторами, иначе говоря, губернаторами провинций. Если воспользоваться даже несколько устаревшими сводками Штайна, то получим следующую картину.¹⁹ Ближайший предшественник Аполлониды, прокуратор всаднического ранга, служил в Нижней Мезии ок. 120 г., следующий после Аполлониды прокуратор по финансам Тит Симилис действовал во времена Северов. В целом же с 92 г. по конец III в.н.э. в Нижней Мезии правили более полусотни наместников сенаторского ранга (т.е. губернаторов) и только 6 прокураторов по финансам. Такое соотношение указывает на чрезвычайность или специфичность полномочий последних. Не исключено, что миссия Аполлониды в Херсонес пришлась на такое время, когда в Нижней Мезии не оказалось наместника сенаторского ранга; в таком случае для херсонеситов он действительно был олицетворением главы провинции (хотя фактически не являлся таковым), в связи с чем они и нарекли его титулом *ἀρχὸν*, употребительным по отношению к наместникам любого ранга или высшим армейским офицерам.²⁰

В хорошо описанной Смышляевым карьере Аполлониды вызывает возражение также заключение, что с переводом во Фракию он как бы пошел на понижение в смысле значимости своего поста. Во-первых, мнение Г.Пфлаума о том, что прокураторская должность во Фракии была сексагенарной, не общепринято — к примеру, Г.Девийвер полагает, что должность Аполлониды в Мезии и Фракии была одинаково

¹⁸ Stein. *Römische Reichsbeamte*. S. 76 f.

¹⁹ Stein. *Die Legaten von Moesia*. S. 113, 126-127.

²⁰ В 170-х годах в Нижней Мезии правили следующие губернаторы: ок. 170 г. Вигелий Тертулл, которому наследовал до 172 или 173 г. Макрин Виндекс. За ним следует Валерий Брадуа Клавдиан, правление которого выявляется из одной каллатийской надписи, датированной до 175 г. Длительность его правления неизвестна, но очень вероятно, что со 177-178 г. провинцией руководил Гельвий Пертинакс, за ним — Кальпурний Юлиан, надпись которого из Новотрута относится ко времени до 180 г. См.: Dobrutiu-Boila E. *Der Status von Moesia Superior unter Markus Aurelius*. // ZPE. 1987. S. 258. Ead. *Legati Moesiae Inferioare intre 175-180 si 198-212*. // Studii clasice. 1984. T. 22. P. 109 f. Cf.: Stein. *Die Legaten von Moesia*. S. 126. Alföldi G. *Konsulat und Senatorenstand unter den Antoninen*. Bonn. 1977. S. 233. Thomasson B. *Laterculi praesidum*. Göteborg. 1984. T. 1. Kol. 137 f.

цененарной (Op. cit. P. 92-93). Во-вторых, если Пфлаум и прав, в военных обстоятельствах перевод на ту же, но менее оплачиваемую в другой провинции должность, не был понижением статуса. Например, Адриан для руководства Иудейской войной отозвал Секста Юлия Севера со значительного прокураторского поста в Британии, назначив его прокуратором сравнительно менее значительной Иудеи. Во время Парфянской войны Луций Вер вызвал из той же Британии М.Стация Приска, который стал одним из ведущих командиров, дав ему низшую по рангу Каппадокию.²¹ Если говорить о карьере Аполлониды с точки зрения оплаты, то она постоянно шла вверх: в Аквитании он занимал сексагенарную должность, в Нижней Мезии и Фракии цененарную, в Далмации и Египте дуценарную.²² Удачно прослужив в балканских провинциях, Аполлонид к концу жизни заслужил покойную должность в теплой и богатой Александрии. Это был заслуженный удел хороших чинов высокого провинциального ранга. Например, Папирий Ксенофонт при Коммоде в числе прочих должностей последовательно был прокуратором портория Иллирийских провинций по Нижней Мезии и трем Дакиям, прокуратором паннонских и далматинских аргентариев, прокуратором Дакии Апуленсис и закончил свою службу, как и Аполлонид, прокураторством в Египте (Dessau, 1, 1421).²³

Наконец, остановлюсь на вопросе о надписях, близких Аполлонидову декрету. Я отметил сходство ее письма с фрагментом декрета 1968 г.; они настолько близки, что вышли из-под руки одного резчика или из одной мастерской (Издание. С. 80). Это повторил Ю.В. (без ссылки на предшественника) и отметил принадлежность к этой же мастерской фрагмента, изданного Э.И.Соломоник,²⁴ по его мнению составляющего одно целое с фрагментом 1968 г. Разделяя отчасти это мнение, отношу к числу произведений той же мастерской еще один декрет (НЭПХ. I. С. 23 сл., фото на с. 32). Для всех четырех упомянутых надписей характерно употребление одного и того же пошиба письма, одного шрифта, а также больших сложно профилированных филенок на лицевом поле плиты. Все они, стало быть, относятся к середине второй половины II в.н.э. Полагаю, что изданный Соломоник в НЭ фрагмент составляет одно целое не с фрагментом 1968 г., а с Аполлонидовым декретом, на что может указывать одинаковое вторичное использование их в качестве строительного материала: на обо-

²¹ Fitz J. *Legati Augusti pro praetore Pannoniae Inferioris*. // *Acta antiqua*. 1963. T. 11. P. 272.

²² Devijver. Op. cit. P. 92 f.

²³ На карьеру еще одного, неизвестного по имени лица, сходную с карьерой Аполлониды, указал Девийвер (Devijver. Op. cit. P. 93).

²⁴ Соломоник Э.И. Несколько неизданных надписей Херсонеса и его окрестностей. // НЭ. 1974. Т. 11. С. 33 сл.

их лицевых полях имеется известковый строительный раствор (о фрагменте 1968 г. таких сведений нет). Если это так, изданный Соломоник фрагмент принадлежит к начальной части Аполлонидова декрета, т.к. он упоминает императора: [—? Αὐτοκράτ]ωρ βα[—][—]λα δέ καὶ [—][—Σε]3αστο[ς—|—πó]λιν (?)—. В начале сохранившейся части Аполлонидова декрета высота букв 1,8 — 1,7 см, далее она уменьшается до 1,5-1,4 см; у изданного Соломоник фрагмента высота букв 1,9 см, что может соответствовать как раз начальной части Аполлонидова декрета, судя по явному увеличению высоты букв к началу надписи.

В заключение отмечу, что дискуссия прояснила, хотя и не до конца, некоторые аспекты понимания этого очень важного источника по истории Херсонеса и Северного Причерноморья в целом во второй половине II в. н.э., — важного как в отношении внутренней истории региона, так и в контексте крупнейшего события времени Марка Аврелия — взаимоотношений Рима и варварского мира Юго-Восточной Европы. Дальнейшие усилия исследователей, заинтересовавшихся этим документом, могут быть направлены на уточнение, во-первых, чтения некоторых разрушенных мест надписи (стк. 2-5, 13-15), во-вторых, цели миссии Аполлонидова в Херсонес, в-третьих, социально — политического положения херсонесского общества в середине и второй половине II в. н.э. Есть и ряд частных вопросов, требующих специального исследования: карьера Аполлонидова, номенклатура должностей в Херсонесе II в. н.э., социально — политическая стратификация общества и просопография должностных лиц этого столетия. Наконец, благодатная тема — профессиональное исследование языка надписи, которая представляет собой интереснейший и один из самых последних памятников дорического диалекта.

О.Б. Мязина

«СТРАННОЛЮБИВ» В РАННЕХРИСТИАНСКИХ ОБЩИНАХ И АНТИЧНЫЙ ОБЫЧАЙ ГОСТЕПРИИМСТВА

Приступая к изучению становления и развития христианства в первые века нашей эры, нельзя не обратить внимание на целый ряд аспектов взаимодействия нового учения и окружавшей его адептов культурной среды, поскольку влияние последней обнаруживается на самых различных уровнях и практически во всех сферах, — от богословских изысканий до системы жизненных правил. Вместе с тем, этот процесс не являл собой прямого заимствования тех или иных установок, но, предполагал, скорее, их переосмысление и включение в систему формирующегося христианского мировоззрения уже в новом качестве.

В сфере практической морали одним из весьма показательных примеров такой «переработки» древних этических установок является распространенная в раннехристианских общинах I-II вв. традиция оказания приема и помощи странникам.

Данный аспект, несмотря на наличие большого числа исследований, либо полностью посвященных, либо в той или иной степени затрагивающих вопросы внутренней жизни объединений первохристиан, является сравнительно мало освещенным в литературе, поскольку как отечественных, так и зарубежных авторов в большей степени привлекала иная проблематика, например, исследование организационной структуры нарождающейся церкви, развитие богослужебной практики и т.п.

В тоже время, нельзя не упомянуть ряд работ, в частности, монографию И.С.Свенцицкой, в которых интересующий нас аспект рассматривается в числе других в общем контексте, что позволяет в целом опереться на эти исследования при дальнейшем изучении христианского «страннолюбия».

Сразу следует отметить, что данные источников предоставляет нам не слишком обширный, но вполне достаточный для наблюдений и выводов фактический материал. Так, в произведениях новозаветного канона — Деяниях апостолов, Посланиях — мы находим целый ряд как прямых упоминаний странноприимства, так и эпизодов, имеющих к нему непосредственное отношение. Также и весьма важный для реконструкции внутренней жизни раннехристианских общин апокриф «Учение двенадцати апостолов», дает дополнительные сведения о странноприимстве в кругу христиан.

Начнем с того, что сам факт упоминания «страннолюбия» (традиционно обозначавшегося термином φιλοξενία), в целом ряде произведений Нового Завета, различающихся по своему происхожде-

нию, авторству, времени создания, идейной направленности свидетельствует о достаточно широкой его распространенности в среде первохристиан, причем как в близких к иудаистской традиции, так и в имеющих с ней мало общего объединениях верующих.

При этом очевидно, что оказание гостеприимства странникам выступает как одна из важных этических добродетелей, в пользу чего свидетельствует упоминание «страннолюбия» в ряду качеств, обязательных для претендентов на руководящие должности в общине.

Так, в первом послании к Тимофею мы находим «...епископ должен быть непорочен, одной жены муж, трезв,<...>, страннолюбив, учителей...» (I Тим. 11:2). Сходное указание встречается и в других посланиях (см. напр., Титу, 1:7-8).

Проявления «страннолюбия» требовали не только от руководителей, но и от менее значительных должностных лиц: «...вдовица должна быть избираема <...>, если она принимала странников» (I Тим. V:10).

Таким образом, можно видеть, что оказание гостеприимства, прием и помощь странникам играли значительную роль в жизни ранних христиан. Это подтверждают и повторяющиеся увещевания и напоминания, вроде тех, что мы находим в апостольских посланиях: «Будьте страннолюбивы друг к другу без ропота» (Iе Петра, IV:9) или: «...страннолюбия не забывайте, ибо через него некоторые оказывали гостеприимство ангелам» (Евр. XIII:2).

Вызваны эти призывы, по-видимому, двумя причинами, во-первых, практической надобностью, поскольку «странноприимцы», несомненно, оказывали путешествующим собратьям значительную помощь; а во-вторых, этическими соображениями.

Но, рассматривая цитаты из источников, касающихся «страннолюбия», не лишено целесообразности задуматься над тем, кто подразумевается в качестве его объекта, каких именно странников рекомендуется принимать и «отпускать как должно».

Очевидно, что речь идет прежде всего и преимущественно о братьях по вере, и одним из особенно ярких подтверждений этому может служить упоминание в «Деяниях» некой Лидии, принявшей в дом апостола Павла со словами: «Если вы признали меня верной Господу, то войдите в дом мой и живите у меня...» (Деян. XVI:14-15). С этим эпизодом перекликается цитата из другого произведения: «...ты как верный поступаешь в том, что делаешь для братьев и для странников, ибо они пошли, не взяв ничего от язычников...» (III Ин. 5-8), подтверждающая, что за помощью обращались прежде всего к единомышленникам и единоверцам.

При этом, судя по сообщениям «Дидахе», странниками могли быть как рядовые верующие, совершающие путешествие по своей надобности, так и принявшие на себя труд проповеди Евангелия апостолы.

Относительно первых в «Дидахе» сказано: «всякого приходящего во имя Господа, принимайте...<...>. Если пришедший к вам проездом [направляется] в другое место, помогите ему, насколько можете» (Дидахе, XII:1-2).

Что же касается странствующих апостолов, относительно которых в цитируемом источнике имеется своего рода руководство по различию истинных учителей и «лжепророков», то на их примере ярко выступает одна весьма существенная особенность в раннехристианском обычае помощи странникам.

Так, оказание гостеприимства подчас зависело от того, насколько совпадали взгляды того или иного странствующего проповедника и его трактовка Евангелия с взглядами членов посещаемой им общины. На это есть прямые указания: «... кто приходит к вам и не приносит сего учения, того не принимайте в дом и не приветствуйте его» (II Ин. 10).

Подобную избирательность пришлось испытать на себе и апостолу Павлу, о чем он пишет в одном из посланий: «...ни одна церковь не оказала мне участия подаванием и принятием, кроме вас одних...» (Филипп. IV:15).

По сравнению с подобной строгостью предписания «Дидахе» выглядят несравненно более мягкими: «Всякий апостол, приходящий к вам, да будет принят как Господь» (Дидахе, XI:4). Однако, здесь же мы встречаем своеобразное временное ограничение гостеприимства: как рядовой верующий, так и апостол не должны пребывать в приютившей их общине на правах гостя более двух-трех дней (см.: Дидахе, XI:5; XII:2). Правда, как справедливо отмечено, данное предписание исходит из весьма ограниченных материальных ресурсов изначально очень небогатых объединений христиан.

Таким образом, мы видим, что христианское «страннолюбие» в первые века нашей эры имело достаточно ограниченный характер, распространяясь только на единоверцев и, более того, на тех, чье понимание Евангелия совпадало с взглядами членов принимающей странника общины.

Вместе с тем, в рамках призыва к широкой благотворительности, оказание гостеприимства могло, очевидно, распространяться и на иноверцев и язычников, на что косвенно намекает фраза: «...доколе есть время, будет делать добро всем, а наипаче своим по вере...» (Гал. VI:10).

¹ Свенцицкая И.С. Раннее христианство: страницы истории. 1988. С. 116.

В заключение же, рассматривая христианское «страннолюбие» в сопоставлении с античным обычаем гостеприимства, необходимо отметить следующее.

Прежде всего, нельзя забывать о том, что при тесной связи первоначального христианства с иудаистской средой оказание помощи единоверцам, возможно, восходит к традиции взаимовыручки, характерной для сынов «закона Моисеева» во все времена². Однако и влияние идей античной культурной среды на складывание христианских этических норм из виду упускать нельзя.

При этом связь раннехристианского «страннолюбия» с античной традицией следует искать, обращаясь не к примерам дружеской или внутриколлегияльной взаимопомощи, но к классическому обычаю гостеприимства, характерному еще для полисной системы организации жизни.

Старинный обычай, по-видимому, имел две «стороны» — политическую, когда гостеприимство играло роль института покровительства чужестранцам в незнакомом городе, и религиозно-этическую, предполагавшую оказание помощи любому просящему приюта и гарантировавшую неприкосновенность гостя.

Эти древние формы и возродились в раннем христианстве, но теперь они были наполнены новым смыслом, идущим от принципиально иных основ мировоззрения. Так, оказание гостеприимства всем стучащимся в дом странникам близко к упомянутой античной традиции, хотя обоснованием этому служит уже не почитание древних богов, а стремление заслужить спасение и вечное блаженство через оказание благотворительности.

Другой, политический аспект гостеприимства также, на мой взгляд, имеет отражение в христианских представлениях. Как известно, принявшие новую веру считали себя в этом мире «пришельцами и странниками», и, таким образом, помощь единоверцам приобретала черты защиты их перед лицом чужого города и чуждого мира.

Таким образом, на примере беглого рассмотрения христианского «страннолюбия», можно видеть, как уже на столь раннем этапе своего развития, христианское учение в полной мере проявляло тенденцию к «впитыванию» и переосмыслению элементов античного наследия, причем влияние последних, порой причудливо преломленное, было достаточно сильным и пронизывало все сферы жизни и мысли ранних христиан в первые века нашей эры.

² Никольский Н.М. Древний Израиль. М., 1922. С. 340.

М.В. Блинов

РИТУАЛ ПРИНЯТИЯ В ХРИСТИАНСКИЕ ОБЩИНЫ ВО II ВЕКЕ (НО ДАННЫМ ЮСТИНА и ТЕРТУЛЛИАНА)

Закон и обычай гостеприимства в античности имеет целый ряд аспектов. Кроме его традиционного понимания¹ к данному вопросу можно подходить более расширенно и относить к нему ритуалы принятия в греко-римские таинства², профессиональные и религиозные коллегии³, а также в христианские общины.

Во второй половине II века постепенно складывается новая религиозно-духовная общность людей античного мира — христианство. Организационно последнее строилось как совокупность общин, вступлению в которые предшествовали ритуал (таинство) омовения или крещения.

В то время как ритуал крещения и принятия в первоначальные христианские общины достаточно хорошо изучен⁴, то его освещение применительно ко II веку — важнейшему периоду формирования епископальной церкви — в отечественной литературе отсутствует, за исключением рассмотрения споров о повторном совершении ритуала омовения⁵.

Вместе с тем, в апологетической христианской литературе II века имеются важные источники сведений о ритуале принятия в христианские общины неофитов. Эти первостепенные данные можно обнару-

¹ См.: Гостеприимство //Словарь античности. Пер. с нем. М., 1989. С. 153.

² См.: Буассье Г. Римская религия от времени Августа до Антонинов. М., 1914. С. 346-351, 582-590; Ревиль Ж. Религия в Риме при Северах. М.. 1898. С. 50 и сл.

³ См.: Штаерман Е.М. Мораль и религия угнетенных классов Римской империи. (Италия и Западные провинции). М., 1961. С. 53-76 и др. Об организации и верованиях в общинах Малой Азии см.: Голубцова Е.С. Идеология и культура сельского населения Малой Азии. I - III вв. М., 1977. С. 55-100.

⁴ См.: Ранович А. Происхождение христианских таинств. М.-Л., 1931. С. 91-104; Амусин И.Д. Кумранская община. М., 1983. С. 142-144, 211, 212; Betz O. Die Proselytentaufe der Oumransckte und die Taufe in Neuen Testament//Revue de Qumran. Paris, 1958. T. 1. N 2. P. 224-233.

⁵ Поснов М.Э. История христианской церкви (до разделения церквей — 1054). Брюссель, 1964. (Репринтное издание). Киев, 1991. С. 135-140.

жить при внимательном прочтении произведений Юстина⁶ и малоизученного трактата Тертуллиана "О крещении" ⁷.

В связи с высказанными выше положениями представляется показательным то, что трактат "О крещении" даже не указывается в обширной и подробной статье Э.Л.Радлова "Тертуллиан", опубликованной в энциклопедическом издании "Христианство"⁸. Более того, в новейшем богословском исследовании доктора церковного права, протоиерея В.Рожкова "Очерки по истории римско-католической церкви", предназначенном для его изучения на 3 курсе Московской духовной академии, имена Юстина и Тертуллиана в связи с ритуалом крещения только бегло упоминаются⁹.

Таким образом, данный краткий очерк отчасти восполняет пробел в изучении ритуала принятия в христианские общины во II веке.

Юстин (принял мученическую смерть около 165 года) является первым автором II века, который описывает современный ему ритуал крещения и принятия неофитов в христианские общины, а также излагает его теологию (см.: Apolog. 61. 62. 65; Dial. cum Tryph. 13. 14. 18. 19.43); (Apolog. 61. 62. 63; Dial. cum. Tryph. 13. 14. 18. 19. 43).

Юстин — крупнейший апологет своего времени, в лице которого христианская церковь со времен Тертуллиана (см.: Adv. Val. 5) чтит своего "философа и мученика". Произведения Юстина проникнуты стремлением опровергнуть обвинения "язычниками" иудеями, разного толка еретиками против того направления в христианстве, которого придерживается Юстин и которое в конце II века оформилось в епископальную католическую церковь¹⁰.

Протестантские теологи рассматривают век апологетов как период упадка христианской мысли, как отступление от первоначального христианства, которое в знаменитой фразе апостола Павла о том, что "мы исповедуем Христа распятого, что для иудеев соблазн, а для эллинов безумие" (I Кор. I: 23) сформулировало свою уникальную и исключительную сущность.

⁶ См.: Сочинения святого Иустина философа и мученика. Пер. протоиерея П.Преображенского. М., 1892.

⁷ Тертуллиан. О крещении //Тертуллиан. Творения. Пер. Е.Кареева. Ч.И. СПб., 1849.

⁸ См.: Радлов Э.Л. Тертуллиан //Христианство. Энциклопедический словарь. М., 1995. Т. 3. С. 21-23.

⁹ См.: Рожков В. Очерки по истории римско-католической церкви. Курс лекций, прочитанных для студентов 3-го курса Московской Духовной академии. М., 1994. Ч. I. С. 27.

¹⁰ См.: Chadwick H. Justin Martyr's Defence of Christianity //Bulletin of John Rylandce library. Manchester, 1965. Vol. 47. N 2. PP. 275-297.

Однако, нельзя не видеть, что в рамках исторической ретроспективы апологетика была естественным и необыкновенным феноменом развития христианства. К середине II века последнее получило довольно широкое распространение в Римской империи, и вступило в тесные контакты с греко-римским миром, который с одной стороны пополнял ряды сторонников христианства, а с другой — крайне враждебно встретил новую религию.

В этих условиях христианство, претендовавшее на мировое господство, должно было ясно изложить свои религиозно-мировоззренческие основания, чтобы опровергнуть выдвинутые в ее адрес обвинения (прежде всего со стороны традиционной греко-римской религиозно-философской мысли, апеллирующей к официальной имперской идеологии), сформулировать свое отношение к предшествующим и современным религиозным, богословским и философским учениям и определить свое место в истории духовной культуры античного мира.

Выполнению этих задач была посвящена христианская апологетическая литература, которая в лице Кодрата, Аристида, Юстина, Мелитона Сардийского, Татиана, Афинагора, Муниция Феликса, Оригена и, наконец, Тертуллиана нашла своих блестящих представителей".

В целом произведения христианских авторов II века представляют исключительно ценный материал для изучения борьбы христианства с его многочисленными противниками. Вместе с тем апологетические цели, которые выдвигали на первый план защитники христианства придавали их произведениям односторонний характер. В этом смысле христианская апологетическая литература действительно является ограниченной¹¹.

Рассказы апологетов об организации христианских общин, их численном и социальном составе, о повседневной жизни христиан, о христианских праздниках и ритуалах, о литературе, которой пользовались сторонники нового вероучения, нельзя признать удовлетворительными. Соображения апологетов о жизни христианских общин большей частью не имеют самостоятельного значения, а привлекаются в определенных апологетических и полемических целях.

Отмеченный выше характер христианской апологетической литературы и определяет особенности рассказа Юстина о ритуале крещения и принятия неофитов в христианские общины.

Юстин объясняет последний как ритуал, который имеет сокровенное значение для посвящаемого. Для принятия крещения необходимо убедиться и поверить в истинность христианского вероучения.

¹¹ См.: Карсавин Л.П. Святые отцы и учителя церкви. М., 1994. С. 38-47.

¹² См.: Юлихер А. Религия Иисуса в начале христианства до Никейского собора//Общая история европейской культуры. СПб., б.г. Т.5. С. 212.

Важным этапом в подготовке к принятию ритуала крещения являются, согласно Юстину, посты и молитвы об отпущении грехов, которые совершаются под наблюдением членов христианской общины. Затем совершается собственно омовение (крещение) — ритуал, который опирается на предписания апостолов. Этому последнему обстоятельству Юстин придает особое значение. Генесеург подводит крестника к купели и во время его погружения в воду произносит "неизречимое имя Отца всего Владыки Бога", имя "Иисуса Христа, распятого при Понтии Пилате", и имя "Духа Святого, который через пророков предвозвестил все относящееся к Иисусу Христу". Вместе с этим происходит сверхъестественное освобождение крестника от грехов и его возрождение, которое Юстин называет "просвещением ума, познавшего омовение" (см.: I Apol. 61).

После совершения омовения "просвещенный" вошел в общее собрание христианской общины "для того, чтобы со всем усердием совершить общие молитвы как о себе, так и о всех других повсюду находящихся... для получения вечного спасения. По окончании молитв, — продолжает Юстин, — мы приветствует друг друга лобзанием". Общее собрание христианской общины завершалось ритуалом евхаристии (см.: I Apol. 65).

Лаконичность рассказа Юстина о ритуале крещения объясняется тем, что он является небольшим апологетическим экскурсом, который потребовался для того, чтобы опровергнуть обвинения, выдвинутые против христиан, согласно которым христиане во время своих тайных собраний совершали преступления¹³.

В толковании Юстином теологического значения крещения преобладают полемические тенденции, исходящим моментом для этого служит концепция омовения, как обряда отпущения грехов и возрождения к новой жизни, сформулированная в Евангелии от Иоанна (См.: Иоанн. 3:3 и сл.). Вместе с тем Юстина больше занимают апологетические и полемические положения, направленные против иудаизма. Юстин концентрирует все свои усилия для того, чтобы доказать необязательность обрезания для христиан языческого происхождения потому, что они уже приняли обряд крещения, который является "истинным и духовным обрезанием" (См.: Dial, cum Tryph. 13. 43).

Борьбу против иудаизма апологет ведет на почве ветхозаветной литературы, опираясь на метод "показания от пророчества". Юстин считает, что ритуал крещения был предсказан ветхозаветными пророками, и в особенности Исайей (См.: Dial, cum Tryph. 43). Однако иудеи не

поняли истинный смысл пророчеств. Они вырыли водоемы, где совершают омовения, которые с точки зрения Юстина, являются бесплодными, потому что они "очищают только плоть и тело" (См.: Dial, cum Tryph. 14). Для большей убедительности апологет приводит слова пророка Иеремии (См.: Иерем. 2: 16) о том, что иудеи "оставили живой источник" и ложно обратились к омовению из "сокрушенных водоемов" (См.: Dial, cum Tryph. 19). Напротив, и те, кто покался и поверил в истинность христианского учения, очищаются от греха "верой через кровь и смерть Христа" во время принятия обряда крещения.

Юстин не мог не видеть, что ритуальные омовения совершали не только иудеи, но что подобные обряды совершались и в культах других религий. Это обстоятельство апологет объяснял "кознями дьявола", который хотел скрыть от людей истинную сущность христианского ритуала крещения. "Демоны, услышав об этом омовении, которое было возведено пророками, сделали то, что входящие в храмы их и желающие приблизиться к ним для совершения возлияний и курений окропляют себя и даже делают то, что люди идут и совершенно омываются" (См.: I Apol. 62).

Так виделся христианский ритуал крещения и принятия в церковную общину Юстину — философу и мученику примерно в середине II века после Рождества Христова.

Небольшой трактат Тертуллиана "О крещении" является одним из его зрелых произведений, написан до вступления на почву монтеизма в 202 г. и представляет первое в христианской литературе всестороннее обоснование ритуала крещения¹⁴. Рассматриваемый трактат относится к полемико-догматическим произведениям Тертуллиана, в котором автор описывает ритуал крещения и принятия в христианскую общину неопитов, объясняет учение католической церкви и его значение, показывает необходимость крещения для достижения спасения и выдвигает аргументы против ритуальных омовений, которые совершают "язычники"¹⁵.

Священник Квинт Септимий Флорент Тертуллиан (умер около 220 г.) был последним апологетом II века, и в то же время одним из первых представителей нового направления христианской мысли — церковной богословской науки¹⁶. Основы церковной богословской науки были заложены в процессе борьбы епископальной католической церкви, которую он вел против различных еретических учений. В этой борьбе было недостаточно одних прописанных списков и указаний на отдельные заблуждения еретиков, было необходимо вскрыть их ошибки в

¹⁴ См.: Тертуллиан // Полный православный энциклопедический словарь. СПб., б.г. Репринт. М., Т. II. С. 2155.

¹⁵ См.: Altaner B. Patrologie. Freiburg im Breisgau, 1938. S. 90-91.

¹⁶ См.: Юлихер А. Указ. соч. С. 219.

¹³ Антология подобного рода обвинений христиан собрана другим апологетом христианства — Муницием Феликсом. См.: Ранович А. Античные критики христианства. М, 1935. С. 113-117; Буассье Г. Падение язычества М 1892. С. 193-194.

каждом конкретном случае, доказать произвольность их толкования писания, показать противоречия в их системах. Основание церковной науки составляла система доказательств, которая опиралась на догматы католической церкви¹⁷. Используя достижения эллинистической научной мысли, христианские авторы ввели в свое творчество такие формы античной науки как диалог и трактат. Ириней Лионский и Клемент Александрийский создали первые христианские монографии. Юлий Африкан и Ипполит написали первые исторические произведения, Ориген — первую "Систему". Церковная наука явилась результатом развития христианского богословия на основе принципов и методов исследования, выработанных античной наукой¹⁸.

Трактат Тертуллиана "О крещении" представляет строгое произведение богословской мысли, в котором автор неумоимо собирает и сопоставляет данные, анализирует и систематизирует богословский материал, вскрывает противоречия, формулирует проблемы и вопросы в поисках закономерных связей. Весь комплекс исследования завершают выводы и обобщения.

Описания ритуала крещения и принятия в христианскую общину у Тертуллиана более подробно, чем у Юстина и содержит ряд интересных обстоятельств и мотивов.

Право совершения обряда крещения принадлежит, согласно Тертуллиану, прежде всего епископу. Выполнять его могут также священники и диаконы, а в исключительных случаях и миряне. Но при этом необходимо согласие епископа для того, чтобы, как писал Тертуллиан, "соблюсти уважение к церкви и сохранить мир через эту подчиненность" (См.: De bapt. 17). Тертуллиан решительно выступает против совершения обряда крещения женщинами и пишет, что "Деяния Павла и Феклы", обосновавшие это право, являются еретическим сочинением некоего малоазиатского священника, изгнанного из лона церкви (См.: De bapt. 17).

Наиболее предпочтительным днем принятия крещения Тертуллиан считает праздник Пасхи: "когда страсти Господа, в которые мы крестились, уже совершенны. Другой торжественный день для крещения есть пятидесятница" (См.: De bapt. 19).

Тертуллиан пишет, что принятие крещения возможно в любом возрасте, но, по его личному убеждению, крещение детей и даже молодых людей, не вступивших в брак, является преждевременным. "Пусть же приходят они, когда несколько возмужают, когда будут в состоянии понимать учение и исполнять свои обязанности: пусть начнут с того, что познают Иисуса Христа прежде, чем сделаться христианами. Даже есть

17 Майоров Г.Г. Формирование средневековой философии. М., 1979. С. 110-127.

18 См.: Гарнак А. Церковь и государство вплоть до установления государственной церкви // Общая история европейской культуры. СПб., б.г. Т.5. С. 253.

причины отлагать крещение и для молодых людей, потому что они подвержены слишком сильным страстям, пусть они прежде или женятся или укоренятся в веровании и воздержании" (См.: De bapt. 18).

Перед принятием крещения необходимо соблюдать строгий пост, проводить время в коленопреклонении, бдении и исповедании грехов. Умерщвление плоти изглаживает, по мысли Тертуллиана, прежние грехи человека и предохраняют от будущих (См.: De bapt. 20). Впрочем, Тертуллиан допускает, что люди уже принявшие крещение, остаются все же подверженными новым грехам (См.: De bapt. 8).

Во время омовения человек очищается от грехов и возрождается к новой жизни благодаря магической силе воды, освященной Святым Духом (См.: De bapt. 4). Затем генесеург совершал помазание крестника, означавшее, по всей видимости, его посвящение служению Иисусу (См.: De bapt. 6). Обряд крещения завершался актом привлечения к крестнику Святого Духа, во время которого генесеург в соответствии с апостольским преданием возлагал на крестника руки и читал молитву (См.: De bapt. 7).

В толковании Тертуллианом ритуала крещения наблюдается одна немаловажная и непонятная при первом взгляде черта. Автор трактата "О крещении" нигде не акцентирует внимания, подобно Юстину (см. выше), на том исключительно важном для христианской теологии обстоятельстве, что во время крещения крестнику (в терминах Тертуллиана — "неофиту") сообщается тайна смерти и Воскресения Иисуса Христа для искупительной жертвы, которая является залогом очищения от грехов и возрождения к новой жизни всех верующих в истинность христианского учения.

Тертуллиан, решительно отвергавший магию, (См.: De idol. 9), в понимании ритуала крещения всецело оказывается на почве магических представлений, согласно которым не искупительная жертва Иисуса Христа, а магическая сила воды, освященной Святым Духом, составляет таинство крещения (См.: De bapt. 4).

Подтверждение своей концепции Тертуллиан находит в библейской литературе, которая представляет собой антологию примеров связи ее персонажей с водной стихией (См.: De bapt. 9 со ссылками на Исх. 14:3-29, 25:25; Числ. 20:11; Иоан. 2:1-10, 7:37, 13:5; Мтф. 10:2 и другие).

Отсюда Тертуллиан делает вывод, согласно которому вода обладает магической силой, происходящей от Бога (См.: Ibidem).

Указания на божественную природу водной стихии Тертуллиан видит в неразрывной, как он считает, связи воды и Святого Духа (См.: De bapt. 3,4). Вода, по ветхозаветной космогонии была первобытной стихией, из разделения которой на "верхние" и "нижние" воды началось со-

творение мироздания (См.: Быт. 1:2)¹⁹. Согласно интерпретации Тертуллиана, вода была седалищем Духа Божьего и произвела первые живые существа (См.: Быт. 1:20 и сл.).

Связь между водной стихией и Духом Божьим, отмеченную в космогонии "Шестоднева" "Книги Бытия", Тертуллиан понимает как прообраз крещения. Во время совершения последнего ритуала над водой витает Святой Дух, который во время призывания Бога нисходит и освящает воду, сообщая ей очистительную магическую силу, которая способна изгладить все грехи человека и возродит его к новой вечной жизни (См.: De bapt. 4).

Омовение водой является одновременно и приобщением к дарам Святого Духа, а также ритуалом вступления в христианскую церковь.

Наконец, Тертуллиан, также как и Юстин, обращает внимание на ритуал омовения в "языческих" религиях, а именно: в культах Изиды, Митры и в Элевсинских таинствах. Омовения, совершаемые "язычниками", представляются Тертуллиану демоническим наваждением, которое только губит людей²⁰.

"... Нечистые духи носятся над водами, как бы подражание тому, что в начале мира Дух Божий носился над водой. Много слышно рассказов о мрачных источниках, об ужасных ручьях, о купелях в банях, о заколдованных колодцах и водоемах, которые, судя по рассказам, глотают или душат людей, силою, конечно, злого духа" (См.: De bapt. 5).

¹⁹ Древнееврейское слово *tehom*, употребляемое для обозначения первобытной водной стихии (см.: Быт. 1:2), в современной науке рассматривается большинством исследователей как демифологизированное имя вавилонской богини — чудовища Тиамат, путем расчленения тела которой бог Мардук произвел разделение неба и земли. См.: James E.O. *Myth and Ritual in the Ancient Near East*. L., 1958. P. 166-167.

²⁰ См.: Преображенский П.Ф. Тертуллиан и Рим//В мире античных идей и образов. М., 1965. С. 340.

SUMMARY

The collection of articles is devoted to the memory of recently dead Professor Elena Sergeevna Golubtsova - a prominent scholar in Classical Antiquity, President of the Association of the Russian Scholars in Classical Antiquity, Doctor of Historical Sciences, leading researcher of the Institute of Universal History of Russian Academy of Sciences. This book is the proceedings of the Conference "Laws and Customs of Hospitality in the Ancient World" - the last conference organised by E.S.Golubtsova.

The first article of the book is devoted to the memory of Elena Sergeevna Golubtsova (1921-1998) written by I.L.Mayak who describes the life and the career of E.S.Golubtsova and estimates her scholarly contribution to the development of classical studies in Russia. The first part of the book is also devoted to the reminiscences of E.S.Golubtsova's colleagues and disciples. L.L.Selivanova's article "Elena Sergeevna Golubtsova and the Association of Russian Scholars in Classical Antiquity" dwells upon the history of the Association's establishing and the part and contribution of E.Golubtsova into the process of its establishment. The author also describes in detail the active work of the Association during the period of E.S.Golubtsova's presidency and shows Elena Sergeevna as a person and a scholar.

E.S.Golubtsova's life and scientific work, her contribution to the development of the national classic science are described in the articles "Elena Sergeevna Golubtsova as a Scholar and Organizer of Science" by A.I.Pavlovskaya, "To the Memory of E.S.Golubtsova Being an Excellent Personality and a Talented Organizer" by Z.G.Samodurova and "The Lay of the Memory of My Colleague Elena Sergeevna Golubtsova" by Yu.K.Kolosovskaya. They all deal with E.E.Golubtsova's research work, her organisational talent and social activity, emphasizing fine human features of the outstanding scholar.

In the articles by O.A.Shalimov, N.A.Chaplygina and A.I.Nemirovsky Professor Golubtsova appears as a prominent scholar, an experienced pedagogue, a demanding supervisor and a kind, charming and responsive person, a real colleague and friend - a patriot of her country and the Institute where she had worked for a long period of time.

The second part of the book is based on the papers presented at the Conference "Laws and Customs of Hospitality in the Ancient World". The Conference was held in the Institute of Universal History of RAS on the 26th-27th of May, 1998. About 100 scholars from Russia and CIS participated in it.

The plenary session is opened by two papers to be the first in this part. Yu.K.Kolosovskaya gives the analysis of hospitality as one of the most ancient legal institution having titled her paper "Hospitality as the Law of Ancient Roman Peoples". The author notes that the "history of Ancient Rome is opened by the institution of hospitality". G.S.Knabe in his paper "Scipio as Syphax's Guest" uses "History of Rome" by Livy as a source. The author studies an episode of a chance meeting of the two enemies - Scipio the African and Hasdrubal - at the Nymidian king Syphax's feast. Besides that the role of hospitality and feast in Romans' public life is also described in this paper.

The three other papers elucidate the problem of hospitality in Ancient Greece. The article "Hospitable Marriage (alfesiboia) and the Establishment of Polis in Ancient Greece" by V.V.Gorovoy (Karaganda) touches upon a scarcely studied problem of the role of "marriage hospitality" in the process of forming the polis. The author scrutinises the problem in a "military" aspect disclosing the role of "hospitable marriage" in developing of clan and tribal irregulars into the Greek phalanx. In his paper "To the Status of Pilgrims and Guest-Friends in Archaic Greek World" P.V.Kovalev (Moscow) concludes that geographic area of hospitality ties was broader than inter-polis festivals and migration flows. I.E.Surikov's paper "Croesus's Hospitality and Athenians" shows that Herodotus gives the exceptional information about early xenic contacts among Athenian aristocratic clans beyond the Greek world.

The problem of hospitality in Classical Greece is reflected in the papers of M.F.Vysoky and V.Dorofeeva. In his paper "Relations Among Heads of States" M.F.Vysoky (Moscow) turns to Herodotus's information about the conflict between the Greeks and the Carthaginians on Sicily in 480 B.C. In the context of interstate relations between Hymera and Carthago he defines tyrant's proxenia for Hymera and Hamilcar as a private-legal institution of political unity of the two states. V.Dorofeeva (Moscow) in her paper "Unities of Private Hospitality Among Representatives of Aristocracy (on "Anabasis" by Xenophon)" comes to the conclusion that the relations of private hospitality were strengthened in the period of polis decline. L.P.Marinovich and G.A.Koshelenko having devoted their article "Where and What For Did Demeas Sail?" to E.S.Golubtsova's memory took the subject which was in the sphere of Professor Golubtsova's interests - interrelation between the Ancient Mediterranean World and the Northern Pontic area. Studying the problem of relations between Athens and Bosporus, the authors investigated the source which has never been analysed before from this particular point of view. The question under discussion is the comedy "A Woman from Samos" by Menander. The authors come to the

conclusion that the Athenian public was accustomed to the situation when a rich citizen was engaged in trade and sailed to Bosporus. V.I.Kuzischin in his article "Ischomachus's Country-Estate and Cato's Land Possessions as Two Models of Ideal Ancient Household" compares the types of management of Greek Ischomachus (the 4th century B.C.) and Roman Cato the Elder (the 2nd century B.C.) They have a lot of similar features: both households were medium-sized, their production was centralized and multi-profiled, they were aimed at maximum self-providing with some features of marketability and were served by 15 to 20 slaves. But at the same time Cato's rural estate-villa opened more favourable potention towards racionalisation of household apart from that of Ischomachus's one which was fully orientated to urban life and fine leisure. Finally these differences preconditioned various examples of economy, and first of all the agrarian development of Roman civitas and Greek polis.

The two papers dealing with the problem of hospitality are based on mythological material. In their paper "Peisistratids as Descendants of Those Who Refused Hospitality (Actualisation of Dynastic Myth)" A.A.Molchanov and I.E.Surikov (Moscow), having studied sacral-genealogical legends, showed that Peisistratids' deprivation of power by their contemporaries was the retribution for their ancestors Neleids who had refused hospitality to Heracles. The paper "Insult is an Uninvited Guest" by L.L.Selivanova touched upon the same motive. She puts questions why all insults, wars and quarrels are happening when hospitality is not rendered to goddess of discord Eris and why everything turns out happily when she is invited. The author comes to the conclusion that refusal of hospitality means a violation of divine commandments, insult of Zeus Xenios which inevitably brings about punishment.

Four papers are devoted to law and custom of hospitality in Roman times. In the paper "Laws" in Greek Literary Papyri" V.N.Ilyushechkin comes to the conclusion that the mixture of common law and legal system took place in the Roman Eastern provinces due to the mixture of different ethnic elements of population. Another region is the Roman Spain which is traced by A.V.Korolenkov in the paper "Vibius Pactianus as Crassus's Guest-Friend". Viewing biography of Vibius, a Crassus's client, he touches upon the role of private hospitality in provincial's promotion in Rome. The subject of hospitality in the context of international relations is reflected in the paper "Coan's Hospitality" by K.L.Gulenkova (Moscow) who demonstrates that the Island of Cos, being in the centre of Mithridatic Wars, did not suffer from it and even got all profits as the conqueror's ally, because it had followed a contemplated policy of hospitality. It rendered hospitality to everybody including Romans, Mithridates VI, Egyptian princes and

Hebrew merchants, but in case of danger it "washed its hands". The paper "To the Discussion of Chersonesus Decree in Honour of T.Aurelius Calpumianus Apollonides" by V.P.Yailenko is based on epigraphic material from the Northern Pontic area. He investigates in detail the inscription about the proxenic rights given to Apollonides by the citizens of Tauric Chersonesus in 174 A.D. He stresses out the importance of this document from the following points of view: on the turn of the two eras the institution of proxenia got rid of and only Chersonesus and some other centres went on to endow their benefactors with proxenia privilege.

The paper "Hospitality to Pilgrims" in Early Christian Communities and Ancient Custom of Hospitality" by O.B.Myazina (Tver) deals with the problem of the Christian idea of hospitality and differences between ancient hospitality and Christian "hospitality to pilgrims". M.V.Blinov (Zhukovsky) examines ritual aspects of hospitality in his paper "Ritual of Adoption to Christian Communities in the 2nd Century A.D.".

In conclusion Professor E.S.Golubtsova, President of the Russian Association of Scholars in Classical Antiquity, expressed her content with fruitful and profound elaboration of the problems connected with the subject of hospitality in antiquity, having thanked all participants of the Conference.

СОДЕРЖАНИЕ

И.Л.Маяк	<i>Памяти Е.С.Голубцовой (1921 -1998)</i>	7
-----------------	--	----------

ЧАСТЬ I

Л.Л.Селиванова	<i>Елена Сергеевна Голубцова и Российская Ассоциация Антиковедов</i>	13
А.И.Павловская	<i>Елена Сергеевна Голубцова - ученый и организатор науки</i>	21
З.Г.Самодурова	<i>Памяти Е.С.Голубцовой - прекрасного человека и талантливого организатора</i>	26
Ю.К.Колосовская	<i>Слово памяти моей коллеге Елене Сергеевне Голубцовой</i>	28
О.А.Шалимов	<i>Елена Сергеевна Голубцова</i>	30
Н.А.Чаплыгина	<i>Quod probe notandum</i>	33
А.И.Немировский	<i>Неотправленное письмо</i>	41
Список научных трудов	<i>Е.С.Голубцовой</i>	43

ЧАСТЬ II

Доклады конференции
"Закон и обычай гостеприимства в античном мире"
(Москва, 27-28 мая)

Ю.К.Колосовская	<i>Гостеприимство как право (Москва) народов древнего Рима</i>	49
Г.С.Кнабе	<i>Сципион в гостях у Сифака (Москва)</i>	59
В.В.Горовой	<i>Гостеприимный брак (алфесибойя) (Караганда) и становление полиса в древней Греции</i>	61
П.В.Ковалев	<i>О статусе странников и гостеприимцев (Москва) в архаическом греческом мире</i>	
И.Е.Суриков	<i>Гостеприимство Креза и афиняне (Москва)</i>	72

Л.П. Маринович	<i>Куда и зачем плавал Дея?</i>	80
Г.А. Кошеленко		
(Москва)		
В.И. Кузнецов	<i>Хозяйство Исхомаха и имение Катона:</i>	
(Москва)	<i>две модели античного поместья</i>	99
М.Ф. Высокий	<i>Отношения гостеприимства</i>	
(Москва)	<i>между руководителями государств</i>	114
В.Дорофеева	<i>Союзы частного гостеприимства</i>	
(Москва)	<i>между представителями аристократии</i>	
	<i>(по сочинению Ксенофонта "Анабасис")</i>	118
А.А. Молчанов	<i>Писистратиды - потомки отказавших</i>	
И.Е. Суриков	<i>в гостеприимстве</i>	
(Москва)	<i>(актуализация династического мифа)</i>	122
Л.Л. Селиванова	<i>Обида - незваная гостья</i>	131
(Москва)		
В.Н. Илюшечкин	<i>"Законы" в греческих</i>	
(Москва)	<i>литературных папирусах.</i>	142
Л.В. Короленков	<i>Вибий Пакциан - гостеприимец Красса</i>	146
(Москва)		
К.Л. Гуленков	<i>Косское гостеприимство</i>	150
(Москва)		
В.П. Яйленко	<i>К дискуссии о Херсонесском декрете</i>	
(Москва)	<i>в честь Т. Аврелия Кальпурниана Аполлониды</i>	154
О.Б. Мязина	<i>"Страннолюбие" в раннехристианских</i>	
(Тверь)	<i>общинах и античный обычай гостеприимства</i>	177
М.В. Блинов	<i>Ритуал принятия в христианские</i>	
(Жуковский)	<i>общины во II веке</i>	
	<i>(по данным Юстиниана и Тертуллиана)</i>	181
Summary		189

Закон и обычай гостеприимства в античном мире **Доклады конференции**

Утверждено к печати
Институтом всеобщей истории РАН

Л.Р. № 020915 от 23 сентября 1994 г.

Подписано в печать 18.1.99
Гарнитура Тайме. Объем - 12,25 п.л. Тираж 400 экз.

И В И Р А Н. Ленинский пр., д. 32 а